

В. И. ШНИТНИКОВ

59

Ш-77

ЗВЕРИ КАЗАХСТАНА

КАЗГОСИЗДАТ 1938

В. Н. ШНИТНИКОВ

ЗВЕРИ КАЗАХСТАНА

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка		Напечатано	Следует читать
	Сверху	Снизу		
47	—	2	ка как-нибудь	каких-нибудь
50	20	—	обрегаемые	обрезанные
50	21	—	делаюэ	делают
70	4	—	лдвоем	влвоем
70	5	—	выстрее, в	выстрел
84	11	—	бо	об
99	14	—	поворотливое	неповоротливое
130	1	—	веселыми	с веселыми
132	1	—	иживут	живут

По техническому недосмотру на титульном листе пропущена фамилия художника: Г. РАКОВ

зак. № 358

КАЗАХСТАНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА—1937

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что природа Казахстана отличается большим разнообразием. В Казахстане есть и огромные низменные пространства и очень высокие горы. Известно и то, что в горах климат, а следовательно, и растительность совершенно не такие, как в низменных местах: чем выше мы будем подниматься в горы, тем все больше и больше окружающая природа будет отличаться от того, что мы видели у подножья гор. За несколько часов ходьбы или верховой езды медленным шагом (так всегда приходится ездить в горах) вы попадаете из жаркой сухой пустыни в холодный и влажный климат альпийского луга. Здесь даже в июле месяце вас неожиданно может застигнуть снежный буран или, проснувшись поутру у себя в палатке, вы обнаружите, что оставленный вами с вечера стакан чаю покрылся ледком.

Так же, как климат, разнообразна в Казахстане и почва. Тут мы найдем и плодороднейшие черноземы и сыпучие пески, и бесплодные пустыни или солончаки, на которых могут расти только очень немногие растения, приспособившиеся к пропитанной солью почве. В горах на большой высоте есть и такие места, где вовсе нет никакой почвы,—одни только скалы да щебень.

Понятно, что и растительность нашего края тоже очень разнообразна. Обширные песчаные пространства то совсем лишены растительности, то покрыты особыми, только в песках встречающимися, растениями.

В горах огромные площади заняты голыми скалами или сплошь усыпаны каменными обломками, которые нагромождаются в ложбинах в виде осыпей, а с известной высоты начинаются вечные снега и ледники.

Но наряду с такими безотрадными, безжизненными местами, гораздо большие пространства Казахстана представляют совершенно другие ландшафты.

Вот необъятные полынные степи. Лишь только сойдет снег, они покрываются великолепным пестрым ковром многочисленных ранне-весенних цветов — „эфемеров“. Правда, все эти яркие цветы очень недолговечны, они быстро отцветают, засыхают и даже исчезают совсем, так что летом от многих из них и следов не остается... Но под землей весь год сохраняются их клубни, луковицы или корневища, из которых на следующую весну развивается новое поколение эфемеров.

Летом полынные степи имеют не очень радостный вид, но к осени, когда разрастается полынь, они несколько оживляются. Полынные степи служат хорошим пастбищем для овец. Там же, где выпадают в достаточном количестве дожди, и там, куда можно вывести воду для полива, они превращаются человеком в пашни.

Эти степи являются как бы переходом от пустынных или полупустынных местностей к роскошным ковыльным степям, которые занимают в Казахстане огромную площадь и играют в его хозяйстве очень большую роль. В естественном виде ковыльные степи используются как пастбища; когда же их распахивают и засевают, они дают хороший урожай.

По берегам больших рек и озер, а также на низких и влажных местах степной низменности расположены превосходные заливные и пойменные луга, а в горах — альпийские луга с замечательной, необыкновенно питательной растительностью. Берега многих рек и озер покрыты зарослями камышей или кустарниками и рощами. Склоны же гор и вообще возвышенные места покрыты великолепными хвойными и лиственными лесами.

Так богата и разнообразна природа Казахстана.

А где богата природа, там неизбежно богат и животный мир. Ведь известно, что только в лесу можно встретить, например, рысь, марала, белку или таких птиц, как дятел, глухарь, рябчик. В то же время в лесу не водятся, но зато прекрасно чувствуют себя в открытой степи — джейран, сайга, корсак. Одни любят прохладу горных высот

(горные козлы, барсы, архары; из птиц — улары, альпийские галки, горные вьюрки), другие, наоборот, — жару песчаной пустыни или полынной степи (полуденная песчанка, пустынный конек, очень многие ящерицы). Некоторые постоянно прячутся в густых зарослях кустарников или в камышах (кабан, тигр; из птиц — выпь, болотные курочки, камышевки), а иные живут только на открытых местах, где они могут увидеть приближающегося врага издали, при чем есть такие зверьки и птицы, которые не выносят даже густой травы (тушканчики, некоторые жаворонки).

Короче говоря, где разнообразнее природа, там разнообразнее мир животных, и, действительно, в Казахстане число разных зверей и зверьков очень велико; их, вероятно, не менее ста пятидесяти видов.

Чтобы познакомить вас со всеми, понадобилось бы, пожалуй, написать десяток таких книжечек, как эта. Но среди зверей есть более интересные и менее интересные.

Кроме того, жизнь одних из них изучена сравнительно хорошо, о других же до сих пор мы почти ничего не знаем. Поэтому для начала я расскажу вам только о тех зверях или маленьких зверьках, о которых можно больше сообщить интересного.

Мы будем знакомиться со зверями в таком порядке: начнем с живущих в низменностях и постепенно будем подниматься все выше и выше, пока не заберемся совсем высоко в горы.

ТУШКАНЧИКИ

Самые непривлекательные места, это — пустынные пространства солонцов, с редкими кустарниками солянок и полыни, каменистые степи, негустые заросли чия, наконец, настоящие пески. Большинство животных избегает этих мест. А вот один зверек, очень интересный и своеобразный, только здесь и любит селиться. Зверек этот не походит на большинство всем известных зверьков ни по своему виду, ни по своим повадкам. Называют его обычно тушканчиком, или земляным зайчиком, а в Казахстане местные жители часто зовут его тарбаганчиком (по-казахски — к о с а я к).

Тушканчики немного похожи на крошечного кенгуру: у них такие же очень длинные задние ноги и совсем короткие передние, очень длинный, хотя и совершенно иначе, чем у кенгуру, устроенный хвост. Подобно кенгуру, они передвигаются прыжками на одних задних ногах, совершенно не пользуясь при этом передними, которые нужны им только для того, чтобы держать пищу и рыть землю. Изящную наружность тушканчика сильно портит его безобразная мордочка — короткая, толстая и тупая, как будто бы ему кто-то пальцем придавил нос.

У нас есть довольно много видов тушканчиков, но не все они живут на солонцах или в каменистой пустыне.

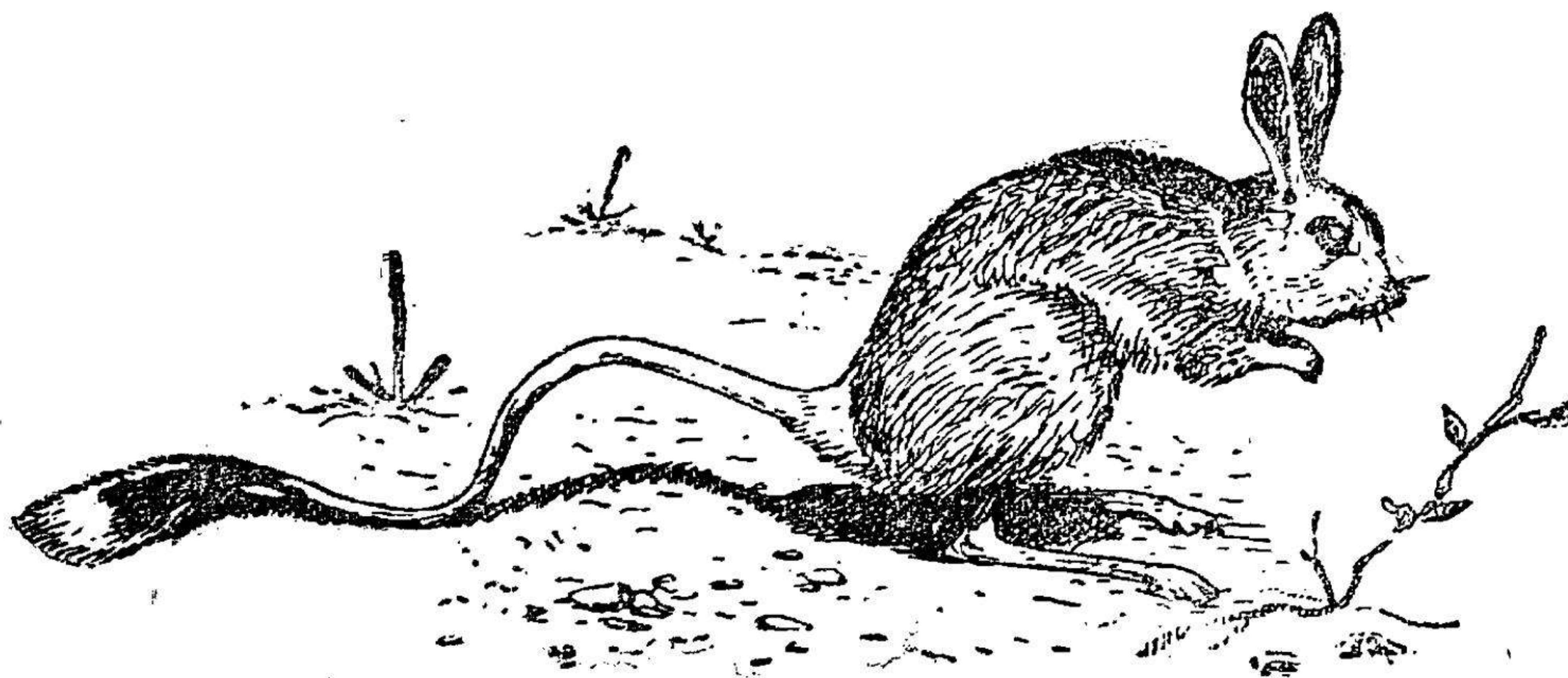
Есть среди них такие виды, которые поселяются только в песках. Однако, ни один из них не живет среди густой и богатой растительности, и все они, по образу жизни, очень похожи друг на друга. Поэтому я и буду говорить вообще о тушканчиках, лишь иногда касаясь того или другого отдельного вида их.

Чтобы узнать тушканчика, достаточно того, что уже сказано о его внешности. К этому надо только добавить, что у большинства тушканчиков на конце хвоста есть довольно большая плоская кисточка из волосков, расположенных на подобие бородок пера. Часть этой кисточки бывает обыкновенно окрашена в белый или черный цвет, так что у бегущего зверька она хорошо видна издали. Эта кисточка носит даже особое название — „знамя“; она является хорошим отличительным признаком для многих видов тушканчиков.

Как я уже сказал, тушканчики передвигаются только прыжками. Ходить или бегать они совсем не умеют. Зато прыжки они могут делать огромные. Например, маленький мохноногий тушканчик делает прыжки до $1\frac{1}{2}$ метров, т. е. в 10—12 раз превышающие длину его тела. Все, особенно быстроногие, тушканчики, если их испугать, мчатся с такой быстротой, что кажется, будто зверек вовсе не бежит, а летит: после полуметрового прыжка тушканчик лишь на мгновение касается земли, затем сразу же делает следующий прыжок и т. д. Мы почти не замечаем этих прикосновений к земле, а видим как бы сплошной волнистый полет.

Но так мчатся тушканчики, конечно, только при тревоге. Большие скачки сильно утомляют зверька, и он всегда старается поскорее укрыться под каким-нибудь кустиком и сидит там неподвижно, спрятав голову между передними лапками (чтобы закрыть белое брюшко и стать более незаметным). При приближении человека он

снова обращается в бегство, но убегает обычно недалеко, так что разыскать его при некотором умении бывает нетрудно.

На кормежке, когда тушканчика ничто не тревожит, он передвигается маленькими прыжками, не торопясь, постоянно останавливается, забавно приседая, обнюхивает всякий кустик и очень любит заглядывать в встречающиеся норки. Последним пользуются при ловле тушканчиков: нарочно делают глубокие ямки и ставят перед ними капканчики, в которые и попадают любопытные зверьки.

Питаются тушканчики, главным образом, различными растениями, при чем особенно любят луковицы тюльпанов и других растений; они ловко выкапывают их зубами и передними лапками. Каждое утро многочисленные свежие небольшие ямки напоминают о ночных похождениях тушканчиков.

Однако, не отказываются они и от животной пищи, в частности охотно едят насекомых. Иногда мохноногие тушканчики выбирают для обеда определенное местечко — вершину бархана или тропинку, — сюда они приносят сорванные веточки, которые и объедают. Часто на песке подле следов зверька мы находим многочисленные объедки его корма.

Все тушканчики ведут строго ночную жизнь. Днем добровольно никогда не выходят из своих норок. Некоторые из них и вечером показываются очень поздно, а утром, наоборот, прячутся очень рано. Видеть их на воле днем почти никогда не удастся. Поэтому мало кто знает тушканчиков, — австралийский житель кенгуру большинству лучше знаком, чем наш тушканчик.

Но если бы тушканчик случайно и встретился нам в сумерки или даже днем, то это еще не значит, что мы его сразу заметили бы. Шубка этих зверьков, по своей окраске, так хорошо приспособлена к окружающей местности, что увидеть притаившегося тушканчика — далеко не простое дело.

Как-то раз, когда я ехал по степи, у моей лошади провалилась нога в норку тушканчика. Испуганный хозяин норки выскочил через свое „окошечко“ (о нем мы поговорим еще особо) и бросился наутек. Пробежав

небольшое расстояние, он вдруг замер неподвижно на задних лапках и в то же мгновение... исчез; чуть виднелось только его „знамя“. Спрятаться тушканчик не мог: он остановился на совершенно голом месте. Но как я ни старался, мне не удалось рассмотреть зверка, как будто бы он вдруг надел шапку-невидимку, и я должен был выстрелить наугад, целясь по „знамени“. А ведь это было среди бела дня. В сумерках различить этих зверков еще труднее. Ночью же когда они, собственно, только и живут настоящей жизнью, их уже и совсем невозможно увидеть, даже в самые ясные ночи, когда в Казахстане полная луна иногда светит так ярко, что в песках различимы мелкие жучки и можно читать книги, напечатанные крупным шрифтом.

Один молодой ученый рассказывал мне, как он с товарищем по экспедиции, желая хорошенько понаблюдать за тушканчиками на воле, просиживал в самые светлые и ясные ночи часами, иногда до утра, в таких местах, где тушканчиков заведомо было множество, но так ни разу и не увидел ни одного из них. Между тем каждый раз утром обнаруживалось, что песок вокруг весь покрыт свежими следами зверьков, которые всю ночь преспокойно бегали, оставаясь невидимыми.

Однажды в одно из таких ночных дежурств, заметив свежие следы тушканчика совсем около себя, ученый отошел немного в сторону и стал, не сводя глаз, смотреть на тот след, который сам он оставил, сидя на песке. Наконец, долгое и безрезультатное наблюдение за этим местом ему надоело и он подошел к нему вплотную. Каково же было его удивление и даже возмущение, когда на том самом месте, с которого он все время не спускал глаз, оказались свежие следы тушканчика.

Нет сомнения, что такая поразительная „защитная окраска“ оказывает тушканчикам очень большую услугу, помогая им скрываться от врагов.

Эти зверьки размножаются далеко не так быстро, как большинство их сородичей-грызунов. У них рождается всего 3 — 4 детеныша, притом только раз в лето, в то время как многие мелкие зверьки приносят по 6—7 детенышей по нескольку раз в год.

Обороняться от врагов тушканчики, конечно, не могут, а, между тем, во многих местах их враги очень многочисленны. Охраняет тушканчиков от истребления их окраска, но не только она. Сохранению жизни тушканчиков способствует еще одна их биологическая особенность. По наблюдениям ученых, эти зверьки имеют обыкновение закрывать на день свои норы, чего не делают другие наземные зверьки. Причем они не просто закрывают норки, а тщательно забивают их изнутри плотной земляной пробкой, которая иногда достигает огромных размеров: бывали случаи, когда нора оказывалась забитою землей в глубину на три метра от выхода.

Такие норы тушканчиков можно найти рано утром, когда земля или песок еще не высохли и ветер не успел сравнять поверхность норки. Понятно, что добраться до сидящего в своей земляной крепости тушканчика его врагам — хорьку, ласке или змее несравненно труднее, чем до суслика, песчанки, хомячка или полевки, норки которых хорошо видны и вполне доступны. Как известно, закрывают входы в норы, насыпая над ними кучки земли, только те зверьки, которые ведут подземный образ жизни, как, например, крот, слепушонок, слепыш.

Уже одни эти трехметровые пробки в норах тушканчиков, показывают замечательную способность этих зверьков к земляным работам и к труду вообще. В самом деле, вырыть нору в три метра длиною только для того, чтобы затем немедленно опять забить ее землею — работа не легкая и далеко не обычная. Не трудно догадаться, что вся нора, где живет тушканчик с семьей, должна при этом достигать огромной длины. И она, действительно, нередко превышает 10 метров.

Больше того, оказывается, что многие тушканчики устраивают себе не одну, а несколько нор, предназначенных для различных надобностей. Кроме постоянных жилых нор, в которых живет тушканчик — мать со своими детьми, тушканчики устраивают еще „временные дневные“ норы, в которых они проводят свой дневной отдых, причем иногда в течение лишь нескольких дней (иногда даже только один день), а затем бросают их, устраивая себе новое пристанище. Но и такие „временные“ норы имеют иногда 11 метров длины. Однако, тушканчики не довольствуются и этими двумя квартирами; они часто устраивают себе „ночные“ норы. В них предусмотрительные зверьки порой даже вовсе не живут, — роют же их только для того, чтобы в случае неожиданного нападения на них врагов, во время кормежки, не нужно было тратить время на дорогу до главного убежища.

Длина даже этих нор, которые, может быть, никогда и не понадобятся, доходят до метра. Энергия тушканчиков и страсть их к земляным работам не исчерпывается рытьем самых разнообразных нор. Некоторые из тушканчиков, главным образом, так называемые, большие земляные зайцы устраивают около своих постоянных и даже временных квартир различные сооружения из земли, которые, в сущности говоря, не имеют никакого практического значения. Очевидно, эти сооружения делаются тушканчиками только от избытка энергии и из любви к возне с землею. Иногда, например, пространство перед входом в норку бывает огорожено специальными валиками из рыхлой земли, так что получаются как бы маленькие дворiki разнообразной формы и различных размеров. Иногда вал не замыкается, а просто бывает насыпан, как попало, против входа в норку.

Однажды я нашел нору тушканчика, против которой вся поверхность очень твердого и гладкого солонца („такыра“) была разрыхлена, и вся земля вместе с выброшенной из норы была тщательным образом разровнена. Все маленькие углубления, которые встретились на поверхности почвы, были старательно заполнены, так что перед норой получилось большое (около 2-х метров длиною),

совершенно ровное пространство — настоящая спортивная площадка.

Некоторые виды тушканчиков так любят возиться с землей, что без всякой цели роются на дороге в пыли, сгребают ее в кучи или насыпают из нее валы самой разнообразной формы.

Очень любят тушканчики играть, бегать по пыльным дорогам. Утром степные дороги иногда бывают сплошь покрыты характерными следами зверьков, в виде парных отпечатков задних ступней, а также полосками и мазками, оставляемыми их длинным хвостом. С большой охотой тушканчики возятся и в золе, остающейся на месте костров. Этим пристрастием зверьков к пыли и золе тоже пользуются при их ловле: насыпают толстым слоем пыль и расставляют в ней капканчики или просто ставят их на месте брошенного костра.

Норку тушканчика узнать очень легко, так как вход в нее значительно отличается от входа в норки других зверьков: он не круглый, а в высоту гораздо больше, чем в ширину. Устроен он так, благодаря особенному строению тела тушканчика, с его длиннейшими задними ногами.

Очень интересно тушканчик работает при устройстве норы. Эту работу удалось проследить на больших ручных земляных зайцах. Землю тушканчик разрыхляет зубами. Поэтому не удивительно, что он ухитряется устраиваться на таких твердых почвах, которые с большим трудом берет даже нож. Никакими когтями здесь, конечно, ничего нельзя было бы сделать. Разрыхленную землю зверек отгребает сначала передними лапками, а когда ее накапливается побольше, отталкивает задними лапками. Наконец, когда куча земли станет слишком большой, тушканчик отбрасывает ее подальше от входа в нору.

Одни наблюдатели говорят, что зверьки отбрасывают землю на далекое расстояние сильными толчками задних ног, другие же утверждают, что отталкивают ее зверьки передними лапками и мордочкой.

Вообще же мордочка играет большую роль в земляных работах тушканчика, отчего, вероятно, и получилась она, в конце концов, такой некрасивой. Тушканчик поль-

зуется ею для устройства пробки, как толкачем и даже трамбовкой.

Пробка делается им таким образом. Зверек мордочкой и передними лапками подвигает к выходу из норы валик рыхлой земли и оставляет ее здесь, придавив опять-таки лапками и мордочкой. К этому валику придвигаются и придавливаются другие, пока не образуется, наконец, пробка нужной длины.

Очень интересно большой земляной заяц поворачивается в только что вырытой норе, когда он накопал достаточно земли, и ему требуется вытолкнуть ее наружу или подтолкнуть к нужному месту для устройства пробки. Повернуться просто, как это делают все обитатели нор, он не может, так как для этого нора у него слишком узка. И вот он проделывает целое сложное гимнастическое упражнение: валится на бок, переворачивается на спину, с усилием продвигает голову вперед, между потолком норы и брюшком, к задним ногам и, наконец, протягивает назад задние ноги и хвост.

Было бы слишком скучно и долго проделывать все эти фокусы в повседневной жизни у себя в норе. Поэтому, вероятно, в норках тушканчиков во всех тех местах, где ход круто изгибается или разветвляется, устроены расширения в виде камер, в которых зверок поворачивается уже легко.

Для воспитания молодых тушканчиков в постоянной норе есть глубокая большая гнездовая камера, в которой устроено теплое гнездо из стебельков травы и корешков, иногда с примесью шерсти и перьев. Молодые живут с матерью в норе довольно долго—пока не достигнут больше половины роста, после чего расходятся, и устраивают себе самостоятельное жилище.

Песчаные тушканчики настолько привыкли к рыхлой поверхности песков, что совершенно не переносят песка влажного, сильно промоченного дождем. Есть, кстати сказать, песчаные ящерицы, которые совершенно не показываются на поверхности земли на следующий день после сильного дождя; однако, тушканчики в этом превосходят даже их. Они решаются выйти из норы только через сутки после дождливой ночи.

По сыпучему же сухому песку они передвигаются с необычайной легкостью, совершенно не проваливаясь. Пальцы на задних лапках у них покрыты длинными жесткими, похожими на щетинки, волосками, из которых образуются широкие кисточки, не позволяющие тушканчикам вязнуть в песке.

Теперь несколько слов о пресловутом „окошечке“ норы тушканчика. „Окошечком“, или „копеечкой“ называется выходное отверстие одного из ходов норы, лишь чуть-чуть закрытое землею или песком, так что зверьку не нужно затрачивать никакого усилия, чтобы удалить эту землю и выскочить из норы. „Окошечком“ тушканчики пользуются для бегства при раскопке или при случайном повреждении норы. „Окошечко“ открывается — и оттуда, вместе с кучей песка, с быстротою молнии выскакивает тушканчик, который стремительно скрывается с глаз, — так пишет один из лучших наших знатоков жизни этих зверьков.

Тушканчики легко привыкают к неволе, становясь ручными, очень милыми и забавными и могут доставить много удовольствия тому, кто не поленится приложить немного старания к уходу за ними. Вот что рассказывает один

ученый, наблюдавший за поведением мохноногого тушканчика в неволе.

Три мохноногих тушканчика — два самца и самка, посаженные в террарий¹, в одном из его углов сделали себе из тонких стружек, кусочков ваты, сена, стеблей и колосьев песчаного овса общее гнездо, куда прятались на день.

¹ Клетка приспособленная для жизни зверьков.

В гнезде они лежали, прижавшись друг к другу и подогнув голову под брюшко. Вылезали из гнезда сперва лишь по вечерам, перед заходом солнца, и тогда быстро прыгали по террарию, ели предложенную им пищу. Но через некоторое время они стали есть и днем.

Поев, тушканчики скрывались в гнезде и сейчас же засыпали, причем спали так крепко, что их можно было осторожно брать в руки, и они не просыпались. Первое время зверьки сильно дичились и кусались, когда их трогали, но скоро привыкли к людям и не делали уже больше ни малейших попыток кусаться.

Постукивание по стеклу террария раздражало тушканчиков: они сердито фыркали, издавали тихое похрюкивание, похожее на урчанье хомяков.

Вода была поставлена им лишь месяца через два после поимки, и зверьки жадно принялись ее пить. Но видно было, что им в природе никогда пить не приходится, так как они совершенно не знали, как это делается. Они не пили воду из блюдечка, как пьют все остальные животные, а мочили в ней передние лапки и потом слизывали с них капельки жидкости. Это, впрочем, неудивительно: в песках, где живут мохноногие тушканчики они, могут видеть воду только в форме капелек росы, что же касается дождя, то, как мы уже сказали, тушканчики не только во время дождя, но и долгое время после него никуда не показываются. Очевидно, им вполне достаточно для жизни росы и той воды, которая находится в растениях, служащих им кормом. Совершенно не умеют пить не только песчаные тушканчики, но и все остальные виды тушканчиков, так как все они живут большей частью в совершенно безводных местах.

С начала ноября мохноногие тушканчики стали все реже и реже выходить из гнезда и были перенесены в холодную комнату.

На воле тушканчики засыпают на всю зиму. Здесь же они иногда просыпались, пили воду, немного ели и сно-

ва засыпали на неделю и больше. Весною самцы стали спать в отдельных гнездах и так сильно дрались между собой, что в конце концов один загрыз другого.

Жившие в неволе большие земляные зайцы тоже стали изредка просыпаться днем, чтобы умыться и немного поесть. Спали они в самых странных, непринужденных позах. Дремать начинали сидя на широко расставленных задних лапках, уткнувшись мордочкой в землю, расставив свои длинные, как у зайца, уши и подогнув под себя хвост или вытянув его палкой. Засыпая глубже, подворачивали голову под брюшко, прижав уши к голове или оставив их оттопыренными. Наконец, в жаркие дни тушканчики спали на боку, вытянув задние ноги и откинув хвост. Во сне они потягиваются, поворачивают голову нижней частью кверху, чихают, зевают. При шуме легко просыпаются.

В жаркое время большие земляные зайцы пьют весьма охотно, но делают это почти также неуклюже, как и мохноногие тушканчики. Они тычутся мордочкой в воду, производят ртом движение, напоминающее лакание, затем, подняв мордочку кверху, долго жуют, потом грызут край мисочки, снова суют мордочки вместе с лапками в воду, загребают воду лапками, облизывают их, фыркают, чихают... После питья трут мордочки и лапки о песок, кусают его, затем начинают порывисто и быстро обтирать мордочку сразу обеими лапками.

Выпущенные на песок, тушканчики играют на нем, валяются, потягиваются, кусают и жуют его, если он влажный, и начинают копать норки.

Они уделяют много времени своему туалету: тщательно облизываются, трут мордочку лапками. Хвост они облизывают, сидя на широко расставленных ногах и протягивая его через рот от основания до конца.

В неволе тушканчики довольно драчливы, и драки их иногда кончаются даже гибелью одного из противников. В драке они настолько энергичны и воинственны, что забивают насмерть даже таких крупных зверьков, как суслики, если их посадить вместе. К человеку, а также и к определенным часам кормления привыкают легко. По отношению к пище проявляют самые разнообразные вкусы.

Тушканчики—очень милые с виду зверьки, но могут быть и опасными вредителями сельского хозяйства, особенно бахчей, где тушканчики выкапывают и съедают посеянные семена дынь и арбузов. Найдя ряд посеянных семян, тушканчик двигается по нему, выкапывая одно семечко за другим. И если с ними не вести борьбу, то бахча может прийти в полное запустение.

ГРЕБЕНЩИКОВАЯ ПЕСЧАНКА

В песках Северного Казахстана живет зверек, ростом с небольшую крысу и очень на нее похожий всей своей фигуркой.

От крысы он отличается желтоватым песчаным цветом своей шубки и тем, что хвост у него не голый, как у крысы, а хорошо покрыт довольно длинными волосками. Зовут этого зверька гребенщиковой, или средней песчанкой. Южнее он уже редко попадает в песках, так как там живут два других вида песчанки: большая и полуденная. Всем этим трем видам песчанок было бы тесно в южных песках — нехватило бы места и корма. А так как южные песчанки лучше приспособлены к жизни в песках, то гребенщиковой приходится уступать им и выбирать себе другие места для жизни: она поселяется в полынной степи, на выгонах и даже на пашнях.

Гребенщикова песчанка — такое же ночное животное, как и тушканчики. О жизни ее, вернее — о летней жизни, известно очень мало. Зимнюю же жизнь ее довольно хорошо изучил один натуралист, рассказом которого мы здесь и воспользуемся.

Но спрашивается, как же он мог изучить жизнь этого зверька? Вообще говоря, просто: он прочитал следы, которые зверьки, во время своих ночных странствований, оставляют на снегу. Однако простота эта относительная. Здесь требовалось много внимания, сообразительности и настойчивости.

Всё хорошо знают, как дикие народы умеют угадывать, что происходило, например, где-нибудь в глухом лесу, по таким признакам, которые нашему глазу совершенно незаметны.

В данном же случае приходилось иметь дело со следами на снегу. Внимательно проследив какой-нибудь один след на всем протяжении, мы узнаем, какое расстояние пробегает песчанка в течение ночи, увидим, куда и как она направляет свой путь — бежит ли прямо или часто сворачивает и куда. Заметив, где она остановилась, можно догадаться, зачем именно она останавливалась — просто ли отдохнуть или сорвать и съесть какое-нибудь растение, выкопать луковицу или корень. По валяющимся объедкам пищи легко распознать, чем она лакомялась в том или ином месте. По тем же следам можно установить, бегала ли она все время одна или встречалась с другими зверьками, может быть, даже играла с ними; где она шла не торопясь и где спешила, делая большие прыжки. Если зверек где-нибудь ложился отдохнуть, мы можем узнать, долго ли он отдыхал: если он прилег на минутку, отпечаток будет неглубокий, а если лежал долго — отпечаток будет глубже, так как снег подтает под зверьком. Нетрудно узнать, когда зверек совершал свое ночное путешествие, судя по тому, насколько иней успел запорошить след.

Конечно, такое чтение по следам на первых порах покажется очень трудным. Но мало-помалу будет приобретаться навык, и в конце концов мы научимся легко и правильно читать следы. Ведь вначале и читать по буквам нам казалось делом трудным.

Что же прочитал натуралист по следам гребенщиковой песчанки, оставленным ею на снегу в длинные зимние

ночи? Оказалось, что песчанка зимою проявляет громадную подвижность, энергию и неутомимость. Она без устали скачет по барханам, уходит иногда километра на полтора от своей норы. Покидает она свое теплое, очень глубоко под землею расположенное убежище с наступлением сумерок. Пробираясь рысцою по песку, скачками по снежным сугробам, проваливаясь в них иногда с головою и скользя по обледенелым косогорам песчанка все время исследует все, что может послужить ей пищей.

Следы кружат по буграм и впадинам направо, вверх, вниз,—зверек возвращается назад по своему же следу, делает петли в сторону. Он изучает тщательно все, что заметит по пути: травинки, кустики, верблюжий помет, клочки овечьей шерсти и даже флажки из марли, поставленные в качестве приметных значков около ловушек, их он старается достать, становясь на задние лапки.

Потом он садится, чистится, лежит по несколько минут где-нибудь под свесившейся веткою, заигрывает с другими песчанками, словом, по всему видно, что он прекрасно чувствует себя.

Но сотни и тысячи ямок, одни маленькие, другие почти в полметра глубиною, на дне которых торчат перегрызенные корни и стебельки, оставленные песчанкою, показывают, что зверек отправлялся вовсе не на прогулку, а если и развлекался, то только между делом.

Гребенщикова песчанка подходит к жилью человека, исследует мусорные кучи, роется в снегу питомника с культурными растениями, где производит иногда значительные опустошения.

Только благодаря своей огромной подвижности, песчанка легко переносит 40° морозы. Если же ее лишить возможности быстро двигаться—она быстро замерзнет: пойманные ночью живыми в ловушку зверьки к утру всегда оказывались замерзшими.

В свою нору песчанка возвращается иногда еще затемно. Эти зимние норы тоже устроены так, чтобы зверек мог переносить самые суровые зимы, не впадая в спячку. Они, во-первых, очень длинны—достигают 5 метров и даже больше. Во-вторых, вход в нору идет не прямо, а делает острые колена, благодаря чему доступ

холодного воздуха в нору затрудняется. В-третьих, жилая камера помещается очень глубоко под землей, обыкновенно на глубине около 2 метров, считая по прямой линии вниз от поверхности почвы. Наконец, в камере устраивается теплое гнездо, из самых разнообразных материалов: тут мы найдем и лубяные волокна, расщепленные в виде мочала, и сухую траву, и клочки шерсти, и тряпки, и даже газеты.

Немудрено, что при раскопке в сорокаградусный мороз одной норы песчанки в ней были найдены живые мухи.

Кроме жилой камеры, в норе песчанки всегда бывает еще особая камера, служащая уборной. Ни в норе, ни около входа в нее у этого чистоплотного зверька помета никогда не бывает. С успехом промышляя себе корм зимою, никаких запасов корма на зиму песчанка не делает. Питается она разнообразной растительной пищей, но, по-видимому, иногда ест и насекомых. Обычно она добывает себе пропитание честным трудом, но иногда пользуется воровски запасами, сделанными хомячком.

В ловушку она попадает очень легко, идет на любую приманку, как растительную, так и животную. Попад в неволю, она сначала бешено бьется и кусается, но затем быстро успокаивается и начинает с жадностью есть, издавая тихий писк.

Летняя жизнь песчанки должна значительно отличаться от зимней, так как корм в эту пору есть всюду под рукою и греться не надо. Таким образом пропадает смысл дальних экскурсий. И вряд ли гребенщикова песчанка их делает летом.

БОЛЬШАЯ ПЕСЧАНКА

Ясный летний день. Вы едете где-нибудь по бесконечной песчаной равнине, точно застывшими волнами, покрытой барханами сыпучего песка или песчаными буграми, заросшими своеобразной растительностью. Лошади идут медленно... Всякий знает как тяжело двигаться по песку...

Не видно никаких зверей,— разве выскочит изредка заяц, и неторопясь, побежит прочь: здешние зайцы не особенно пугливы и мало боятся человека. Мало кругом и птиц, по крайней мере, таких, которые бы обращали на себя внимание. Только изредка вы услышите тревожное перекликанье крошечной птички — пустынной славки, странно напоминающее крик куропатки, да вдруг сорвется где-нибудь с земли другая пустынная птичка — полевой конек и, поднявшись с пением в воздух, сейчас же опять опустится на землю. Если стоит весна, то еще можно услышать песенку пустынного чеккана — это самцы развлекают самочек своим пением. В остальное же время большей частью, кругом стоит мертвая тишина, если не считать жужжания или стрекотания насекомых. Только многочисленные ящерицы несколько оживляют природу, разбегаясь во все стороны из-под ног лошадей.

Но вдруг тишину нарушает неожиданно донесшийся откуда-то снизу, с земли, негромкий, но вместе с тем отчетливо слышимый свист. Свист этот состоит из пяти-шести отрывистых колен вроде „пюй-пюй-пюй...“ Он звучит довольно приятно и мелодично. Только что замолкнет свист в одном месте, как ему отвечает другой такой же, где-нибудь по соседству, потом третий... Иногда звуки доносятся одновременно из нескольких точек.

Это значит, что вы подъехали к месту, где водится большая песчанка, и зверьки, выражая свой интерес к неожиданным гостям, в тоже время предупреждают друг друга, что не мешает, мол, остерегаться. Голос песчанки очень напоминает голоса некоторых мелких куличков. И когда кричат сразу несколько зверьков, то создается впечатление, что перекликается стайка куличков-галстучников.

Однако, вы не сразу заметите свистящих песчанок, так как окраска их шкурки очень хорошо подходит к окраске почвы окружающей местности. При этом песчанка свистит, сидя на месте и не делая резких движений. Лишь внимательно всмотревшись по направлению звука, вы, наконец, замечаете какой-то столбик, стоящий около входа в норку, и тут сразу же догадываетесь, что он-то и издает свист. Если до столбика недалеко, то вы увидите, что он вовсе не стоит неподвижно, а поминутно слегка приседает и выпрямляется — точно колеблется на пружинке; но издали заметить эти движения невозможно.

Это и есть большая песчанка, сидящая на задних лапках в своей обычной наблюдательной позе. Так подолгу сидит она даже тогда, когда кругом нет ничего подозрительного.

По своей внешности большая песчанка тоже напоминает крысу и так же отличается от нее, прежде всего, тем, что хвост ее покрыт шерстью. Впрочем, отличие этого вида песчанки от крысы еще в том, что она не такая стройная, как крыса — толще и массивнее той и имеет гораздо более тупую мордочку. Ростом большая песчанка больше гребенщиковой и иногда не уступает самой большой крысе.

Свое название — „песчанка“ этот грызун получил не даром: он поселяется только в настоящих песках, и в каком-нибудь другом месте найти его можно лишь в исключительных случаях.

Большая песчанка в одном отношении представляет полную противоположность тушканчикам. В то время, как те живут всегда поодиночке, каждый в своей собственной норке, совершенно независимо друг от друга, песчанки селятся непременно сообща, колониями. Колонии эти бывают очень различной величины — от 15 — 20 норок до сотни и больше.

При этом все члены одной колонии живут очень дружно между собою, составляя как бы одну огромную семью. Все отдельные норки соединены хорошо протоптанными тропинками, по которым песчанки ходят в гости друг к другу. Такие же тропинки иногда бывают проведены даже между двумя соседними колониями. В старых колониях отдельные норки бывают постоянно соединены между собою и подземными ходами. В большой колонии вся сеть ходов представляет собою один сплошной лабиринт, нередко расположенный в два и даже в три этажа под землею. Чтобы разобраться в таком лабиринте путем раскопки, требуется очень много времени и огромное терпение. Из приложенного чертежа колонии песчанки каждый сам увидит ту совершенно невероятную путаницу, которую представляют норы большой песчанки.

В песках Казахстана большая песчанка — главный представитель четвероногих, колонии ее иногда занимают десятки и даже сотни гектаров. В таких местах передвигаться приходится очень осторожно, так как песок, изрытый под поверхностью бесчисленными галереями, проваливается не только под лошадью, но иногда даже

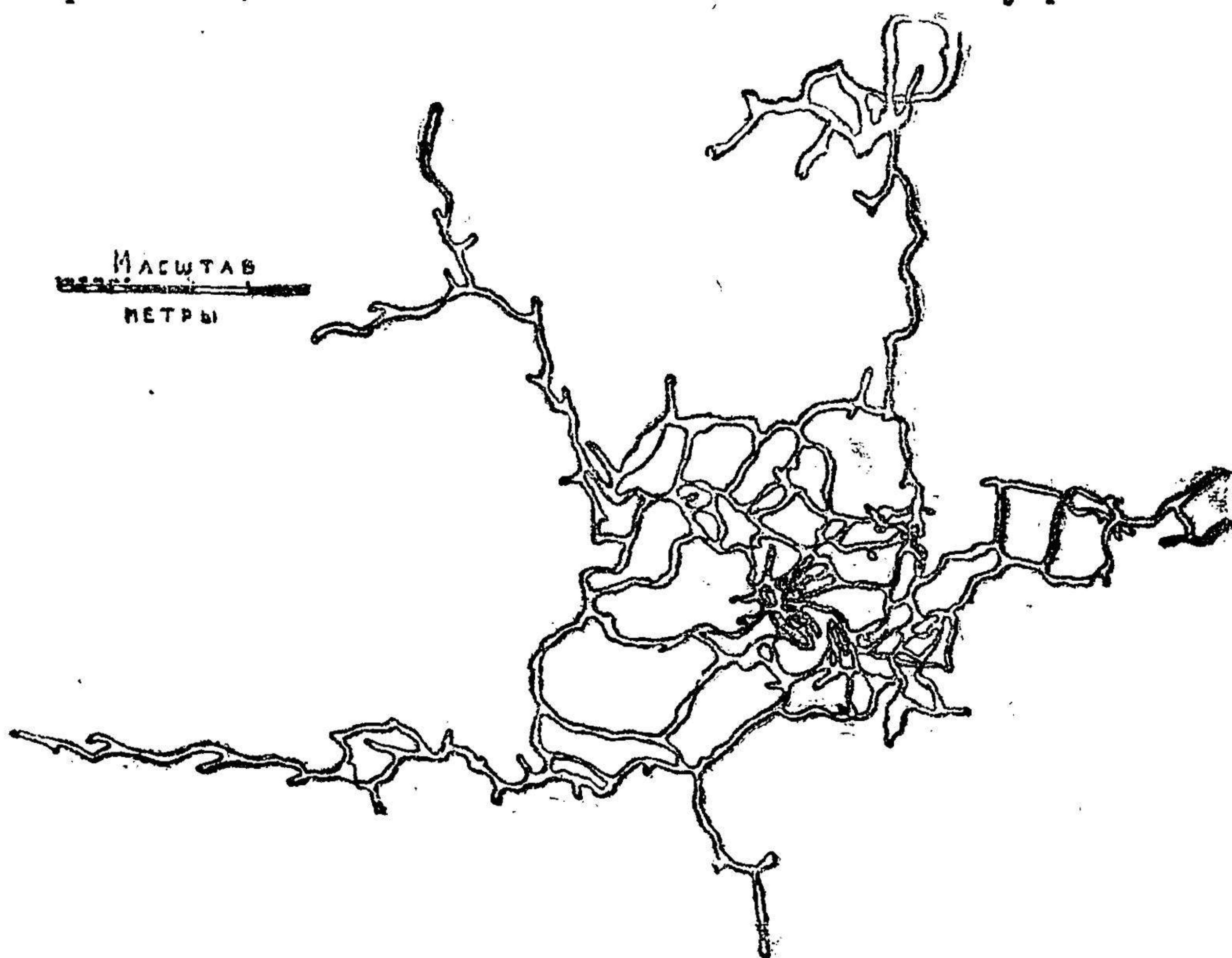

под человеком. При быстрой езде лошадь здесь легко может сломать себе ногу.

Насколько много иногда бывает в песках этих зверьков, видно из того, что на одном гектаре случалось находить до трех тысяч и больше нор.

Эта песчанка в противоположность своей родственнице — гребенщиковой и тушканчикам ведет не ночной, а дневной образ жизни, и в норах проводит не день, а ночь. Поэтому ее очень легко наблюдать на воле, если только держать себя осторожно, стараясь не пугать зверьков.

В очень жаркие дни они выходят из нор чрезвычайно рано и часам к 10 уже скрываются опять, чтобы затем снова выйти на кормежку, когда спадает самый сильный жар. Впрочем, это наблюдается главным образом в более южных местах, чем Казахстан, где лето бывает особенно жарким. В Казахстане же песчанок нетрудно встретить и среди дня, хотя и здесь легче наблюдать их с утра.

Обычно зверек длинными прыжками выскакивает из норы и, высоко неся согнутый дугою хвост, отправляется на поиски корма. Иногда же, прежде чем отправиться на кормежку, он подолгу сидит в знакомой уже нам позе „столбика“ на задних лапках, прижав к телу передние, а порой вылезает из норы, не спеша, и некоторое время сидит на всех четырех лапках, прислушиваясь и осматриваясь по сторонам и лишь затем становится на задние лапки.

Бегают песчанка, если она спокойна и никуда не торопится, так же, как бегают мыши. Потревоженная — мчится большими прыжками. Перед тем, как юркнуть в норку, она на мгновение приостанавливается у входа и, поднявшись на задние лапки, осматривается.

Там, где их никто не беспокоит, большие песчанки не пугливы, подпускают к себе людей довольно близко и их легко наблюдать. После первой же тревоги они прячутся в норы и хотя потом и появляются оттуда довольно скоро, но не выскакивают сразу, а высовывают сначала только головку, внимательно осматривают, нет ли опасности, и только после такой предварительной разведки решаются выйти совсем. Если же их испугать, выстрелами, то они прячутся уже надолго, а скоро становятся и вообще очень осторожными.

В ловушки на приманку они идут плохо, их лучше всего ловить самодействующими ловушками.

Жизнь больших песчанок один наблюдатель описывает так:

„Ранним утром песчанки появляются в центре своей колонии группами по 3 — 4 штуки. Осмотревшись вокруг и убедившись, что им ничто не грозит, они уже всей массой начинают двигаться в одном каком-нибудь направлении, перебегая от одной норки к другой. Дойдя до крайних норок своего „городка“, рассыпаются по пескам в поисках корма. При этом они никогда не отходят от нор дальше 20 — 30 метров, а при малейшей тревоге скрываются в ближайшей норке. Зайдя за границу „городка“, зверьки начинают на всякий случай делать там запасные норки. Норки эти постепенно удлиняются и, в конце концов, соединяются с ходами самой колонии. Таким путем

колония все время понемножку расширяется во все стороны“.

При таком способе образования колонии понятно, что в ней далеко не все норы жилые, есть и много пустых — вырытых не для жилья, а как временные убежища.

Но понятно, что растет колония и за счет новых поколений, которые на окраинах своего родного „городка“ выкапывают себе новые норы, постепенно соединяя их со старыми.

Кроме свиста, о котором уже упоминалось, большая песчанка умеет издавать еще и другие, совсем особенные звуки, похожие на барабанную дробь. Эти звуки, приходилось слышать при раскопках нор, причем долго не удавалось установить, как они производятся. Узнать это довелось на пленных зверках.

В неволе зверьки стучали так же, как и на воле; наблюдалось это тогда, когда к ним сажали их злого врага — степного удава. Напуганные песчанки упирались в землю передними лапками и основанием хвоста, а задними часто ударяли по земле. Надо полагать, что это постукивание представляет собой тревожный сигнал.

Большая песчанка принадлежит к числу вредных животных, так как она сильно вредит саксаулу, портит своими норами железнодорожное полотно и арычные дамбы

ПЕСТРУШКА

Пеструшка — небольшой зверек, ростом приблизительно с мышь. Узнать ее очень легко сразу, так как у нее есть характерные признаки. Прежде всего, на ее серенькой шубке очень резко выделяется узкая черная полоска (так называемый „ремень“), проходящая вдоль середины спины. Затем у нее такой коротенький хвостик, что на первый взгляд она кажется совсем куцой. Никаких других зверьков, которые обладали бы этими обоими признаками, у нас нет.

Но увидеть издали эти признаки, конечно, трудно, тем более, что днем пеструшка почти никогда не показывается из своей норки. Этот зверек тоже один из любителей пустынных мест. Охотнее всего пеструшка селится в полынной степи, которая, как известно, не отличается богатой растительностью. Но и здесь этот зверек выбирает такие места, где реже трава и больше камешков в почве.

Забирается иногда пеструшка и в ковыльную степь выбирая среди нее пятна с щебневатою, тощею почвою. Питается она охотнее всего дикими, ненужными человеку, растениями, вроде полыни. Таким образом пеструшка могла бы быть для нашего хозяйства совсем безвредным зверьком, если бы у нее не было способности необыкновенно сильно размножаться. В благоприятные для них годы эти безобидные зверьки иногда размножаются так сильно, что им уже нехватает корма там, где они живут (на гектаре бывает больше десяти тысяч норок). Тогда пеструшки огромными полчищами, покидая свои колонии, трогаются в путь в поисках пищи. И тут сразу из милых безобидных зверушек превращаются в наших страшных

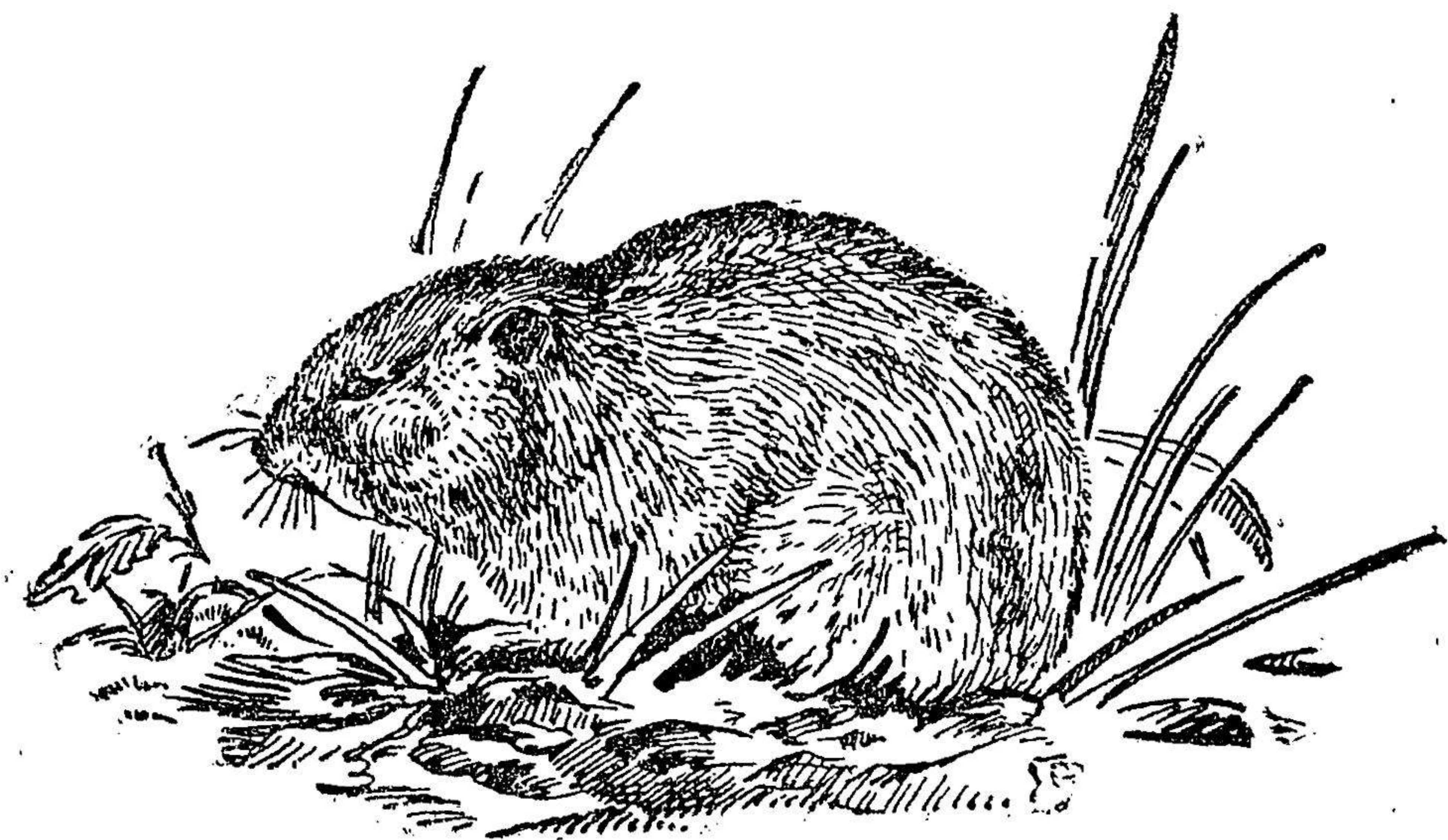

врагов: нашествие их иногда становится настоящим стихийным бедствием, как засуха, нападение саранчи или градобитие.

На своем пути они уничтожают всю растительность, все скирды хлеба, все стога сена. Они съедают не только те части растений, которые находятся над землею, но выедают и все корешки, так что причиняют даже больше вреда, чем саранча и град. Территория, по которой они проходят, превращается в настоящую мертвую пустыню, а вся земля бывает так сильно изрыта их ходами, что люди и лошади проваливаются...

Гонимых голодом зверьков в их движении не останавливают никакие препятствия — они переплывают даже огромные реки, хотя при этом их много гибнет. Во время сибирского нашествия пеструшки в 1887 году рыбаки на Енисее вытаскивали сети, переполненные трупами утонувших зверьков...

Не надо, конечно, думать, что такие нашествия происходят часто и что нашествия делает только одна пеструшка. Бывают такие „мышинные напасти“, как их называют крестьяне, и от других грызунов. Но пеструшка предпринимает странствования чаще других зверьков, хотя, разумеется, далеко не всегда они сопровождаются бедствиями для нашего хозяйства.

Наблюдать пеструшку тоже очень трудно, так как она редко показывается днем. Но как только начнет смеркаться, из нор появляются первые зверьки и, если держаться тихо и осторожно, иногда удастся увидеть пеструшек, чуть заметно скользящих вблизи своих жилищ среди кустиков полыни и других степных растений. Зверьки внимательно прислушиваются к малейшим шорохам и звукам, а изредка и сами издают тихий писк, больше похожий на голос птицы, чем на обычный мышинный писк.

Серенькие, они очень плохо заметны на сером фоне почвы полынной степи, вдобавок они чрезвычайно чутки и осторожны и умеют очень ловко притаиваться и прятаться под кустиками травы у их основания. Но, как мы сейчас увидим, они при устройстве нор принимают еще и особые меры, помогающие им спастись от врагов.

Жилые норы пеструшка делает, правда, неглубокие, но довольно длинные, с 2—3 выходными отверстиями. Но кроме этих отверстий, от норки отходят еще особенные глухие ходы, тупички, которые чуть-чуть не доходят до поверхности земли. Тупички эти служат для того же, для чего и „окошечки“ у тушканчиков: в случае опасности пеструшка бросается в тупичок, в одно мгновение прокапывает тонкий слой земли, отделяющий ее от поверхности, и незаметно перебегает в соседнюю норку.

Кроме того, пеструшки устраивают себе запасные норы, в которых не живут, а только прячутся в случае опасности и во время кормежки. Незаметный вид зверька, большая осторожность, чуткость, умение прятаться, запасные ходы в норах, тупики, „норы безопасности“, — все это очень помогает пеструшке спастись от врагов.

В норе, в особой камере, помещается гнездо, сделанное из стеблей и листьев разных трав, старательно разгрызенных на тонкие, как ниточки, волокна. У гнезда — толстые, но очень рыхлые и мягкие стенки. Норки пеструшки имеют одну странную особенность, которую еще до сих пор никто не может объяснить: главный вход в них, если и не всегда, то очень часто, бывает заткнут пучком полыни, сквозь который остается только едва заметная лазейка в норку. Вначале полагали, что это

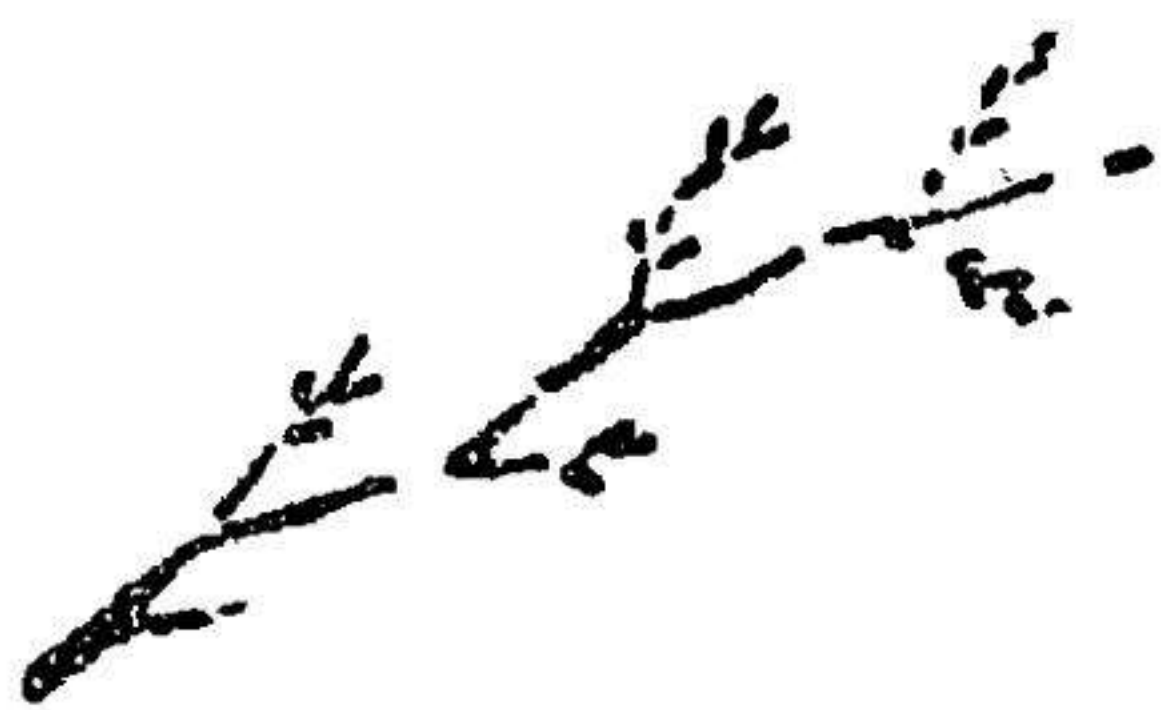
просто запасы любимого корма на случай дурной погоды или на день, когда зверьки не любят показываться из нор. Но, во-первых, пучки полыни иногда по несколько дней остаются нетронутыми, во-вторых, корм гораздо лучше и удобнее запасать в норе, как это делают все зверьки, а не оставлять его торчать снаружи. Вероятнее всего, что полынь помещается здесь для какой-то особой цели, которую мы пока не разгадали.

Пеструшка—очень чистоплотный зверек. Норы и гнезда свои она всегда содержит в безукоризненной чистоте. Нигде нет не только помета, но даже малейшей соринки или скопившейся земли. Все остатки пищи: корни, стебли, кожурки и т. д. аккуратно выносятся из гнезда. Стенки гнездовой камеры и норы всегда тщательно приглажены. В качестве уборной иногда служит один из тупичков, но гораздо чаще пеструшки пользуются для этой цели поверхностью земли. Умываются они по несколько раз в день.

В неволе пеструшки чувствуют себя хорошо, легко привыкают к человеку и становятся совсем ручными. Некоторые из них не только позволяют брать себя на руки, но и сами первые забираются на руки совсем чужих людей, например, посетителей музея. Чаще всего, конечно, они идут к ребятам, и те всегда приходят от этого в величайший восторг.

Мы не знаем, как пеструшки живут между собой на воле, но в неволе доверие и благожелательное отношение они проявляют только к человеку. По отношению же ко всем другим зверькам и даже к чужим пеструшкам живущие в определенной клетке пеструшки держат себя крайне враждебно и воинственно. Тут они бывают злыми и задорными. Пеструшка, которую впустили в чужую клетку, хорошо, должно быть, знает, какая встреча ее ожидает, и поэтому держится робко и пугливо. Она то и дело чутко осматривается, обнюхивает воздух и царапает стенку клетки, вероятно, пытаясь поскорее удрать подальше от греха. Но деться некуда, и на ее шорох и царапанье (а может быть и на запах) из гнезда высовывается усатая мордочка хозяйки дома. Выбравшись из гнезда, пеструшка-хозяйка осторожно и вкрадчиво приближается к гостю,

обнюхивает ее и, убедившись, что это—чужая, резко бросается на нее и хватает ее зубами за спинку или заднюю часть туловища. Слышится резкий писк пострадавшей, которая обращается в бегство. За ней бросается хозяйка и начинается долгая и настойчивая погоня. Движения зверьков становятся необыкновенно стремительными и быстрыми. Спасаящая употребляет разные уловки, чтобы увернуться от врага: она то вдруг неожиданно делает резкий поворот в сторону, то подпрыгивает, как мячик, на несколько сантиметров кверху, так что нападающая пробегает под нею. Но долго увертываться в клетке трудно, и в конце концов, хозяйка настигает непрошенную посетительницу, после чего между ними начинается ожесточенная потасовка. Тогда вместо двух маленьких милых и изящных зверьков вы видите перед собою лишь серый барахтающийся клубок, издающий отчаянный и злобный писк...

Но зато в своей семье пеструшки живут очень мирно, крайне общительны, уживчивы. Один наблюдатель, который много держал их в неволе, говорит, что ни разу не видел, чтобы члены одной семьи когда-нибудь дрались и даже серьезно ссорились между собою. Напротив, неумоимо и дружно тас-

кали они в ящик корм и гнездовой материал... Ютились всегда в одном маленьком гнезде, тесно прижавшись друг к другу...

Пеструшка-мамаша воспитывает своих ребят в строгости и приучает их к порядку и послушанию. Как-то раз старая пеструшка вышла из гнезда, выбрала себе ветку полыни и, усевшись на задание лапки, начала ею ужинать. „В это время из гнезда вылезла маленькая пеструшка, подбежала к матери и схватила кончик полыни. Старая пеструшка бросила полынь, схватила малыша за спину зубами, подбежала к гнезду и резко сунула его в отверстие.

Приблизительно через минуту—две маленькая пеструшка вновь выбежала из гнезда. Мать вторично оттащила ее в гнездо и быстрыми движениями лапок старалась закрыть паклей входное отверстие. В третий же раз она снесла непослушного детеныша в темный угол и, видимо, слегка его укусила, потому что слышался легкий писк“. Такие сценки повторялись не раз.

Большое бедствие для пеструшек—весеннее половодье, когда оно захватывает их колонии. Тогда тем зверькам, которым удалось спастись от воды, приходится пережить некоторое время, до спада воды, в самой необычной для этих степных жителей обстановке. Они взбираются на кусты и деревья и здесь одни спят, свернувшись в клубок среди ветвей, другие сидят, съежившись от холода, третьи приводят в порядок свою промокшую шерсть.

Каждый хорошо знает наружность ежа. Кроме того, здесь есть и хороший рисунок с одного ручного ежика, о котором будет рассказано дальше. Ежики, живущие в Казахстане, отличаются от европейских маленьким ростом и длинными ушками. Их так и называют „ушастый еж“.

Все зверьки, с которыми мы познакомились до сих пор, принадлежали к грызунам, то-есть все это были родственники хорошо известных грызунов—крыс и мышей. Грызуны питаются почти исключительно растительной пищей, и поэтому многие из них приносят большой вред в нашем хозяйстве.

Еж принадлежит уже к другой группе животных—к насекомоядным. Насекомоядные, как это видно из их названия, питаются главным образом насекомыми. Все они не только не вредят нам, но, наоборот, приносят пользу и заслуживают охраны.

Ежей в Казахстане очень много; встречаются они в разных местностях, кроме гор. Больше всего их—в пыльной степи и в песках. Но хотя их и много, они никогда не встречаются колониями. Живут ежи всегда отшельниками, по-одиночке, и только ежиху можно встретить в гнезде с молодыми. Молодые ежи покидают мать очень рано и начинают жить самостоятельно, разбредаясь в разные стороны.

Ежи не устраивают себе постоянных нор, а проводят день в разных случайных убежищах: в ямке под каким-нибудь кустиком, в брошенной норке какого-

нибудь зверька, которую еж сам слегка расширяет, и т. п. Только для вывода и воспитания молодых ежика устраивает себе плохенькую, не глубокую норку, в которой ежата едва помещаются; иногда они даже видны снаружи.

Особенной любви к детям ежика-мамаша не обнаруживает, и когда у гнезда появляется враг, она сперва свертывается в шар, а затем, успокоившись и развернувшись, немедленно убегает, нисколько не заботясь о детях.

Там, где ежей много, они иногда становятся даже надоедливыми: постоянно попадаются, когда не надо, в расставленные для других зверьков ловушки, поедают в ловушках приманку и пойманную добычу. Забирались они ночью даже ко мне в палатку и тут поедали или портили приготовленные для набивки чучела птичек и зверей.

Хотя ежи и ведут ночную жизнь, но на глаза попадают очень часто и днем. Во-первых, они подчас прячутся на день так плохо и небрежно, что их нетрудно найти. Во-вторых, вечером они отправляются на охоту довольно рано, при чем не соблюдают особенной тишины: шипят, фыркают или, по крайней мере, сильно шуршат, пробираясь где-нибудь среди сухой растительности.

Еж — плохой землекоп, и норы, сколько-нибудь похожие на настоящие норы, он иногда роет только в песке. Мне много раз случалось ловить ежей в довольно глу-

боких ямах, которые выкапывались для почвенных исследований. Попадались в них и другие зверьки; все они изо всех сил старались выбраться из ямы, прокопав длинный ход. Правда, сделать это удавалось только мохноногому тушканчику, но и другие зверьки успевали прорыть до утра ход значительной длины. И только еж довольствовался тем, что выкапывал совсем коротенький ход, который шел горизонтально и потому, все равно никогда не мог бы вывести его из ямы. В этом ходе я его и находил на утро.

Поймать ежа совсем не трудно, так как бегают он не быстро, да при встрече с человеком и не пробует убежать, а спешит скорее свернуться в шар и подставить врагу свои колючки. Поэтому ежа все так хорошо знают в тех местах, где он водится. А вот с одним моим знакомым киргизом, уроженцем гор, где ежей нет совсем, произошла однажды забавная история.

Я взял его с собой в экспедицию в равнину. И вот он как-то прибегает взволнованный и зовет нас посмотреть на какое-то невиданное и непонятное „чудо“, которое он только-что нашел. Увидев что-то шевелящееся на земле, он выстрелил. А когда затем подбежал посмотреть, то вместо зверя или птицы увидел какой-то неподвижный колючий шар. И удивился же он, когда через некоторое время шар зашевелился, раздвинулся, и из него показалась симпатичная мордочка ежа с длинными ушками и черными глазками.

Каждое живое существо, которое попадает ежу на пути, становится его добычей, только бы он сумел поймать и осилить его. Попадается лягушка — он съест ее, встретит улитку — не оставит в покое и улитку, удастся поймать мышь или полевку, или найти на земле гнездо с птенчиками или яйцами, — все будет употреблено им в пищу. Большую дань платят ему также ящерицы, но все же главною пищей его являются насекомые, преимущественно — жуки. Это легко увидеть даже по его помету, который состоит, главным образом, из непереваренных, кусочков твердого панцыря жуков. Еж без всякого вреда для себя ест даже очень ядовитых жуков-нарывников, к которым принадлежит знаменитая шпанская мушка.

Давно известно также, что ежи очень охотно едят змей, в том числе и ядовитых. И это им особенно ставится в заслугу.

Однажды мне пришлось видеть схватку ежа с гадюкой. Еж схватил гадюку за хвост и, слегка свернувшись начал ее жевать, не обращая ни малейшего внимания на бешеные извивания змеи и на ее попытки укусить его. Змея всякий раз натыкалась на колючки ежа и ничего не могла ему сделать, а он преспокойно продолжал свое дело, подвигаясь все дальше и дальше от хвоста к голове. Гадюка билась все слабее и слабее и, наконец совсем перестала шевелиться.

У нас долгое время жил ручной ежик. Мы все его очень любили, но особенно привязалась к нему моя жена. Вот что она рассказывает:

„Ежка“ (рассказ Н. Шнитниковой)

„Он появился у нас в августе 1908 года. Мы впустили его в комнату, и сначала он долго лежал, свернувшись, не желая показывать мордочку. Потом, воспользовавшись тем, что мы чем-то отвлеклись, он развернулся и ушел под тахту, где с той поры и поселился окончательно. Он стал туда уходить всякий раз, когда был чем-нибудь встревожен или недоволен. Сначала он боялся есть и пить, потом стал с жадностью накидываться на молоко и воду. Вообще он очень любил воду. Проснувшись к вечеру и выбравшись из под тахты, он, бывало, не притронется ни к какой еде, даже к любимой яичнице, пока не напьется воды: рыщет, рыщет по комнатам быстрыми мелкими шажками, принюхивается—все ищет воду. Найдет на полу лужицу пролитой воды и немедленно присосется. Если льют воду в какую-нибудь посудину—в умывальник, в детскую ванночку, он тут как тут и нюхает, подняв мордочку кверху.

Ежик скоро перестал сворачиваться при приближении людей и прибегал к этому способу защиты только в тех случаях, если его брали на руки.

Очень скоро привык он к зову. Увидишь, что он проснулся, приготовишь ему есть и зовешь: „Ежка, Ежка!“

И, где бы он ни был, быстро прибежит, семена лапками, постукивая по полу ноготками. А позже достаточно было звякнуть блюдцем по полу, как он сразу же является на кормежку. Сначала он ел все, что давали,—обычно то, что ели сами. Любил он котлеты, сыр, молоко, особенное предпочтение отдавал яичнице, накидывался на нее с видимым наслаждением. Все другое ел, хотя и быстро работая челюстями, но постепенно, аккуратно подбирая крошки. Однако, когда ему перепало на обед мертвое сырое мясо — мыши или птички,—то терял свое обычное спокойствие и становился дикарем: схватывал добычу и с остервенением урча и шипя, быстро уносил ее под стол, под диван, под шкаф, куда-нибудь подальше от глаз, в темноту, и там съедал. У нас водились мыши,—он их не трогал. Они, очень быстро разглядев, что это совершенно безвредный ротозей, таскали у него из уголка провизию и пили его молоко. Я видела, как однажды еж и мышь одновременно пили молоко из одного блюда—он с одной стороны, она с другой, хотя через мгновение он, для порядка, все-таки фыркнул на нее—не забывайся, мол, и она быстро шмыгнула прочь.

Та ли мышь, или другая — уже не знаю, обнаглев, унесла однажды у него из-под самого носа котлетку; тут он не стерпел и так угрожающе кинулся за ней, что она сразу бросила котлетку.

Но когда одна из мышей попала в мышеловку, еж отнесся к бедному зверьку совсем иначе. Хвост мыши прищемило дверцей, и он торчал из мышеловки наружу. Еж с жадностью вцепился в него зубами и изо всех сил старался вытащить мышь из мышеловки. Но так как дверца открывалась очень туго и открыть мышеловку еж не мог, то он таскал ее по всей комнате, не выпуская из зубов мышиного хвоста.

Когда же я прибежала на шум и, увидев в чем дело, хотела освободить мышь, еж быстро убежал к себе под тахту, таща за собой и мышь с ловушкой. Однако, мышеловка не проходила под тахту, и Ежка злобно фыркал и шипел до тех пор, пока я, наконец, не заставила его выпустить из зубов хвост до-смерти перепуганной мыши.

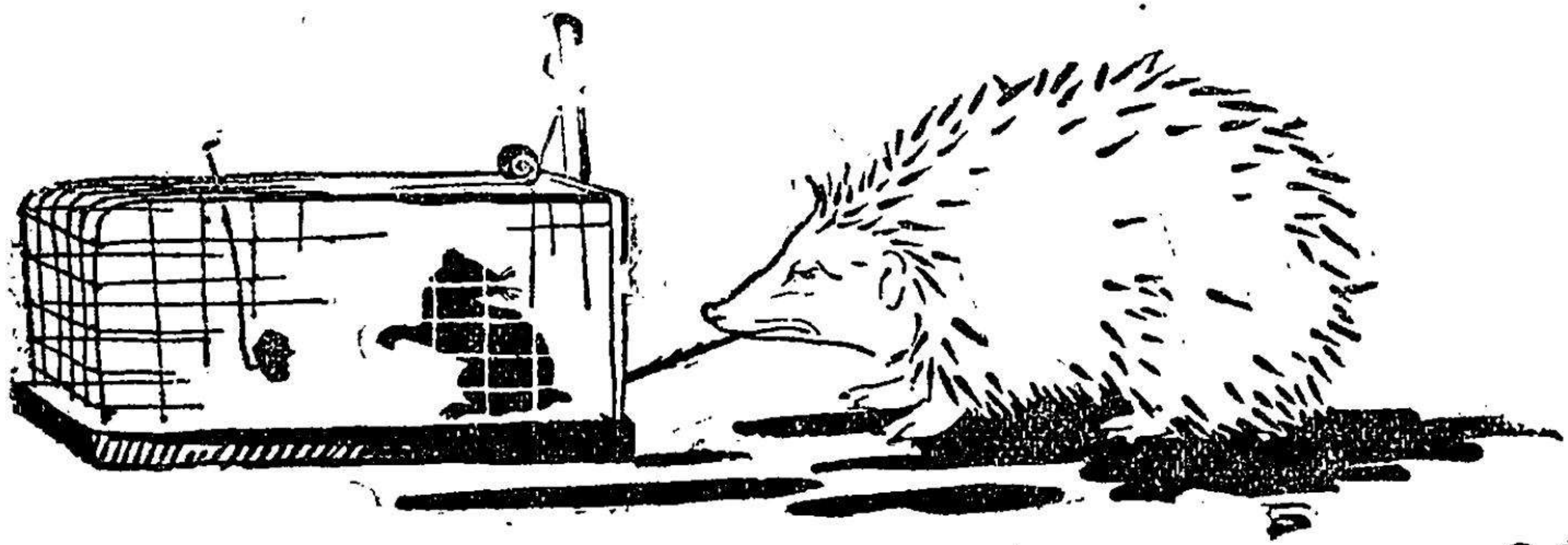
Уйти Ежка не пытался, хотя дверь на двор всегда была открыта,— может быть, его смущала высокая лестница с терраски.

На терраску он выходил часто, один раз скатился даже на первую ступеньку, но там он и оставался, пока я его не подняла.

С собакой нашей Альфой он не ссорился. Собака была умная, привыкшая ко всякому постороннему зверю. Подойдет, бывало, она к ежу, тот — в клубочек, а сам одним блестящим глазком смотрит на нее и ждет. Альфа ткнется к нему,— он быстро делает толчек, и она, сконфуженно потирая лапкой уколотый нос, уходит дальше. Впоследствии Альфа при встрече с ним только презрительно поднимала нос, делая вид, что совершенно не интересуется какими-то там ежами.

Все лето и часть осени — приблизительно до Октября— Ежка ел все, что ему давали; затем он не стал есть мясной пищи; лишь молоко и яичница удостаивались его внимания, так что яичницу я стала готовить ему специально— одно яичко на жестяной крышке от коробки. С 10 ноября он перестал есть и яичницу, питался только молоком (воду пил всегда), 20 ноября он исчез. Через три дня при уборке логовища я нашла его неподвижным и, боясь, что он мертв, долго тормошила его, потом уложила в ящик и оставила. Ночью он проснулся, вылез из ящика, поглядел очень внимательно на свечу, забавно поморгал, понюхал молоко, но отошел, не тронув его.

Обычно он спал просто на полу под диваном, теперь я принесла ему нарочно для него приготовленную подушку с сеном, открытую с одной стороны. Он быстро догадался, что надо делать, влез в нее, пошуршал сеном, устраиваясь поуютнее, и уснул.

Подушку я положила в такое место, чтобы как можно меньше его тревожили. Так он проспал до 7 декабря. Вечером этого числа Ежка неожиданно появился в столовой, побегал по комнате, с жадностью накиннулся на молоко и яичницу, затем опять скрылся и уснул. Я при этом заметила, что звука передвигаемого блюда он не забыл. Так, но с более редкими промежутками, еж спал всю зиму и окончательно проснулся приблизительно в феврале. Жизнь пошла попрежнему.

Но неестественность условий не могла не отразиться на зверьке. Он растерял свои правила ночного животного, совсем сбился с толку. Набродившись ночью по тесным комнаткам, он засыпал часто в неурочное время, стал просыпаться среди дня. Вдруг появлялся, искал воды, потом задумчиво присаживался то там, то здесь и, наконец, тихонько подходил к солнечному лучу, протянувшемуся по крашеному полу и прикидал к теплоте местечку. Грелся, нежился, распластывался весь, как лягушка, лежал на правом боку, вытянув обе левые ноги; нагревшись, переворачивался на другой бок и т. д.

Еж очень любил мягкие, теплые подстилки и одеяла. Стоило ему увидеть какую-нибудь тряпку, которая почему-либо очутилась на полу, как он непременно залезал под нее, шуршал и копошился там, пока не заворачивался совсем уютно. Если потревожишь его или, не думая совсем о нем, схватишь тряпку, чтобы водворить ее на место, из нее слышится сердитое шипение, еж вываливается на пол и, недовольный, уходит под диван.

Как-то раз я попробовала испытать его слух и стала играть на маленькой детской шарманке; еж, услышав мелодичные звуки, подбежал к дивану, на котором я сидела, поднял мордочку кверху и начал медленно водить ею из стороны в сторону, как бы желая разобрать, что это за странное явление. Я поставила шарманку на пол, продолжая вертеть ее ручку. Ежка внимательно обнюхивал игрушку, обходя ее со всех сторон. Это продолжалось несколько минут. Тогда я заиграла внезапно на детской трубе, которая издавала резкие звуки. Еж сперва недоумевающе замер, подняв мордочку ко мне, затем быстро засеменил прочь от дивана и ушел совсем из комнаты.

Осенью у Ежки заболела лапка, и он долго из-за нее не мог уснуть на зиму. Только в январе, наконец, залез он в свою берлогу — подушку с соломой — и уснул, как и в первую зиму, спал по две-три недели, с перерывами.

Когда он появлялся в эти перерывы в комнате, суетливый, с живыми глазками, подбегал к столу и поднимал мордочку кверху, точно просил: „что ж, угостите яичницей, давно не едал“, мы встречали его с радостью и старались угостить на славу.

В конце концов еж свыкся с условиями жизни в неволе. Он прожил у нас два с лишним года“.

КОРСАК

Еще совсем недавно в пустынных, еще никем не населенных степях Казахстана в большом количестве водился прелестный зверек, который теперь уже стал здесь большою редкостью. Это — маленькая, необычайно стройная и изящная, серенькая лисичка — корсак.

От обыкновенной рыжей лисицы корсак отличается, кроме цвета шкуры, гораздо меньшим ростом; у него короче хвост. На ногах же он выше лисицы. Мордочка у корсака очень изящная, сильно заостренная, с тонким, красиво вздернутым и черным, как уголь, носиком. Глаза очень большие, живые и более круглые, чем у лисицы. Ушки тоже большие, остренькие и широко раскрытые.

В Киргизии я слышал от местных жителей, что корсака везде стало мало потому, что „корсак любит свободную землю“. В этом замечании много верного.

Среди диких зверей и птиц есть такие, которые, встречаясь с человеком, очень хорошо умеют сразу приспособиться к нему и даже быстро выучиваются находить в этом большие удобства для себя: защиту от хищных зверей и птиц, всегда готовые большие запасы корма на наших полях и в амбарах. Многие становятся почти, а некоторые и совсем, домашними животными, как, например, ласточки, воробьи, аисты, крысы, мыши...

Есть и другие, которые не держатся так близко около человека, но и не особенно боятся его соседства, умеют приспособиться к той обстановке, которую создает человек, и к тем изменениям, которые он производит в природе. Например, если они жили в степи, то теперь устраиваются и среди пахотных полей. Самого же человека хотя и остерегаются, но не бегут от него без оглядки.

Но есть и такие животные, которые могут жить только среди дикой природы и совершенно не способны мириться с присутствием людей, а тем более с таким изменением их родной обстановки, как превращение девственной степи в пахотные поля. К таким животным принадлежат из птиц, например, стрепет или бегунок, а из зверей — сайга, кулан и, в первую очередь, пожалуй, наша лисичка — корсак. Все они по мере того, как человек пробирается со своей культурой все дальше и дальше вглубь нетронутых земель, постепенно отступают перед ним, удаляясь в наиболее глухие и трудно доступные места.

Но человек постепенно выучивается использовать для своих надобностей все новые и новые пространства, до того признававшиеся совершенно непригодными. Поэтому некоторых зверей и птиц с каждым годом становится все меньше и меньше, даже тех из них, которых человек вовсе не преследует и не истребляет. Исчезают они только потому, что им негде становится жить, не остается того приволья, которое для них так необходимо. Вот почему в нашей стране для особенно ценных и редких зверей устраивают, так называемые, заповедники¹, в которых они могли бы жить уже без всякой помехи и даже под охраной закона.

Другая причина уменьшения количества корсаков заключается в том, что их все-таки сильно всегда преследовали из-за их довольно ценной шкурки.

Корсак — настоящий степной зверь, притом житель низменной равнинной степи: ни в горах, ни в лесу его встретить нельзя. Он любит травянистую степь, но не боится если на ней есть и мелкие кустарники. Но нередко он поселяется и в песках и даже в еще более пустынных местностях.

Ведет он чисто-ночной образ жизни, проводя день в каких-нибудь случайных убежищах, так как сам постоянных нор себе, обычно, не роет. Там, где живут (или жили) байбаки, он очень охотно пользуется для дневного отдыха их свободными норами.

---

¹ Заповедником называется участок, в котором строго запрещается охота, рубка деревьев и вообще какое бы то ни было изменение естественных условий.

У корсака замечательно тонкие слух и обоняние. Кроме того, у него, как у большинства степных зверей, которые привыкли издалека замечать опасность и не допускать врага близко, — необыкновенно острое зрение.

К этому нужно добавить, что корсаки очень трусливы и осторожны, так что обычно они во-время замечают опасность. Спасаясь от преследования, например, собаки, они проявляют необыкновенную ловкость и увертливость. Поэтому они довольно легко сохраняют свою жизнь в борьбе со своими природными врагами.

Против человека они, однако, бессильны: от него не спасает ни острое зрение, ни осторожность, ни быстрота и ловкость... Хорошим помощником человека являются охотничьи собаки и ручные орлы-беркуты.

Нет таких зверей, которых человек не сумел бы поймать. Довольно побывать в каком-нибудь большом хорошем зоопарке, например, в Московском, чтобы убедиться в этом.

Корсака же, кроме того, губит еще его дневной сон в норах, в которых иногда собираются вместе несколько зверьков. Подобраться к спящим в норе корсакам нетрудно, а выгнать их оттуда помогут лопата или дым. Потом уже в ход пускаются ружье, борзые собаки или беркут — и зверьку нет спасения.

Жизнь корсака на воле изучена в общем еще плохо.

Говорят, что корсаки не только собираются на день по несколько штук вместе в одной норе, но и охотятся совместно, целыми стайками преследуя свою добычу. Это бывает довольно редко у хищных зверей, которые чаще всего живут поодиночке или, в крайнем случае, парами. Из всех хищных зверей Казахстана компаниями держатся и охотятся, кроме корсака, еще шакалы, красный горный волк, да иногда, зимою, обыкновенные волки.

Питаются наши лисички главным образом всевозможными степными грызунами: мышами, полевками, тушканчиками, песчанками, зайцами; при случае ловят ежей, а также лягушек, ящериц и даже... насекомых. Не упустят, конечно, они и подвернувшегося гнезда птицы с птенцами или яйцами или молодую еще плохо летающую птичку. А так как в степи большая часть птиц гнездится на земле

то такая добыча достается им нередко. Наткнувшись на колонию птиц, гнездящихся совместно, большими обществами, как например, тиркушки, корсаки производят в ней настоящий разгром, не обращая особенного внимания на отчаянные жалобные крики хозяев гнезд...

Но в общем корсака следует считать полезным зверем, так как пища его состоит главным образом из вредных грызунов.

Недавно в газетах стали появляться интересные заметки из жизни Московского зоопарка. В одной из них говорится и о нашей лисичке.

Московский зоопарк заплотнили крысы. Они расхищали огромное количество кормов, портили постройки, уничтожали животных... даже кошки, живущие в зоопарке, как огня, боялись обнаглевших крыс.

Пробовали применять для борьбы с крысами разных хищных зверей и птиц. Их пускали на ночь в помещения, в которых раньше жили такие животные, которых крысы не боятся. Явившись смело в знакомую клетку, крысы вдруг натыкались там на таких страшных своих врагов, как, например, филины. На утро в когтях у дремлющих филинов находили недоеденных крыс, а следы, оставшиеся на земле, свидетельствовали о жестокой схватке, происходившей ночью. Но иногда крысы сами целыми десятками нападали на филина, схватившего одну из них.

Лучше всех по части истребления крыс работал корсак. Помещение, которое ему „поручалось“ для очистки, утром оказывалось усеянным дохлыми крысами с раздробленными черепами. Да еще скольких из них лисичка успевала съесть за ночь!..

Интересно, что корсаки могут, повидимому, обходиться без воды. По крайней мере, они часто живут в таких местах, где на большом расстоянии нет воды.

Кроме человека, врагами корсака являются волки и обыкновенные лисицы, от орлов же охраняет его ночной образ жизни.

САЙГА

Когда-то, да, пожалуй, и не так уже давно, бесконечные пространства степей Казахстана были очень слабо заселены. Здесь не только не было русских поселков, но и кочевое казахское население было редко разбросано по огромной территории края. И тогда, нетревожимые своим главным врагом — человеком, дикие звери спокойно размножались: многие виды их встречались в очень большом количестве. Но постепенно размножался и человек. Ему становилось тесно на прежде занятых им местах, и он искал новых подходящих земель для своих стад, забираясь все дальше и дальше вглубь свободных, никем, кроме диких зверей и птиц, не занятых земель края.

А за коренным кочевым населением появились из-за Урала русские переселенцы, бежавшие в поисках удобных мест за „Каменным поясом“, как когда-то назывались Уральские горы. И количество „свободных земель“ в Казахстане стало с каждым годом быстро уменьшаться. Некоторые виды диких животных не очень испугались этого нашествия человека и сумели с ним так или иначе примириться, некоторые нашли его даже выгодным для себя. В частности, разные грызуны нашли для себя обильный запас пищи на полях и гумнах, а волки убедились, что гораздо легче добыть себе на обед овцу, теленка или домашнего гуся пришельцев, чем охотиться за быстроногими и осторожными дикими животными.

Но нашлись среди зверей, прежде единственных обитателей степи, и такие, которые не только не сумели извлечь каких-нибудь выгод из соседства с человеком, но решительно не могли вообще примириться с этим сосед-

ством. Без „свободных земель“ они были не в состоянии жить. А тут еще человек сам начал усиленно охотиться на них. С одним из таких страстных любителей „свободных земель“ мы только что познакомились. Это — корсак. Другим является сайга.

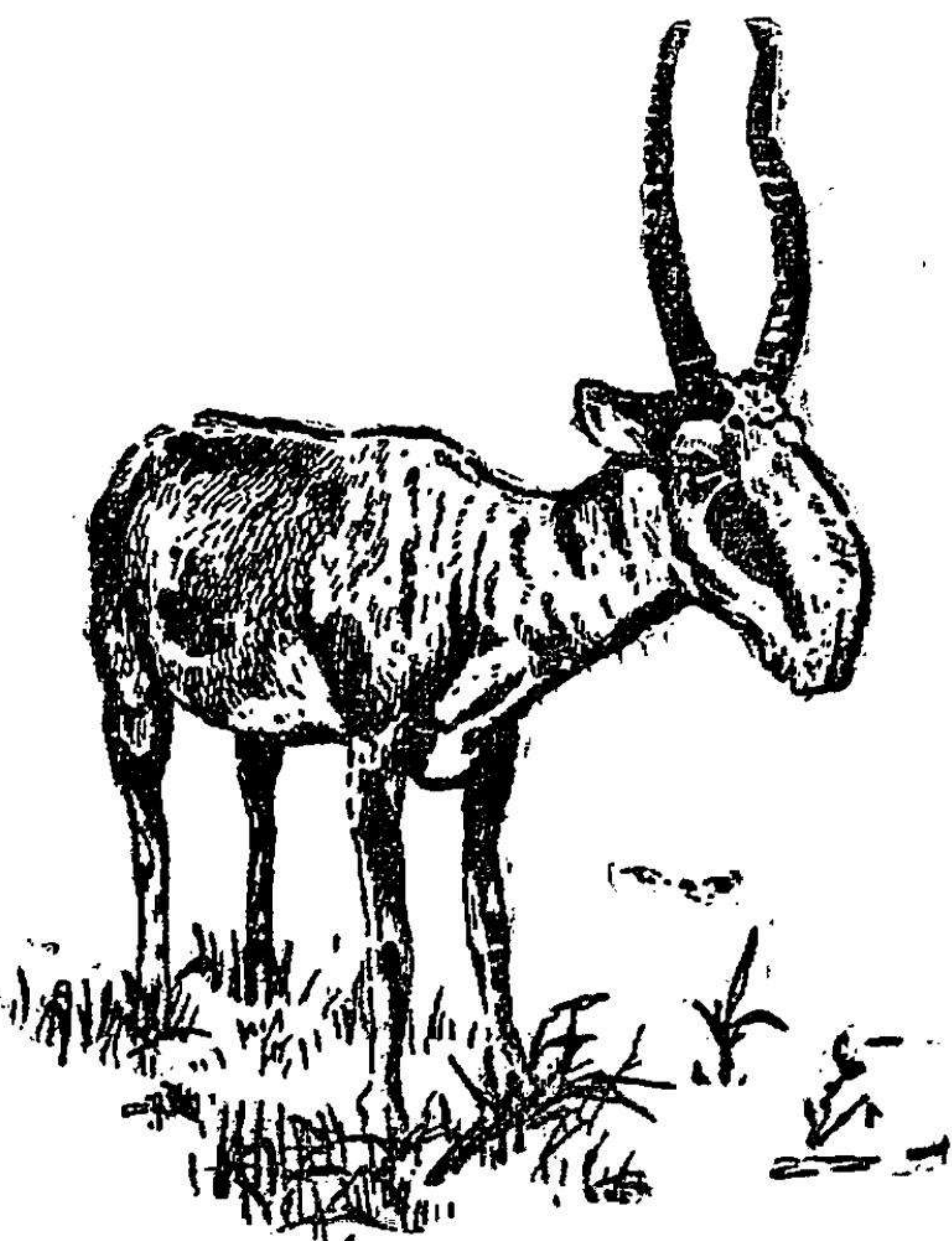
Всего лет полтораста тому назад эта интересная антилопа-сайга, или сайгак, водилась в степях всюду от границ Польши до Монголии. Встречалась она также на Украине, на Северном Кавказе, а между Волгой и Уралом еще жила огромными стадами. Но человек уже давно усиленно преследовал сайгу, она была ценной добычей. Кроме мяса и шкуры, от нее еще получались небольшие полупрозрачные, похожие на восковые, красивые рожки. Рожки эти очень дорого ценятся в китайской медицине, и их всегда охотно покупал и покупает Китай. И на Украине последнюю сайгу, как говорят, убили в 1840 году. Но ближе к границе Азии она сохранилась после того еще довольно долго — лет 60 — 70. Теперь ее в Европе уже нет вовсе, да и в Азии почти не осталось.

Пока сайга имела в своем распоряжении обширные, не занятые человеком, иногда на большом протяжении безводные, пространства, до нее, конечно, не так легко было добраться. И не очень много находилось желающих заняться трудной охотой на нее. Поэтому сайга даже после того, как она была совсем истреблена в европейской части нашего государства, еще долго встречалась в его азиатской части, и местами была очень многочисленна. Но по мере того, как человек пробирался все дальше и дальше вглубь степей, сайга делалась для него все более и более доступной. Спасаться от преследования ей становилось все труднее и труднее, и теперь она почти исчезла уже и в Казахстане. А к тому времени, когда читатели этой книжки достигнут зрелого возраста, сайгу, должно быть, можно будет встретить так же, как зубров, американских бизонов и некоторых других животных, не на полной свободе, а только под защитой и надзором человека, как живой „памятник“ природы девственных степей и как ценное промысловое животное. Наблюдать же сайгу среди ее родной дикой природы уже больше, повидимому, не придется.

Следует добавить, что исчезла сайга, возможно, не только потому, что ей нехватает девственных степей и что ее преследовал человек. Может быть, есть и еще одна причина. Известны случаи, когда на наших глазах окончательно исчезали животные, которых человек и не думал особенно преследовать и которым оставалось вполне достаточно простора для жизни. Почему они исчезали — точно мы не знаем. Возможно, просто потому, что отжили свой век, как отживает свой век отдельный человек или отдельные животные. Правда, век человека измеряется годами, век животных также годами, месяцами, а иногда и днями, а век вида — тысячелетиями. Но, в конце концов, вид все-таки должен или постепенно измениться или погибнуть, т. е. исчезнуть с лица земли, как исчезали бесчисленные виды животных, которые жили до нас и которых мы знаем только по ископаемым остаткам.

Весьма возможно, что отжила свой век и сайга. По крайней мере, на Украине, где сайга, как мы уже знаем, прежде водилась, делались попытки опять развести ее. При этом попытки делались в таком месте, где еще до сих пор сохранилась неприкосновенной южно-русская девственная степь — та самая природа, среди которой сайга жила здесь когда-то (знаменитый заповедник Аскания-Нова). И, однако, многолетние упорные попытки развести ее не привели ни к чему. Иногда удавалось добиться того, что сайга очень хорошо размножалась и сильно увеличивалась в числе, но через некоторое время все они быстро погибали от одной и той же болезни. Очень может быть, что эта или какая-нибудь другая болезнь в значительной степени и обусловила исчезновение сайги на воле. Так или иначе, но

теперь сайга у нас взята под охрану закона: охота на нее совершенно запрещена и продолжаются попытки ее искусственного разведения.

Своеобразная наружность сайги, с ее странной горбоносой мордой, хорошо видна на рисунке.

Другой такой же безобразной морды нет больше ни у одного из наших животных, так что запомнить наружность нашей антилопы нетрудно. Самца сайги немного украшают его симпатичные рожки, безрогая же самка совсем уродлива. Мало изящна, впрочем, и вся фигура животного — толстое, короткое, неуклюжее туловище на стройных, слишком уж тонких ножках. Единственное, что украшает сайгу — это ее чудные огромные блестящие черные глаза — настоящие „глаза газели“. Сильно портят ее наружность также необычайно большие ноздри. Такие ноздри, конечно, нужны сайге для облегчения дыхания при быстром и продолжительном беге, но красоты ей не придают. Но особенно безобразен, по мнению некоторых, ягненок сайги. Длинные худые ноги, горбатый нос, как бы обретенные уши и короткая кисточка на месте хвоста — делают его, по их мнению, настоящей карикатурой. Однако, не все с этим согласны, — иные уверяют, что маленькие сайгачата очень милы, веселы, забавны. Хрящи и жир, образующие у взрослых горб, разрастаются позже и у молодых ягнят еще не успевают слишком обезобразить физиономию.

У взрослых же, кроме уродливого горба на носу, еще и самый нос так сильно вытянут, что на несколько сантиметров свисает ниже верхней губы. И когда сайга ест, она должна отгибать его в сторону, чтобы он ей не мешал. Для этого у нее есть особые мускулы, позволяющие ей ворочать странным носом. Она может, и даже очень сильно, оттягивать и укорачивать его, причем тогда он весь покрывается бесчисленными морщинами.

Делает это сайга тогда, когда ей что-нибудь покажется подозрительным и она хочет посредством обоняния разобраться, в чем дело. А в сомнительных случаях она всегда прибегает именно к этому чувству, так как оно развито у нее замечательно, — повидимому, лучше всех остальных. Впрочем трудно сказать, какое чувство у нее развито

лучше всего. И если некоторые все-таки думают, что — обоняние, то только потому, что им случалось видеть, как сайги из любопытства подпускали их к себе сравнительно близко. Но стоило только, чтобы в их сторону подул ветерок и до них дошел запах врага, как они моментально обращались в бегство. Однако, зрение у сайги тоже прекрасное. Случается, что антилопы уже давно заметили опасность и насторожились, тогда как человек, даже с превосходным зрением, долго никак не может заметить, чем стадо взволновано, и замечает это лишь много времени спустя. Не хуже у сайги и слух. Все это хорошо помогало нашей антилопе успешно бороться с ее естественными врагами. ❁

Но бороться с человеком не под силу ни одному животному. Не под силу оказалось это и сайге, после того, как люди обратили на нее свое внимание.

Против тех способов охоты, которые применял человек, — о них я расскажу дальше, — не могут помочь никакие, хотя бы и наиболее совершенные органы чувств, никакая осторожность и никакая быстрота бега.

Будучи чисто степным животным, не заходя ни в горы, ни в лес, сайга, однако, не держалась всегда на одном и том же месте. Наоборот, она периодически меняла свое местопребывание — в зависимости от времени года и от состояния подножного корма. Кочевки эти совершались даже с известной правильностью из года в год.

Сайгаки имеют привычку держать голову опущенной к земле, что видно даже на рисунке. Поэтому, увидев издали стадо сайгаков, идущих плотно друг к другу с опущенными головами, легко принять их за стадо баранов. Но вот наблюдатель выдал себя неосторожным движением — и вид стада преобразился, как по волшебству. Животные встrepенулись и легкими прыжками, достигающими иногда до 6 метров, с быстротой стрелы скрываются. Быстрота бега этих антилоп поразительна. Даже маленького восьмидневного сайгаченка лошадь не догоняет. Легко поймать сайгаченка можно лишь такого, который только что родился.

Голос сайги — громкое блеяние, но взрослые животные

отличаются очень большой молчаливостью, и их голос приходится слышать очень редко. Молоденькие же сайгачата кричат довольно часто.

В начале мая сайги приносят одного или двух ягнят. Для этого они выбирают такое место в степи, где есть достаточно густая и высокая растительность, чтобы можно было хорошо прятать малюток, пока они еще беспомощны и не могут ходить с матерью. А так как в степях, обитаемых сайгой, мест с хорошей травой не особенно много, то на подходящем кусочке степи собирается иногда несколько мамаш со своими детьми. Один охотник как-то раз на восходе солнца заметил в небольшой котловинке десять сайг с ягнятами. Одни из сайгачат кормились, другие резвились около матерей. Вскоре они один за другим попрятались в траве, и тогда их матери пошли прочь, сперва медленно, подозрительно оглядываясь кругом, нет ли где-нибудь опасности. Потом, убедившись, что все благополучно, пустились во всю прыть. Насколько тесно иногда собираются в таких уютных уголках сайгачата, можно видеть из того, что случалось на пространстве каких-нибудь 40—50 квадратных метров находить их больше дюжины.

В первые дни малютки не покидают места своего рождения и тихо лежат здесь чуть ни целые сутки одни, притаившись в траве. Мать, накормив их рано утром, отправляется пастись, причем часто уходит очень далеко и возвращается только к ночи. Тут она опять их кормит и затем укладывается с ними спать. Сайгачата растут и крепнут очень быстро: уже через четыре дня после рождения они начинают передвигаться вместе с матерью. Правда, вначале они не следуют за ней все время по пятам, а лежат, притаившись в траве, пока она пасется, но при переходах с места на место уже не отстают от нее.

После того, как сайгачата начинают ходить с матерями, те опять возвращаются к своему стаду и с тех пор сайги ходят уже попрежнему все вместе. Это в высшей степени общественные животные. В этом отношении они тоже очень напоминают баранов. Летом сайги держались не особенно большими стадами, но к осени — времени

больших кочевков — собирались в те огромные стада, о которых упоминалось и о которых теперь остались лишь воспоминания.

День антилопы проводят так. На рассвете они поднимаются и, слегка рассыпавшись по степи, начинают пастись, непрерывно, хотя и медленно, подвигаясь вперед. Так пасутся они (летом) до наступления жары, а затем ложатся отдыхать, вытягиваясь на земле. В холодную же погоду сытые сайги сбиваются плотно вместе и уже не ложатся, а продолжают двигаться все дальше, не останавливаясь. Незадолго перед заходом солнца они опять начинают пастись и пасутся уже до наступления ночи. Ночь проводят спокойно на одном месте, при этом в маленьком стаде, как говорят, спят все. В большом же всегда остается несколько сторожей, которые при приближении опасности бесцеремонно расталкивают рогами спящих. Интересно, что при содержании сайгаков в неволе у них тоже замечали таких сторожей.

Эти странные животные, повидимому, могут обходиться совершенно без воды. По крайней мере на свободе никто никогда не видел их пьющими. Да и живут они иногда в таких местах, где нет ни капельки воды. Впрочем, мы уже познакомились с животными, которые даже вовсе и не умеют пить.

Молодые сайги легко привыкают к человеку и совершенно ручнеют. Напротив, пойманные взрослыми остаются очень дикими.

Прежде чем рассказать об охоте на сайгу, следует сказать еще о некоторых ее врагах. После человека, главными врагами сайги являются насекомые — овода и мошки. Они, правда, не вызывают ее гибели, но зато причиняют беззащитному от них животному нестерпимые мучения. В течение всего жаркого времени все тело сайги бывает покрыто большими шишками — нарывами. В этих нарывах живут личинки оводов. Живут до тех пор, пока не достигнут того возраста, когда им надо превращаться в куколку. Тогда они проделывают отверстие в коже сайги и выходят наружу, оставляя своего хозяина. Летом редко найдется шкура сайги, которая не была бы продравлена от этих нарывов. Иная даже совершенно ни на

что не годится, так как представляет собой настоящее решето с 30—40 отверстиями. Но еще большим бичем для сайгаков являются мошки. Весной и летом воздух в степи местами бывает наполнен мириадами этих крошечных созданий, целые облака их движутся в воздухе, следуя течению ветра. Особенно много их бывает на солонцах. И мне самому случалось, попадая по пути на солонец, гнать полным ходом лошадь, чтобы отвязаться от этих несносных даже для человека и лошади созданий и поскорее проскочить неприятное место. Мошки массами назойливо лезут в глаза, уши, нос, и тут плохую услугу оказывают сайге ее широкие ноздри. Залетая сами, или втягиваемые дыханием, мошки набиваются в нос несчастному животному, чем доводят его иногда до бешенства, до того, что оно перестает что-нибудь соображать и бежит прямо на человека. Чтобы, хоть немного, предохранить себя от этих мучителей, сайги в особенно жаркие часы, когда мошки особенно докучают, часто подолгу лежат на земле, засунув морду, как можно глубже, в отверстие какой-нибудь норы или в вытопанную ногами ямку. В этом они опять-таки похожи на домашних баранов, которых тоже часто можно видеть в такой позе.

Мы уже знаем, что сайга в высшей степени общественное животное, что даже в то время, когда у них рождаются ягнята, самки хотя и отделяются по необходимости от стада, но делают это лишь на самое короткое время. Да и с крошечными-то ягнятами все-таки стараются держаться компаниями, хотя и небольшими. Но эта-то общественность сайги была, может быть, одной из главных причин такого быстрого ее вымирания, так как позволяла применять такие способы охоты, при которых антилопы истреблялись сразу десятками и даже сотнями.

Так, в степях Казахстана казахи когда-то охотились таким образом:

На ровной степи делались из земли или дерна кучки вышиной около метра. Кучки эти располагались в виде прямых линий, расходящихся приблизительно под углом в 45—60 градусов. В конце угла каждой из линий кучки располагались очень близко одна от другой — в трех—пяти шагах, но чем дальше в степь, тем больше оставля-

лось расстояние между ними, а между крайними кучками оно уже было в 100—150 метров. В том месте, где эти расходящиеся линии кончались, расстояние между их концами бывало до 5 километров. Там же, где концы сходились, они тоже не смыкались совсем, оставался проход шириною в 4—5 метров. В этом проходе и перед ним крепко втыкались в землю, близко один от другого, срезанные косо острые стебли толстого, крепкого камыша, втыкались направлением в ту сторону, откуда должны были бежать сайги.

Понятно, что устройство такой загородки требует очень много времени и труда,—делать такие сложные сооружения можно только в том случае, если и добыча будет верная и не малая. Устроив ловушку, казахи-охотники разъезжались по степи в поисках антилоп и, заметив стадо где-нибудь по соседству с широким отверстием угла загородки, ловкими маневрами издали, стараясь не испугать животных, постепенно направляли все стадо так, что оно незаметно для себя оказывалось между крайними кучками, то есть уже в самом входе в ловушку. Осторожные сайги, видя какие-то подозрительные предметы и, может быть, опасаясь за ними засады, старались держаться от них подальше. Однако, сзади себя они видели людей и потому повернуться назад не могли. Таким образом им оставалось только двигаться вперед, где было свободно, теснясь как раз у середины прохода, чтобы быть подальше от опасных темных предметов, которые виднелись издали и справа и слева. А предметов этих становилось с каждым шагом все больше и больше. И вот все больше и больше пугались сайги и все упорней они жались к средней линии угла...

А когда кучки в обеих линиях оказывались расположенными уже густо и было ясно, что сайги ни за что не решатся прорваться в сторону, охотники начинали с криками мчаться прямо на сайгаков. Несчастные животные, спасаясь от преследования и видя по сторонам уже сплошные линии оград, в панике мчались вперед, надеясь прорваться через единственное оставшееся свободным место—проход в конце угла. И здесь бешено мчавшиеся антилопы налетали со всего размаха на торчащие острые

камыши. Многие погибали сразу, а других тяжело пораженных в шею, грудь, живот оставалось только добить... Если стадо было очень большое, то задние все-таки прорывались после того, как погибшие передние загромождали острые камыши и делали их безопасными. Но и доставшаяся добыча была настолько велика, что вполне оправдывала затрату труда на устройство ловушки.

На озере Ала-Куль, где сайги зимой сами охотно скрывались от непогоды в обширных прибрежных камышах, казахи пользовались этой их привычкой, и охота на них здесь была такой же успешной и в то же время не требовала большой затраты труда. Охотники срезывали на некотором пространстве растущий камыш наискось, так что получались очень острые концы. После этого стадо сайгаков гнали прямо на эту площадь, где израненные животные быстро выбивались из сил и становились легкой добычей охотников.

Если удавалось встретить стадо сайгаков около какого-нибудь озера, уже замерзшего, но лед которого еще не был покрыт слоем снега, то охотники старались загнать животных на лед. Там они сразу становились совершенно беспомощными и истреблялись уже поголовно. Приблизительно такие же результаты давала охота, когда удавалось захватить сайгаков в момент их переправы через реку Урал при обширных ежегодных кочевках. Плынут сайгаки через реку тесно, всем стадом. Самые смелые и сильные впереди, а остальные, подобно баранам, тесно следуют за передовыми. В таких случаях передним позволяли спокойно переплыть на другой берег и не трогали их. Тогда остальные уже двигались стихийно всей массой за вожаками, и их удавалось убить очень много, прежде чем оставшиеся в реке поворачивали обратно. На этой охоте, если только можно назвать охотой такую бойню, охотники обходились без всякого оружия, действуя обыкновенными палками. Впрочем, трудно назвать охотой и все остальные вышеописанные способы, применявшиеся раньше для добывания сайги. Это была не охота, а массовое истребление.

Когда нам говорят о тигре, мы как-то невольно представляем себе Индию, тропическую жару, непроходимые бамбуковые джунгли, среди которых тихо подкрадывается к беззащитному и ничего не подозревающему путнику страшный полосатый зверь... И очень немногие знают, что за тигром совсем не надо ехать так далеко. Он есть у нас в Средней Азии и даже в Казахстане. Притом совсем близко от его столицы, в каких-нибудь 300—400 километрах: в низовьях реки Или, близ озера Балхаш.

Правда, особенно много тигров здесь не было никогда, а теперь осталось и совсем мало, но все-таки они еще есть до сих пор, хотя, сколько именно их осталась, мы, конечно, не знаем. Тигров на переключку не потребуешь, увидеть их не так-то просто, а пересчитывать тигров в камышах — вряд ли найдутся охотники. Но по разным признакам все-таки можно, в конце концов, составить себе хоть приблизительное понятие о числе этих зверей в Казахстане, и есть предположение, что в бесконечных камышевых зарослях низовьев Или их осталось еще около десятка или дюжины. Здесь они скрываются, очень редко попадаясь на глаза людям. Они не только никогда не нападают на человека, но и его домашний скот трогают лишь в виде исключения. Причем исключения эти почему-то выпадают больше всего на долю верблюдов, — может быть, потому, что верблюды иногда уходят очень далеко от дома, разбредаются поодиночке и мало обращают внимания на то, что делается вокруг. Казахи, судя по всему, относятся к тиграм совершенно равнодушно и вовсе их не боятся. По крайней мере, во время экспедиций мне не раз приходилось останавливаться в таких местах, где в 1—2 километрах от

нашего лагеря жили тигры, и я ни разу не слышал, чтобы местные казахи высказывали какие-нибудь опасения или жаловались на тигров. Впрочем, однажды на Или хозяева соседней с моим лагерем юрты встревожились, не попался ли в лапы тигра их сын-подросток, который куда-то ушел и долго не возвращался. Им было достоверно известно, что недалеко от них давно держится тигр. Но мальчик вернулся, все снова успокоились и о тигре опять забыли. Так миролюбиво ведут себя по отношению к человеку казахстанские тигры. Такие же тигры живут в Средней Азии и на Кавказе.

На Дальнем Востоке живет другой вид тигра — манчжурский тигр, в Индии — бенгальский. Эти ведут себя уже совсем иначе. Индийского, или бенгальского, тигра мы оставим в стороне, а познакомимся только с нашим казахстанским и затем, для сравнения, с дальневосточным тигром.

Наружность тигра знает всякий. Это — настоящая кошка по своему общему виду, да и по большинству привычек, с той только разницей, что длина этой кошки достигает почти трех метров, а с хвостом, на который приходится у такого крупного зверя около метра, почти четырех метров. О размерах тигра легко судить и по его весу, который доходит до 320 килограммов (20 пудов).

Нетрудно представить, что когда такая двадцатипудовая кошка неожиданно бросится из засады на свою добычу, ни одно животное, кроме слона и носорога, не может сопротивляться ей — все они делаются ее жертвами.

Тигр выше на ногах, сложен легче и стройнее, чем лев. Он свиреп, кровожаден и дик, но вместе с тем, в высшей степени недоверчив, коварен, хитер и осторожен. Хотя в Китае распространено поверие, что тот, кто съест сердце тигра, становится сильным и храбрым, как тигр, но в действительности тигра нельзя назвать храбрым зверем. Только защищая своих детей тигрица забывает всякую осторожность и делается смелой до безумия, не боясь никого и ничего. Обыкновенно же во всех действиях тигра видна продуманность, граничащая с разумностью и последовательностью. Обмануть и провести тигра очень трудно. Застать его врасплох, даже во время глубокого сна, невозможно. Исключения здесь известны только в отно-

шении кавказского и казахстанского тигров, которых не раз заставляли настолько крепко спящими после особенно сытного обеда, что натыкались на них вплотную.

• Как правило, тигр вообще избегает встречи с человеком, даже убегает от него, должно быть инстинктивно чувствуя, что в этом существе для него кроется опасность. Но и тут он умеет разбираться в обстоятельствах. Нисколько не боясь, например, безоружных и совершенно для него безопасных местных жителей китайцев и корейцев, манчжурский тигр прямо у них на глазах таскает собак и домашний скот. Но тот же тигр благоразумно заранее ретируется, заметив вооруженного европейца, которого он знает меньше. Конечно, и это правило, как и все вообще правила, имеет исключения. Некоторые старые тигры, которые при каком-нибудь случайном столкновении с вооруженным европейцем убедились на опыте, что с ним так же легко справиться, как и с местным жителем, становятся очень опасными и нередко начинают уже специально охотиться за человеком вообще.

Все тигры во многом похожи один на другого по своим нравам и привычкам. Но вместе с тем, есть и большие различия между тиграми одного вида, но живущими в разных местах. Поэтому, совсем оставляя в стороне бенгальского тигра, все-таки иногда придется говорить отдельно о манчжурском тигре.

Прежде всего, самый крупный из всех тигров — манчжурский. Это именно он достигает 320 кг (20 пудов) веса, тогда как самый большой известный вес бенгальского тигра — всего 200 кг (12,5 пуда). Небольшие размеры имеют и наши азиатские тигры. Таким образом, манчжурский в полтора раза превышает размером всех своих сородичей. Затем, в разных местах тигры живут в совершенно различной обстановке. Наш, казахстанский, тигр селится исключительно в обширных камышовых зарослях. Кавказский живет в густом непролазном лесу в закавказской низменности. Манчжурский тигр, напротив, никогда не селится в камышовых зарослях и болотистых речных низинах, хотя их там имеется достаточно много. Горы и даже не всякие горы, а именно каменные, скалистые трущобы, покрытые ремучим кедровником, — вот места обитания манчжур-

жого тигра. Логовище свое он тоже устраивает не в камышах или густых кустарных зарослях, а в каменных нишах, расселинах скал и пещерах.

Все тигры не любят без надобности приближаться к населенным пунктам и живут, по возможности, в местах уединенных и глухих. Чаще всего они выбирают такие места, где много кабанов, которые являются главной пищей этого хищника. Если же нет кабанов, тигру надо, чтобы было много другого крупного зверя.

Правда, кавказский тигр нередко живет совсем близко от селений. Но при этом он держится в такой непролазной чаще, которая совершенно недоступна для человека. То же можно сказать и о казахстанском тигре. Хотя казахские аулы часто стоят у самой окраины камышей, обгаемых тигром, но ни сам тигр никогда не показывается из камышей, ни казахи не лезут к нему в камыши. Так что и тут, живя, можно сказать, рядом, „соседи“ никогда не встречаются друг с другом и один другому не мешают, кроме тех редких случаев, когда оказывается нехватка кабанов и тигру поневоле приходится обратить внимание на домашних животных. Однако, на Кавказе и в Казахстане это бывает очень редко. Что же касается нападения тигра на человека, то ни на Кавказе, ни в Казахстане не известно ни одного такого случая. В Узбекистане и Туркменистане такие случаи, правда, бывали, но лишь на охоте. Да и бросался на охотников только раненый тигр, причем только в том случае, если его окружали со всех сторон и ему некуда было скрыться. Но и тут бывали случаи, когда, бросившись на охотника и повалив его на землю, тигр не причинял ему никакого вреда и удалялся.

Если в местности, где живет тигр, почему-нибудь уменьшилось количество травоядных, он в поисках пищи предпринимает далекие странствования, — иногда удаляется километров за сто и даже больше. Но через некоторое время, — иногда через год—два, возвращается на старое место. Мне известны случаи, когда илийские тигры, пробираясь прибрежными балхашскими камышами, переселялись на время на другие реки, впадающие в Балхаш: Каратал и Аксу. Раз поселилась на Каратале даже парочка,

которая вывела и вырастила здесь детей. А затем все опять ушли на Или. Этих гостей долго помнили каратальские казахи: из-за недостатка на новом месте кабанов, тигры за время своего продолжительного пребывания на Каратале уничтожили у них очень много скота.

Если тигра долго и постоянно беспокоят, например, рубкой леса, как это бывает на Дальнем Востоке, или же его часто преследуют охотники, то он, в конце концов, на выдерживает и окончательно переселяется на новое, более спокойное место.

На охоте, а также спасаясь от преследования, тигр пользуется, прежде всего, слухом, который развит у него превосходно, гораздо лучше всех остальных органов чувств. Малейший, совершенно неуловимый для нас звук, он уже улавливает даже на большом расстоянии. Зрение тигра уступает слуху, но все-таки оно достаточно хорошее для того, чтобы он мог заметить даже ничтожное движение врага или будущей своей жертвы и с какого-нибудь возвышенного пункта, оставаясь незамеченным, издали наблюдать за ними. Ночью тигр видит тоже очень хорошо. При этом зрачки его светятся фосфорическим светом. А вот обоняние у него очень плохое. И если он почему-нибудь не видит и не слышит добычи, он ее не учует даже на самом близком расстоянии.

Кроме небольшого периода времени, связанного с размножением, когда все звери ищут общества себе подобных, тигры ведут уединенную жизнь, держась поодиночке. Весною тигрица приносит двух, трех, а иногда даже четырех тигрят, которые рождаются, как и котята, слепыми. Гнездо свое она устраивает в особенно недоступных местах: в глубине самых непроходимых камышей или же в таких же непроходимых каменных горных трущобах. При этом выбирает тигрица всегда такое место, где водится особенно много кабанов или другого зверя, чтобы легко было прокормить семью и не приходилось бы в поисках добычи надолго оставлять тигрят одних.

Осторожная всегда, тигрица при детях еще усиливает свою осторожность, принимает все меры к тому, чтобы скрыть свое гнездо. Она никогда не подходит к нему прямо и просто, а всячески старается скрыть свои следы, на-

пример, осторожно пробираясь только по голым камням. Говорят, что такая осторожность у тигриц явилась недаром, что она вовсе не лишняя, так как сам тигр, найдя тигрят, иногда съедает их.

Только что родившиеся тигрята бывают ростом с кошку, но растут они очень быстро. Уже через два месяца мать позволяет им ненадолго выходить из гнезда порезвиться на свободе. Молоком она кормит тигрят полгода, но еще маленьких начинает учить ловить и убивать добычу. Для этого она приносит им пойманных, хотя и сильно помятых, но еще живых животных. Так же делают с мышками и птичками кошки, у которых есть котята.

И тут тигрята берут свои первые уроки. А пятимесячных она начинает приучать уже ловить по-настоящему здоровых животных. Для этого она берет их с собой на охоту, где на примере матери дети выучиваются выслеживать добычу, тихонько подползать к ней и внезапным прыжком неожиданно бросаться на нее. Так тигрица водит их с собой еще около полугода. Таким образом, тигрята под опекой матери остаются около года. И только после этого они мало-помалу начинают жить все более и более самостоятельно, пока, наконец, не станут совсем на ноги. Впрочем, и тогда они еще долго держатся около родного гнезда и лишь года через три уходят прочь совсем в поисках нового, уже собственного, охотничьего района. Кроме тигра, у нас нет ни одного животного, у которого дети так долго поддерживали бы связи с матерью, т. е. так долго не становились бы взрослыми¹. Но это отчасти и понятно, так как живет тигр очень долго — лет до сорока—пятидесяти. А чем продолжительнее жизнь какого-нибудь млекопитающего, тем дольше его дети остаются „детьми“.

Как мы уже сказали, главной пищей тигра почти везде являются кабаны. В Манчжурии за большим стадом этих животных постоянно следует один, два, а иногда даже несколько тигров. Но тигры никогда не делают того, что постоянно делают волки и мелкие хищники — хорек и

---

¹ Говорят, что с медведицей иногда держится ее сын до двухлетнего возраста, но это еще точно не установлено.

его сородичи. Как известно, волк, попав в стадо баранов, накидывается на них, как бешеный, и убивает одного за другим столько, сколько успеет,—иногда 20—30 штук. Хорек или колонок, попав в курятник, делают то же самое с курами, а ласка и горноста́й, хотя бы и вполне сытые, убивают вообще каждое живое существо, с которым встретятся и с которым могут справиться. Тигры никогда не убивают сразу добычи больше, чем им нужно для утоления голода. Они поступают иначе, а именно: держатся где-нибудь около кабаньего стада, постоянно следят за ним и затем, по мере надобности, берут себе из него ровно столько, сколько нужно для того, чтобы хорошенько наесться. Но зато они преследуют „свое“ стадо систематически и делают это до тех пор, пока не уничтожат всех кабанов или пока напуганное стадо не разбежится без оглядки в разные стороны. Манчжурские охотники говорят, что „тигр пасет кабанов“ и, действительно, этот страшный пастух, не спускает глаз со своего стада и, покончив с одним, разыскивает другое.

Хотя основа питания тигра, конечно, мясо пойманных им самим животных, но манчжурский тигр иногда, может быть, из-за каприза, любит разнообразить свое меню,—ест кедровые орешки, ягоды, фрукты, ловит рыбу и даже черепах. Кроме того, подобно кошкам, иногда ест траву,—вероятно в каких-нибудь лечебных целях. После еды тигр любит полоскаться в горной речке, причем промывает свой рот. В противоположность всем остальным тиграм, живущим в жарких низменностях, горный манчжурский тигр не переносит жары. Зато он совершенно не боится холода и не прячется ни от какого бурана. В ясные и лунные зимние ночи он любит кататься на снегу и валяться в сугробах, при этом он всегда выбирает поляны, ярко освещенные луной. Иногда он ползает по снегу на брюхе, как это часто делают собаки.

Охотится тигр совсем так, как это делают кошки. Он никогда не преследует бегущую добычу, а всегда или подстерегает ее из засады где-нибудь на тропинке или же совершенно незаметно подкрадывается к ней так, как это делают домашние кошки, охотясь за птичками. Такую охоту, вероятно, каждому приходилось видеть самому.

Странным кажется, как это такой огромный зверь может подкрасться незаметно, не на шум и не выдав себя движением травы или ветвей кустарников. А между тем это так. И не только человек, обыкновенно, не замечает подкрадывающегося к нему тигра до тех пор, пока тот не бросится на него, но не замечают его и чуткие осторожные животные. Все движения тигра в высшей степени легки и грациозны и в то же время необыкновенно быстры, ловки и предусмотрительны. Он крадется совершенно неслышно и может двигаться по траве, высотой с какой-нибудь аршин, с такой осторожностью и таким искусством, что остается совершенно невидимым. В этих случаях фигура ползущего тигра, плотно прижавшегося к земле, и все его движения напоминают змею.

Подкравшись таким образом к своей жертве на 3—4 метра, он одним прыжком бросается на нее, валит ее с ног и перекусывает шейные позвонки. Прыжок тигра иногда бывает и больше, достигая пяти и даже семи метров. И если тигр бросается откуда-нибудь сверху, то может сделать прыжок и до десяти метров.

Но, промахнувшись, тигр ускользнувшую добычу не преследует, хотя и мог бы догнать ее, так как бежит галопом очень быстро (прыжки голопом достигают 4 метров), а отправляется на поиски новой добычи. Ходок он тоже превосходный, неутомимый — способен делать в сутки по 80 и 100 километров. С необычайной ловкостью и искусством лазает он по скалистым отвесным кручам, а в таких местах преследовать его совершенно невозможно, так как он шутя уходит от самого лучшего и выносливого ходока по горам.

Воды тигр, по крайней мере, манчжурский, не только не боится, как боятся ее многие кошки, но чувствует себя в ней прекрасно. Он отлично плавает и во время летней жары очень охотно идет в воду, причем любит барахтаться в холодных струях горных рек. В полуденный зной он часто лежит у самой воды под брызгами водопада, где его не беспокоят комары и мошки.

Тигр довольно молчалив, слышать его голос приходится не часто, даже там, где тигров много. Но мощные звуки, издаваемые им, производят необычайно сильное,

а на некоторых прямо-таки потрясающее впечатление. Случается, что для охотника, впервые собравшегося на тигра, случайно услышанный голос этого зверя решает дело, и он сразу отказывается от своего предприятия. Особенно сильным бывает впечатление, когда голос зверя неожиданно раздастся где-нибудь недалеко в ночной тишине, среди дикой величественной природы девственного леса.

Во время поисков добычи горные тигры любят ходить по самому ребру горного кряжа, откуда хорошо видны оба склона. А иногда тигр лежит где-нибудь на высоком выступе скалы, возвышающейся над речной долиной, и обзревает оттуда свои владения. Завидев добычу, он быстро скользит вниз, как змея, и затем делает засаду или же ловко подкрадывается к пасущимся животным. Сила тигра такова, что, взяв в пасть за гривок, он легко может нести кабана, оленя, корову и даже лошадь. Бывали даже случаи, когда тигр, схватив лошадь за за гривок, делал с ней прыжок до двух метров в высоту.

Следующий случай тоже хорошо рисует силу тигра, причем на этот раз это был даже не огромный манчжурский, а наш „маленький“ средне-азиатский тигр.

Однажды верблюд, отойдя в сторону от каравана, забрел в топкие соленые грязи и завяз там так крепко, что люди не могли его вытащить, а так как это было с наступлением темноты, то оставили его там до утра. Ночью в той стороне был слышен рев тигра, а утром оказалось, что зверь вытащил верблюда из грязи, да еще и оттащил его шагов на 150 в сторону, где затем и пообедал им... Кстати, тигру для того, чтобы хорошо наесться, необходимо съесть 32—40 кг (2—3 пуда) мяса. После такого обеда тигр много пьет и ложится тут же отдыхать. В продолжение отдыха он несколько раз пьет воду, затем опять ложится и так отдыхает иногда целые сутки и даже больше. Бывали случаи, что в это время люди подходили к казахстанскому и кавказскому тиграм вплотную, и они даже не просыпались, так что их и убивали спящими.

О вегетарианской части стола манчжурского тигра мы уже знаем, но и мясная его часть достаточно разнообраз-

на. После кабанов, любимой его добычей являются собаки, которых он ловит по ночам у лесных поселков или у одиноких жилищ дровосеков и охотников. Мелких животных, как косулю (илика), поросенка, собаку тигр съедает целиком, т. е. с кожей, копытами, костями. С загрызенного человека он прежде всего сдирает зубами всю одежду, а затем ест, начиная с ног, переходя на брюшину и грудную клетку и кончая головой, которую он раскусывает, как орех.

Особенно крупные тигры не останавливаются ни перед какой добычей и справляются даже с медведем почти одного с ним веса. Для этого хищник выслеживает Мишку и делает засаду, чаще всего на скале или в буреломе с таким расчетом, чтобы ветер дул от медведя, а не наоборот, иначе медведь, обладающий прекрасным чутьем, его почует.

Медведь, кстати сказать, не отличается большой осторожностью, к тому же обыкновенно надеется на свою силу и потому держится довольно спокойно, мало думая об опасности. И, вероятно, очень мало вспоминает он о тигре. Ничего не подозревая, медленно идет он мимо засады, и тогда тигр бросается на него сверху, с быстротой молнии хватая его когтями одной лапы под подбородок, другой за горло и мгновенно перекусывает шейные позвонки... Но случается, что медведь во-время замечает опасность и тогда, если чувствует себя не в силах бороться с врагом, спасается тем, что залезает на ближайшее дерево, где тигр ему сделать ничего не может, так как на деревья лазать он, как правило, не умеет. В этом случае тигр располагается под деревом и терпеливо ждет, пока медведю не надоест сидеть на дереве и он не спустится. Но если медведь очень большой, то при открытой борьбе есть уже некоторый риск. И потому тигр чаще всего при этих условиях делает вид, что уходит, хотя, в действительности, просто устраивает новую засаду.

Однако, не всегда медведь достается тигру так дешево. Так, однажды было найдено место, где по оставшимся следам была легко восстановлена вся картина единоборства этих двух зверей. Они схватились близ

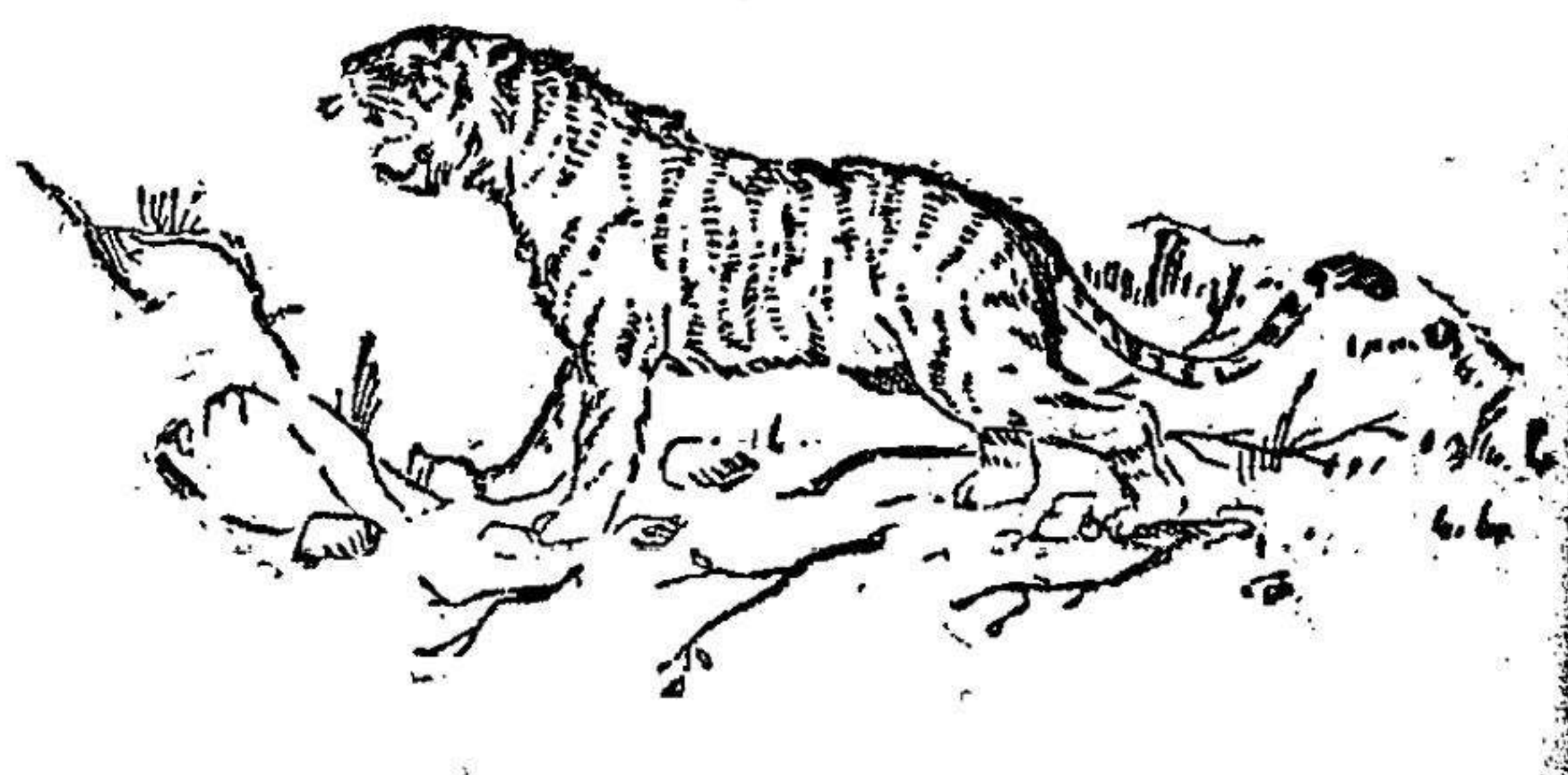

вершины горы и покатались вниз, оставляя по траве и кустам широкий след. Так катились они несколько сот шагов. Наконец, тигр задавил медведя но, вероятно, и Мишка порядком помял бока своему врагу, потому что в иных местах лежали большие клочья тигровой шерсти. Схватки тигра с медведем известны не только в отношении манчжурского тигра, случаются они и в других местах, где оба эти зверя встречаются друг с другом. И один

такой случай известен даже с мирным и безобидным кавказским тигром. Впрочем, здесь дело происходило совершенно иначе; это был именно чистый случай и притом довольно необыкновенный. Медведь заметил спавшего под обрывом тигра и начал бросать в него сверху ветками и кусками коры, а потом задумал повалить на него целое сухое дерево... Это ему удалось, но и сам он не удержался и вместе с деревом полетел на тигра. Тот принял эту шутку очень плохо и моментально разорвал не в меру шутиwego Мишку.

Одним словом, ни одно животное не застраховано от нападения страшного хищника, начиная с медведя и кончая зайцем и даже фазаном. Но еще меньше застрахован от этого человек, как самый беззащитный и беспомощный, если он не обладает достаточно надежным ружьем и умением хорошо пользоваться им. Из-за этой беззащитности он чаще всего становится жертвой самых старых тигров — таких, которые от старости уже не могут ловить крупной добычи и должны довольствоваться тем, что легче дается в руки: оленятами, молодыми косялами, поросятами, зайцами, фазанами и...

человеком. Именно такие старые тигры чаще всего становятся людоедами, так как успевают по опыту убедиться, что человек — самая легкая добыча, что для успешной охоты на него не нужны ни крепкие зубы, ни особенная сила и ловкость... А убедившись в этом, начинают охотиться на человека уже постоянно, причем доходят до такой дерзости что не только ловят людей где-нибудь на работе или на дороге в лесу, но врываются прямо в избушки незащищенных земледельцев и лесных обитателей. Охотясь на человека, тигр всегда нападает на него неожиданно, из засады, так что нечего и думать отразить нападение. Если же тигр увидит, что хитрость его не удалась, и человек готов оказать ему сопротивление (приготовился встретить его выстрелом), он тихо и незаметно уходит, чтобы повторить свой маневр в другом месте. Если не удалась и вторая попытка, он настойчиво ждет следующих встреч и, в конце концов, бросается на охотника в таком месте, где его совершенно нельзя было ожидать.

• Чаще всего страдают от таких тигров люди, живущие одиноко в лесах — дровосеки, звероловы, собиратели жень-шеня.

По мере вырубki лесов и уменьшения количества зверей, увеличивается число тигров-людоедов. Чем больше тигр знакомится с человеком, тем более наглает и становится поразительно смелым. Бывали случаи, когда тигры бросались даже на группу вооруженных людей и успевали покалечить и умертвить более оплошавших. Однажды молодая тигрица, сожравшая за три дня до того дровосека-китайца, бросилась днем на толпу китайцев-рабочих, работавших в лесу и, покалечив трёх из них, ушла только при появлении русских рабочих с топорами. Другая тигрица проломилa стену фанзы огорожника и утащила спавшего хозяина ее, предварительно умертвив и съев его двух сторожевых собак.

Даже в тех случаях, когда тигр нападает на человека не из засады, а открыто, — например будучи ранен охотником, — он бросается на него так стремительно, что для второго выстрела времени не остается. Один — два молниеносных прыжка, удар сбоку лапами по голове или мечам — и человек лежит на земле с раздробленным

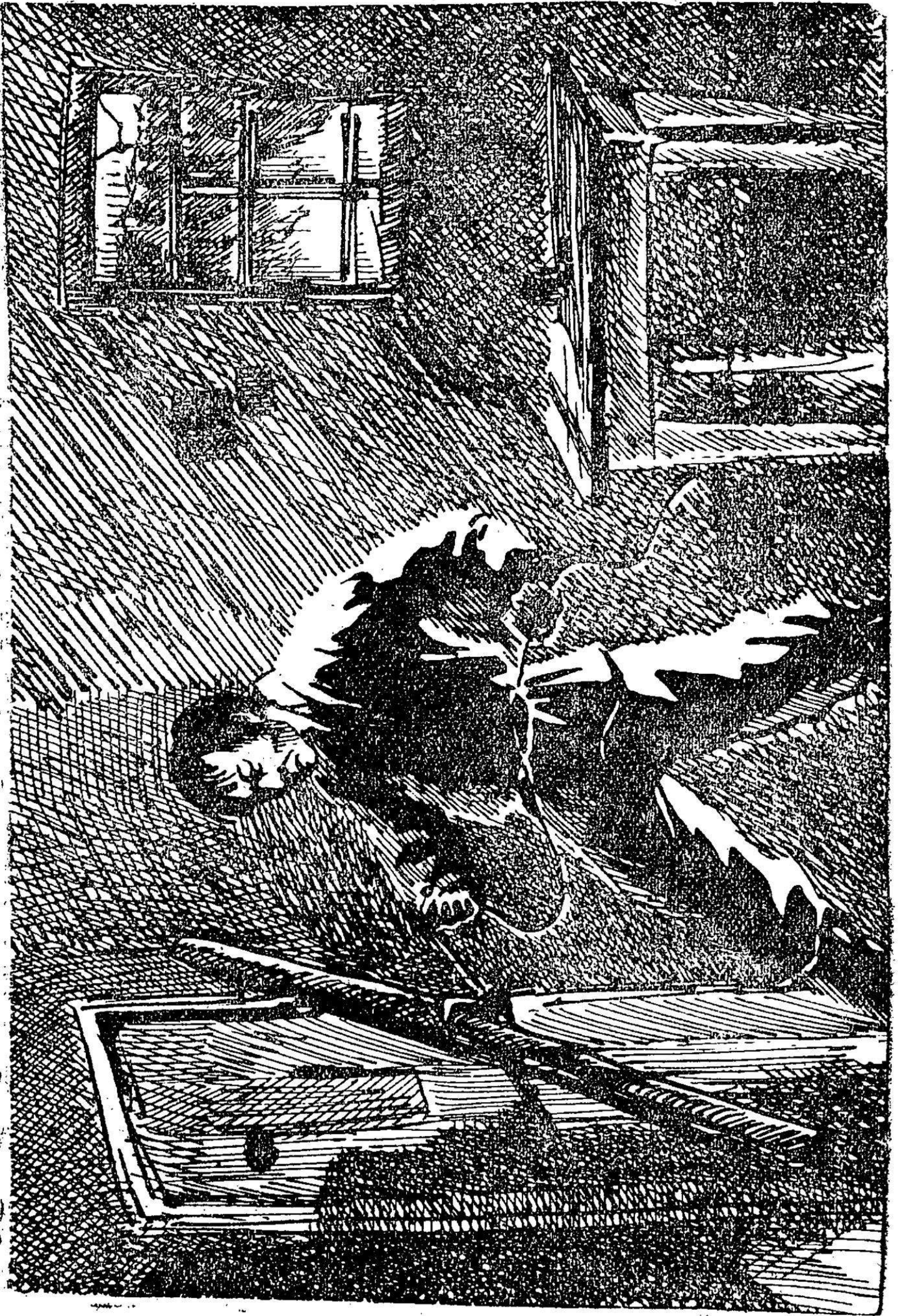
черепом или с переломленными костями. Охота в одиночку на тигра недопустима, так как в случае неудачи первого выстрела гибель охотника неминуема. При охоте вдвоем еще возможен успех и при неудачном выстреле. Но при этом тот охотник, на которого кинулся тигр, должен мгновенно упасть на землю лицом вниз. Это дает миг отсрочки, так как прыжок тигра был рассчитан на стоящего человека. А тем временем второй охотник должен, не медля ни секунды, стрелять тигру в ушное отверстие. Если же охотники недостаточно владеют своими нервами и своим оружием, то иногда гибнут оба. Не раз бывали случаи, что, покончив с одним тигр успевал броситься на второго и растерзать его.

При охоте на тигра совершенно необходимы собаки,—но особые. Они чуют зверя издали и предупреждают человека о его присутствии, спасая таким образом от внезапного страшного нападения из засады. Однако, даже самые лучшие зверовые собаки, но не натасканные специально именно на тигра, бесполезны, так как ими овладевает панический страх при одном виде свежих следов зверя. При виде же его самого на них нападает нервный столбняк и тогда, чаще всего, они сами делаются первой добычей зверя. Но собаки, приученные к тигру,—неоценимы, так как они не только помогают охотнику найти и добыть зверя, как это делают собаки на всех других охотах, но зачастую именно им человек бывает обязан жизнью.

Впрочем, при открытом нападении раненого тигра, даже самые опытные и злобные собаки бесполезны, так как в такие моменты тигр не обращает на них ни малейшего внимания, и они не могут задержать его ни на одно мгновение.

Уже говорилось о той настойчивости, с какой тигр нередко выслеживает и преследует намеченную им жертву. Настойчивость эта иногда доходит до невероятных пределов. Желание во что бы то ни стало овладеть понравившейся тигру добычей доходит до какой-то мании. Это видно из следующего случая. Незадолго до сумерок в фанзе зверолова Люрла вдруг сразу сделалось темно. Он взглянул в окно и увидел, что оно кем-то заслонено.

Тогда Люрл зажег огонь и поднес его к стеклу. То, что он увидел, заставило его задрожать от страха, быстро погасить огонь, затем тихонько подойти к двери и при помощи веревок начать изнутри запирать ее, как можно крепче. В окне он увидел полосатый бок тигра. Страшный зверь искал, видимо, защиты от ветра и привалился к стене фанзы, как раз к тому месту, где было окошко. Через щели в дверях Люрл видел, как померк солнечный свет и наступила ночь. Он сидел ни жив, ни мертв и боялся пошевелиться. Как на грех, он испортил замок своего ружья и потому оставил его в селении. Первый раз в жизни он отправился в тайгу безоружный. Когда стало светать, тигр встал, встряхнулся и отошел от окна. Люрл обрадовался, думая, что он ушел совсем. Прождав с четверть часа, он подошел к двери с целью снять запоры и вдруг увидел пестрое чудовище как раз против себя. Тигр лежал на брюхе, вытянув передние лапы и внимательно смотрел на дверь.

Безумный страх овладел звероловом. Он понял, что тигр охотится за ним. К вечеру пурга окончилась, кругом воцарилась тишина. Люрл ясно слышал, как полосатый хищник ходил вокруг фанзы. Один раз тигр взобрался на крышу, словно желая проверить, нельзя ли как-нибудь сверху проникнуть внутрь жилища. Еще одну ночь несчастный зверолов провел без сна, вздрагивая от каждого шороха и испуганно поглядывая на дверь и окна. На третьи сутки тигра совсем не было видно. Люрл хотел было открыть дверь и убежать, но когда он стал возиться около двери, страшный зверь одним прыжком опять очутился перед фанзой. Люрл совсем потерял голову. Он голодал, потому что все продовольствие хранилось в особом амбарчике на сваях. К счастью, в это время слышались голоса. То были охотники из соседней зверовой фанзы. Тигр тотчас скрылся в зарослях. Люрл вышел из своей темницы и увидел трех вооруженных удегейцев с собаками. Они разложили три костра вокруг фанзы и сделали несколько выстрелов в воздух. Однако, тигр оказался не из трусливых и ночью перед рассветом задавил всех собак. На другой день удегейцы, обсудив положение, решили возвратиться вчет-

вером обратно... Через два месяца старик Люрл с одним из своих сородичей отправился осматривать свои ловушки. И тут увидел по следам, что тигр продолжал посещать фанзу, часто ложился перед дверью и взбирался на крышу... Нет ни одного животного, которое добивалось бы своего с таким упорством и столько времени. Тигра по его настойчивости можно сравнить только с человеком...

Из того, что мы уже узнали о тигре, понятно, что при встрече с ним лицом к лицу немудрено растеряться. Вся внешность могучего хищника и в особенности его грозный, сверкающий взгляд таковы, что стрелять в него отказываются иногда даже старые опытные охотники, убившие не одного медведя. При виде тигра у них, как говорят промышленники, „сердце падает“. На тигра может охотиться только тот, кто при встрече с ним совершенно забывает о себе, о той смертельной опасности, которой он подвергается, а помнит только о том, что он во что бы то ни стало должен выйти победителем из борьбы. Для этого ему нужно вполне владеть собой. Таких людей немного. Но они все-таки есть. И в местах обитания манчжурского тигра есть охотники, которые систематически охотятся на этого страшного зверя. Они не знают страха, обладают крепкими нервами, железной выдержкой и огромным хладнокровием. Нашлись даже такие безумно отважные люди, которые занялись ловлей живых тигров. Притом ловлей не какими-нибудь самодействующими ловушками, а сетями, которые накидывались на выслеженного зверя голыми руками.

Ловля эта производится так. По свежему тигровому следу пускаются хорошие, злобные собаки, которые, в конце концов, окружают зверя, конечно, держась от него в почтительном отдалении. Тем временем подоспевают охотники и один из них принимает на себя удар зверя, спасаясь от смерти тем, что в момент прыжка зверя падает в снег лицом вниз. В то же мгновение двое других, с быстротой молнии, набрасывают на голову и грудь тигра сеть, имеющую форму мешка и затягивают ее концы. Почувствовав на себе сеть, тигр, конечно, забывает о лежащем охотнике и спешит выпутаться из

сети, тем самым еще больше запутываясь в ней. В конце концов, он оказывается спеленатым сетью, связанным веревками, и в таком беспомощном состоянии доставляется куда надо.

Нетрудно понять, какой невероятной выносливости, здоровья, терпения, сноровки, какого знания привычек и характера зверя и какой безумной отваги требует такая ловля. При малейшей оплошности охотникам грозит гибель. Но огромная цена на живого манчжурского тигра соблазняет смелых и отважных людей и они не задумываясь ставят на карту свою жизнь...

А теперь для сравнения познакомимся с тем, как ведет себя при встрече с человеком тигр в Средней Азии и на Кавказе.

Над темною падалью обрисовалась темная круглая голова... Глаз, задержанное дыхание и указательный палец правой руки слились вместе, и выстрел вырвался сам собою... Все молчит... Собаки, собравшиеся на падаль и удалившиеся при появлении тигра, видимо, приближаются, и вой, смешанный с лаем, усиливается. Они бросаются на что-то, точно ползущее в сторону охотника. Наконец, тигр действительно выполз и, молча отбиваясь одной лапой от окружающих собак, делает полукруг к яме. Шагов пять осталось ему до охотника, когда тот выпустил ему в голову пулю и следом другую. Тигр был убит. Ничего общего со стремительным молниеносным нападением манчжурского тигра! А вот другой случай с тем же охотником.

„Шумов выстрелил. Двинулась ли лошадь, дрогнула ли рука или сфальшивило ружье,— он дал промах. Еще дым не разошелся перед ним, как лошаденка под ним вздрогнула,—и каким-то сильным ударом его вышибло из седла, и чуть не сломало ружьем руку. Шумов треснулся спиной о землю. Какая-то здоровая сила крепко прижала его сверху... Когда первый момент после удара прошел, он мог непосредственно разглядеть эту силу: на нем сидел тигр, плотно придавив грудь и плечи своими здоровенными лапами.

Лицо охотника было на расстоянии нескольких вершков от страшной пасти поборовшего его зверя.

Он не мог видеть ничего кругом. Ему оставалось только рассматривать сильнейшую пушистую грудь того, кто на нем сидит теперь, его беловатую снизу шею и крошечную бородку. Он слышал как кругом метался Тамырка¹, ревел, лаял, визжал. Тигр, видимо, был занят собаченкой и делал легкие повороты, следя за ее прыжками. Так длилось с полминуты... Наконец, тигр тихо, осторожно поднял лапу, переставил ее с плеча на грудь, уперся ею последний раз и сошел с охотника. Шумов не шевелился. Он только глазами следил за громадным животным: джувльбарс уходил тихими шагами все дальше и дальше, время от времени оглядываясь назад... Только минут через пять поднялся Шумов и оглянулся. Он был один. У ног валялось изуродованное ружье, вертелся Тамырка. Ни лошади, ни двоих его спутников не было... Версты через полторы он нашел лошаденку, спокойно обгрызавшую ветви кустарников и нисколько не пострадавшую. Удар, очевидно, пришелся по нему одному. На нем самом был только разорван на груди полужубок, но никаких ран не было, кроме царапины на носу. По дороге Шумов нагнал обоих своих товарищей, которые при виде нападения тигра забыли о своих ружьях, стремительно ретировались и теперь спешили в укрепление, чтобы поскорее рассказать сенсационную новость о гибели Шумова. Правда, на следующий день тот же тигр, раненный тем же охотником, бросился на него уже с более серьезными намерениями. Он еще на лету во время прыжка, схватил его пастью за руку и уже вместе с ним закончил прыжок, так что причинил ему на этот раз довольно сильные повреждения. Но и тут зверь был настолько нерасторопен, что даже после того, как другой охотник нанес ему из винтовки вторую рану, и опять не смертельную, он не причинил больше никакого вреда лежавшему около него Шумову. Он только продолжал держать его за руку и, можно сказать, самым глупым образом, позволил нанести себе, наконец, смертельный удар кинжалом в сердце. Причем удар этот ему нанес свободной правой рукой сам же Шумов".

---

¹ Собака.

Как это мало похоже на манчжурского тигра! Впрочем, следует сказать, что прежде, лет 50—60 тому назад, средне-азиатские тигры были не так безобидны, и трагическая гибель охотников на тигровых охотах не являлась редкостью и здесь. Был ли тигр тогда смелее, потому что еще не успел познакомиться с настоящим охотничьим ружьем, которое тогда только начинало проникать в Туркестан; попадалось ли в те времена много старых, опытных и смелых зверей, которые затем, по мере заселения края, были в силу своей дерзости первыми перебиты; делались ли явившиеся в Туркестан новички-охотники просто жертвой своей неопытности и неумения, а затем постепенно приобрели необходимый опыт в борьбе с новым для них страшным противником,— трудно сказать, но во всяком случае жертв тогда было больше, а в последнее десятилетие не слышно было о гибели людей на тигровой охоте в Средней Азии.

А вот уже и совсем мирная, можно сказать, идиллическая картина, напоминающая картину райского житья, как его когда-то изображали: львы и тигры мирно прогуливаются рядом с козами и оленями, а хорьки и ласки весело играют с мышами...

Одна жительница с. Пришиб (в Закавказье) рассказала такой случай:

„Мы поехали за дровами в лес, остановились на лужайке и распрягли здесь лошадь, а сами пошли в лес—резать прутья... Возвращаемся, а посредине полянки громадный тигр лежит. Мы обмерли, а лошадь наша подошла к нему и обнюхала,—тигр только хвостом вертит. Потом встал, посмотрел на нас и тихонько пошел в лес“.

Здесь удивительно все, но особенно поведение лошади—оно показывает, что на Кавказе тигр, действительно, никогда не трогает домашних животных. Иначе они неизбежно питали бы по отношению к нему такой же панический ужас, какой питают все домашние животные к манчжурскому тигру. То-же самое и с собаченкой Шумова: в двух шагах от тигра она не проявляет и признаков страха.

Кроме только что описанного, на Кавказе известно и много других случаев встреч безоружных людей с тиграми, кончавшихся тем, что тигр спокойно удалялся.

Тигрята, взятые из гнезда молоденькими, при терпеливом и ласковом обращении с ними, становятся совсем ручными. Были случаи, когда тигры в неволе вырастали и держали себя, как вполне домашние животные. Например, у одного зверолова был ручной тигр, ходивший с ним на охоту и спавший с ним на одной постели. Тигренок был взят еще слепым, вскормлен молоком из рожка и воспитан в глухой одинокой фанзе вдали от человеческих поселений. Но такое уединение, конечно, вовсе не обязательно для воспитания тигра. Совершенно ручной тигр жил когда-то давно в Петербурге. Его хозяин часто прогуливался с ним по Невскому проспекту, наслаждаясь тем ужасом, с каким при его приближении шарахались с стороны все встречные. В наше время подобные „милые“ шутки, конечно, невозможны,—вряд ли позволили бы теперь какому-нибудь самодуру ходить по улицам большого города с тигром...

Наконец, я сам знал одного вполне ручного тигра и даже был настолько хорошо „знаком“ с ним, что не раз сидел в нем рядом на тахте. И жил этот тигр, по имени Васька, в бывшем городе Верном, т. е. нынешней столице Казахстана. Жил он в том самом саду, где теперь помещается казахстанская станция защиты растений. Об этом тигре и частью об его злой сестрице стоит рассказать подробнее... Это пусть сделает за меня одна из хороших знакомых хозяев Васьки, рассказ которой я привожу здесь.

„Мать их была выслежена казахами в камышах и отравлена, а они совсем маленькими привезены в Верный. Молодые тигрята в городе были сразу же разъединены. Тигрицу купил татарин-торговец, а тигра — русский лесничий. Бедная тигрица попала очень неудачно в неволю: ее держали на цепи в тесной клетке, где, из-за дурного к тому же ухода, у нее сделались пролежни и почти отнялись задние ноги. Тогда ее хозяин, зная, что тигру живется у лесничего, „как у бога за дверьми“, обратился к нему с просьбой взять к себе и несчастную тигрицу, обещая платить за ее содержание. Лесничий согласился, и тигрица переехала к брату, где ее и окрестили в честь хозяйки Машкой. Васька уже ранее был крещен именем хозяина.

А вот Ваське с самого начала необыкновенно повезло в неволе: хозяин его страстно любил животных и интересовался ими больше, чем людьми. Эту любовь к животным унаследовали и его дети... Тигра в первый раз я увидела очень картинным: на сложенных в длинный ряд поленницах он полз на животе, пригнув голову к передним лапам, глаза его были устремлены на кур, гулявших тут же у дома. Доползши до края дров, тигр стремительно кинулся вперед и накрыл лапой одну курицу. Поднялось кудахтанье, шум. Хозяин появился с хлыстом, видимо, Ваське хорошо знакомым, потому что курица ушла целой из-под его когтей.

В тот же день в сопровождении хозяина, моего трехлетнего сына и девочки, лет восьми, я шла по аллее, как вдруг из-за кустов выскочил тигр и бросился на девочку, ему давно знакомую. Обхватив ее лапами, он вместе с ней покатился по земле, свалив по дороге насмерть перепуганного мальчугана. Девочка со смехом, но и с некоторой опаской, отбивалась от Васьки, пока хозяин не прекратил этой игры. В. В.¹ уверял меня, что это „ничего“, что Васька постоянно играет с его девочками, борется с ним самим и ничего страшного от этого не происходит.

Страшно или нет, но синяки и царапины Васька часто оставлял на тех, кто с ним играл. Одна из его „игр“, например, состояла в том, что, открыв пасть, он старался забрать в нее голову своего партнера по игре или, как щенок, прикусывал его ногу, руку, плечо.

Однажды я смотрела, как Васька боролся с В. В. Васька встал на задние ноги и, обхватив лапами хозяина сзади, пытался „проглотить“ голову его. Тот, смеясь, отбивался, а Васька становился все назойливее. Наконец, В. В. удалось свалить Ваську и тот принялся грызть колено хозяина. Голос В. В. становился строже, а тигр, на мой взгляд,—жутким. С трудом отделался лесничий от Васьки и скрылся в дом,—как я полагаю, для осмотра своих повреждений.

Была у лесничего и еще одна игра с Васькой. Он становился, слегка нагнувшись и опираясь руками в бедра,

---

¹ Лесничий Василий Васильевич Перовский.

и говорил: „Васька, причеши“. Тогда Васька становился на задние лапы, передними упирался в плечи хозяина и начинал своим шершавым языком, водя его снизу вверх, вылизывать сзади и с боков голову В. В. Последний носил очень длинные волосы, и от этой работы Васьки у него на голове вырастал огромный гребень, наподобие петушиного.

Главным воспитателем тигрят был кучер-казах — бесстрашный парень. Надо было видеть, что выделял с ним Васька! Можно себе представить, сколько ссадин было на теле кучера. При каждой встрече Васька кидался к кучеру и, став на задние лапы, пытался сорвать аракчин (тюбетейку) с бритой головы своего воспитателя. Тот в ответ всовывал ему в пасть свой кулак — и борьба начиналась.

Эту любовь Васьки к возне применяли, как средство для обуздания Машки. Машка, как тигрица, была злее тигра; кроме того, переживши тяжелую неволю у первого хозяина, она стала очень раздражительной, так что ее редко, и то ненадолго, отпускали на свободу. Сначала она не могла ходить, с трудом волочила заднюю часть тела. Но свобода, чистота и ванны делали свое дело и через две недели она была здорова. Но раздражительность осталась. Вот во время купания и кормления Ваську-то и звали на помощь.

Когда нужно было купать Машку, кучер отстегивал цепь от дерева и тащил сопротивляющуюся и огрызающуюся тигрицу (которая, к слову сказать, ростом была гораздо меньше Васьки) к купальне — деревянному ящику с проточной водой. Машку сталкивали туда, приглашали Ваську и говорили ему: „держи Машку“. Тот начинал возню со своей злючкой-сестрицей, а в это время Машку мыли щеткой и дегтярным мылом. Процедура была забавная и для Машки полезная, — ее раны быстро заживали.

Пока Машка еще плохо ходила, ей приносили пищу к ее дереву, но она была так зла вообще, что кидалась даже на того, кто нес миску с едой, и подходить к ней близко было не безопасно. И здесь также приглашался Васька. „Займи Машку“, — говорили ему. Пока он усмирлял свирепую Машку, ей подсовывали миску.

Впоследствии она стала мягче, ее иногда отвязывали от дерева, и она гуляла под наблюдением хозяина или кучера. Вначале, отпущенная на свободу, Машка чувствовала себя не совсем уверенной и ходила вслед за Васькой, осторожно ступая, низко припадая к земле, как ходят тигры на свободе. Постепенно, однако, она стала неразлучной спутницей брата. Кормились тигры обыкновенно на дворе около кухни.

Когда вечером тигрят вели к ужину, они от нетерпения рычали на всю окрестность, чем приводили в ужас соседей: обыватели не доверяли прирученности этих хищников.

Если на дворе было жарко, Васька приходил, высунув язык, в комнату и ложился на большую тахту отдохнуть в тиши и прохладе. Или подходил к роялю и, положив на него свою массивную голову, смотрел на все суровыми от природы глазами и слушал, как звучат струны поддоской.

Я не скоро привыкла к нему и едва решалась погладить его по голове, когда он подходил ко мне. А дети почти не боялись его. Решительно не выносил его только годовалый малыш — сын кухарки. Этот младенец вечно ползал по двору голышом. Васька подходил к нему и, потрагивая осторожно лапой, пытался играть с незнакомой ему зверушкой, как играла бы, например, собака с лягушонком. Вот этой игры и не выносил младенец. Он принимался орать на весь двор, призывая на помощь мать, чем приводил в смущение тигра. Я была уверена, что когда-нибудь тигр слопает-таки малютку. Может быть, это когда-нибудь и случилось бы, но Ваське, в конце концов, пришлось лишиться свободы.

Дом, в котором жил хозяин Васьки, стоял посредине сада и в него нельзя было попасть прямо с улицы. А так как к лесничему приходило по делам много народа, и среди этих приходивших было очень мало желающих проходить каждый раз мимо гуляющего по саду тигра, то, как только Васька подрос, со всех сторон посыпались жалобы губернатору. И лесничему было предложено запереть Ваську в клетку. Но он и его семья привыкли всех своих животных (а у них всегда жило их много) держать в саду на свободе. И меньше всего они согласны были

видеть у себя перед глазами в клетке Ваську, который жил у них чуть ли не наподобие члена семьи. Поэтому лесничий предпочел продать его хозяину Машки, к которому теперь и перешли окончательно оба тигра.

В Верный я вернулась через год после первого знакомства с Васькой. Я узнала, что Машка продана на увоз куда-то, а Васька попрежнему живет у своего нового хозяина. С прежней его хозяйкой я отправилась навестить бедного тигра. Что же мы увидели? Клетка была довольно велика, но что она в сравнении с тем раздольем, какое было когда-то у лесничего в саду!

Тигр беспокойно и быстро ходил по клетке — пять шагов туда, пять обратно, подходил к наружной стенке, хватался за прутья и снова метался. М. Д. — его прежняя хозяйка, — ласково позвала его по имени. Он вдруг остановился, издав какой-то странный звук — вздох, и подошел вплотную к прутьям. Оказалось, что это приветствие, которым он всегда ее встречал. Она подошла и погладила его по голове, сквозь прутья клетки. При нас его выкупали, вылив на него несколько ведер воды. Но хотя теперь, когда тигр представлял собой капитал, уход за ним был хороший, Васька недолго прожил в клетке и умер от ожирения сердца“.

В Казахстане, Средней Азии, да и на Кавказе местные жители — тюрки называют тигра „джол-барс“, или „джуль-барс“. Я долго не мог добиться, откуда произошло такое странное название: джол — дорога, барсом называют леопарда и ирбиса (снежного леопарда). Но затем я нашел объяснение, которое, кажется, можно считать правильным. Все тигры во время своих охотничьих экскурсий очень охотно ходят по одному и тому же, раз избранному пути, даже по своим старым следам, так что, в конце концов, протаптывают настоящие дорожки, которыми затем уже постоянно и пользуются.

В амбарах и кладовых, а нередко и в комнатах, наравне с обыкновенною мышью, иногда встречается еще „мышка с коротеньким хвостиком“, как ее называют хозяйки. Эта „мышка с коротеньким хвостиком“ в действительности вовсе даже не мышь, а особый зверек, которого называют хомячком. С виду он очень похож на мышь, — отличается от нее только гораздо более коротким и почти бельским хвостиком. Но у него есть много других, незаметных на первый взгляд признаков.

В Казахстане существует несколько разных видов хомячков, но только один из них часто встречается у нас в жилых помещениях, именно — серый хомячок, с которым мы сейчас познакомимся.

Этот зверек, хотя его тоже можно назвать степняком, живет и в разных других местах. Он даже забирается в горы и довольно высоко, только в густой лес никогда не заходит.

Хомячки — прекрасные хозяева. Они стараются себе к осени заготовить запасы продовольствия. В их норах устроены особые камеры-кладовые, в которых хранятся только продукты. Заготавливают хомячки главным образом различные семена, причем семена всегда бывают самые отборные, первого сорта. Часть хомячков их еще тщательно рассортировывает, так что, например, пшеница у него лежит отдельно, горох отдельно и т. д. Иногда зверьки уходят за провизией очень далеко от своего жилища: бывали случаи, когда они носили зерно за $\frac{1}{2}$ километра. Определить, что зерна добыты зверьком именно за $\frac{1}{2}$ километра от его жилища, было легко: ближе не было ни одного кустика такого растения, семена которого оказывались в норке.

Таскать на такое расстояние запасы по зернышку или даже по такой порции, какая может поместиться во рту у хомячка, было бы слишком трудной и долгой работой. Но хомячку и не приходится этого делать, потому что у него, как, например, у сусликов и у обыкновенного хомяка, есть особые мешки для провизии — совсем как у хозяек, которые идут на базар... Только хозяйке всякий раз приходится тащить их в руках, а у хомячка его два мешка всегда находятся при нем. Пока они пустые, они занимают очень мало места и совсем незаметны, так что даже нельзя догадаться бо их существования.

Мешки эти расположены под кожей по бокам головы и шеи и отверстием открываются в рот. Наполняет мешки хомячок так: он языком проталкивает в них изо рта собираемые зерна.

По мере того, как мешки наполняются, симпатичная и довольно остренькая мордочка начинает преобразаться и делаться все безобразнее и безобразнее. Сперва на одной щеке появляется что-то вроде флюса, который растет все больше и больше, а затем появляется флюс и на другой щеке. Обе „опухоли“ растут в длину, и вместе с этим мордочка хомяка становится все шире и шире. А когда, наконец, оба мешка бывают набиты до-отказа (задние концы их доходят в это время до плеч, а передние до углов рта) хомячок превращается в отвратительного уродца: огромная широчайшая плоская голова делает его похожим на мохнатого головастика.

У одного хомячка в одном из мешков я нашел 21, а в другом 27 штук отборных крупных семечек подсолнуха. А у другого в одном мешке находилось несколько зерен пшеницы, 3 муравья, 2 взрослых крупных кобылки, 1 большая личинка, 2 полосатых жука-усача и 1 жук поменьше. В другом было несколько крупных гусениц ночной бабочки — совки. А ведь сам зверек только чуть больше мыши.

Интересно, что у хомяка запасы уже в мешках обычно бывают рассортированы: в одном, например, насекомые, в другом — зерна. Эти защечные мешки — драгоценность для тех, кто занимается изучением пищи зверьков, так как позволяют легко установить вкусы изучаемого объекта.

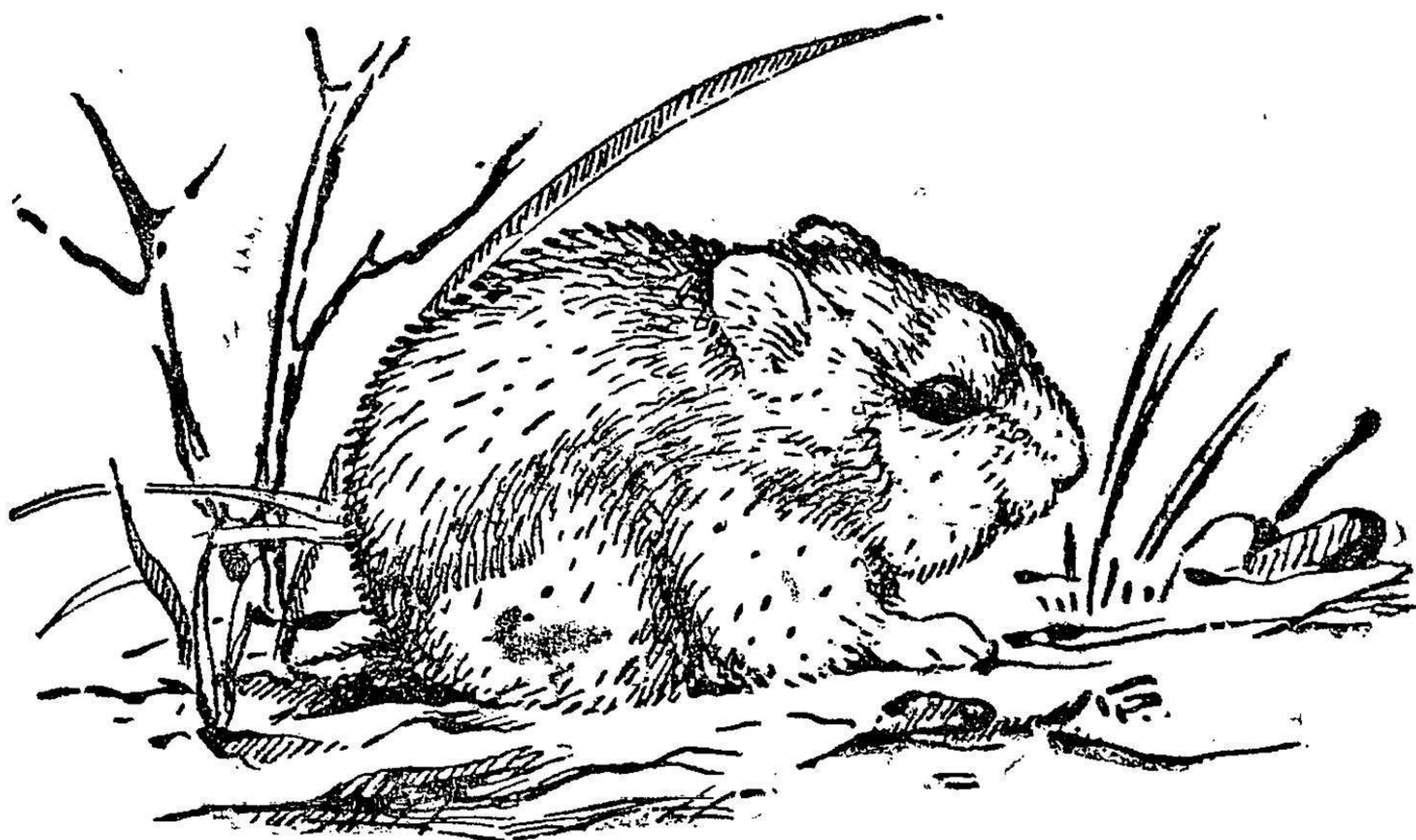

Когда хомячки поселяются у нас в комнатах, кладовках и амбарах и на пашнях, они могут принести большой вред.

В неволе разные хомячки держат себя различно. Одни из них подолгу живут, совершенно не привыкая к человеку; постоянно прячутся, стараясь не показываться на глаза, и остаются злобными и неприятными существами. Другие, наоборот, привыкают к людям очень быстро и уже на другой же день совершенно меняют все свое поведение.

Один хомячок в первый день после поимки проявлял себя очень воинственно. Каждый раз, когда к нему в ведро протягивали руку, он громко и скрипуче заливался цикающим свистом, выражая свое гневное и злое настроение. Если его трогали, он больно кусался, все время сердито крича. Но уже на следующий день он держал себя совсем иначе: съел весь хлеб, который ему положили в ведро, очень удобно расположился на брошенных в ведро колосьях проса и совсем перестал издавать свой злобный и возбужденно-испуганный крик. Он уже не бросался на протянутую руку, чтобы ее укусить, а мирно обнюхивал ее и даже слегка лизал пальцы.

Днем зверек почти все время спал, забавно свернувшись в клубочек: он подворачивал головку к хвосту, поднимал свои большие ушки и загибал под себя хвостик.

После еды хомячок чистится, очень ловко и красиво: он делает быстрые движения передними лапками от ушей к мордочке, лижет лапки и оправляет мех на боках.

Когда хомячок сидит, он выглядит довольно толстеньким и неуклюжим, вроде медвежонка. Но во время бега вид у него совсем иной: тело его очень сильно вытягивается, он становится довольно длинным и далеко не толстым; расправляется и вытягивается назад хвостик, гораздо более светлый, чем у мышей, ушки настороживаются и становятся очень хорошо заметными, так что перед нами оказывается как будто бы совсем другой зверек.

Хомячок, о котором я говорю, скоро настолько привык к людям, что его можно было безбоязненно брать в руки, он даже сам лазал по рукам, забирался в рукав и т. д., тщательно все обнюхивал, и уже никогда больше не кусался.

Если ему давали много пищи где-нибудь на новом месте, а не в его клетке, он поспешно набивал свои мешки, чтобы отнести запасы домой. При этом он принимал очень деловой, озабоченный и вместе с тем безобразный вид.

С другими зверьками хомячок в неволе не ладит и на посаженных к нему в клетку всегда злобно бросается, так что их приходится отсаживать прочь.

В местах с хорошею почвою и там, где растительность получше и погуще (например, в ковыльных степях и на пахотных полях), нередко встречается довольно крупный зверек, который считается одним из самых вредных наших грызунов. Зверька этого зовут хомяком. Его очень легко узнать по черной окраске груди и брюшка, рыжей спине и белым пятнам на щеках.

Это — толстый и неуклюжий зверек, наружность которого очень обманчива. Кажется, что он должен быть очень ленивым, медлительным и неповоротливым, на самом же деле это далеко не так. И там, где хомяков много, их хорошо знают местные жители. И знают не только потому, что хомяк приносит большой вред посевам, но и потому, что он успел прославиться своей воинственной храбростью и злобным нравом.

Этот, ростом с крысу, зверек не только никогда не отступает перед опасностью, но обыкновенно сам идет навстречу неприятелю. Он никогда безропотно не дается в руки, и очень часто при неожиданной встрече вплотную с человеком сам переходит в наступление и первый бросается на своего огромного врага. При этом, бросается он так стремительно, с такой злобой, с таким яростным визгом и шипением, что не удивительно, если человек, никак не ожидавший, чтобы на него осмелилось напасть такое крошечное, по сравнению с ним, существо, в первый момент невольно отскочит назад.

Мне самому пришлось как-то видеть веселую сценку. В выкопанную для почвенных работ яму ночью попался хомяк. Когда мы утром подъехали к яме, бывший со мною рабочий, вооружившись лопатою, прыгнул в яму, чтобы

поймать зверька. Но едва он приблизился к забившемуся в угол хомяку, как тот, как бешеный, с визгом бросился на него. И надо было видеть, как взрослый мужчина с лопатой в руках в одно мгновение, как пуля, вылетел из ямы под дружный хохот присутствовавших.

В борьбе смелость, решительность и стремительность нападения нередко решают дело. И хомяк, благодаря этим своим качествам, сплошь да рядом спасается даже от таких сильных и ловких врагов, как большие собаки, которых он сразу запугивает и сбивает с толку тем, что бросается на них первый. Им, вероятно, кажется, что это, должно быть, очень страшный зверь и лучше с ним не связываться. Впрочем, следует сказать, что нападения хомяка и в самом деле вовсе не безобидны: кусается он очень больно и, вцепившись в противника, иногда долго не разжимает зубов, как бульдог. Требуется усилие, чтобы стряхнуть его с себя, например, с пальца, в который он вцепился.

Хомяк не только не является особым любителем пустыни, как некоторые описанные в начале книги зверьки, но и совсем не мирится с бедной растительностью. Особенно охотно он поселяется там, где растительность наиболее богата и где ему лучше обеспечено обильное питание, а именно: на наших полях.

С этой стороны хомяк представляет полную противоположность корсаку. Хомяк не только не думает бежать от человека, а, наоборот, всегда следует за ним по пути превращения им прежде неиспользованных земель в культурные пашни. С расширением площади обработанных земель, расширяется область обитания хомяка: с человеком он проникает и в места, где не так давно еще была полупустынная, полынная степь, и в лесные дебри — по мере их расчистки под пашни.

Таким образом, человек, сам того не желая, ведет всюду за собою этого своего врага. Хомяк не только поедает культурные растения в то время, когда они еще растут, но и делает себе на зиму, или вернее — на позднюю осень огромные запасы: в норе хомяка случалось находить до 16 килограммов продуктов.

При этом хомяк, как хороший хозяин, обыкновенно, не загромождает своих кладовых ненужным материалом. В его

продовольственных складах (их у него бывает до пяти) обыкновенно хранится только чистое зерно, всегда такое же отборное, как и у знакомого нам его сородича — серого хомячка. Лишь иногда можно найти у него запасы продовольствия в виде целых колосьев или головок клевера.

Размеры запасов в кладовых хомяка хорошо показывают нам, что этот увалень вовсе не ленив, как это может показаться нам по его толстенькой и солидной фигуре. Защечные мешочки хомяка могут вместить по 25 граммов зерна каждый. Значит, за один раз он может принести, самое большее, 50 граммов. Следовательно, для того чтобы натаскать только килограмм зерна, ему надо 20 раз сходить из кладовой в поле и обратно. А для создания запаса в 16 килограммов ему приходится путешествовать в поле 320 раз. Тут уж не до лени, тем более, что спелый хлеб стоит на поле, как известно, не так долго, чтобы можно было „работать“ исподволь, не торопясь. При этом хомяку приходится заниматься и отбором зерен.

Но вот свои норы, если ему торопиться некуда, хомяк роет действительно с прохладцей. Известен случай, когда один хомяк возился над устройством норы больше двух месяцев. Правда, норы у хомяков иногда бывают огромные: под землю уходят почти на два метра да в длину тянутся на четыре с половиною. Вырыть такую нору да повытаскать из нее землю — для этого надо немало времени. Однако, в случае необходимости и хомяк умеет ра-

ботать быстро. Так, однажды, удравши из ящика, хомяк за сутки прокопал под стеной ход в полтора метра длиною и ушел на волю.

При устройстве нор разные хомяки действуют различно. Чаще всего нора хомяка имеет два хода, из которых один идет наклонно, а другой почти прямо вверх из гнезда. У молодых зверьков бывают норы только с одним ходом. Но иногда попадаются и более сложные жилища хомяка — с тремя, четырьмя и даже с восемью ходами. Обнаружено, что хомяк имеет порой не одну, а две и три норы. На зиму хомяки обыкновенно впадают в спячку, но, повидимому, спят они не так крепко, как другие зверьки, и зимою иногда просыпаются, чтобы подкрепиться собранными запасами и затем опять заснуть.

Настоящие зимоспящие животные (такие, которые совершенно не просыпаются до весны и ничего за это время не едят), к осени становятся страшно жирными. Запасы жира служат им для поддержания их жизни. Весною от жира не остается и следа — зверьки выходят из нор совершенно исхудавшими.

Хомяк тоже жиреет к осени, но не сильно, так что его жира ему нехватает для того, чтобы проспать без пищи целую зиму, а добывать себе пищу зимою, как мыши, полевки или хотя бы знакомая нам гребенщикова песчанка, он не умеет.

Вот тут-то ему и приходят на помощь полные кладовые продуктов.

Хомяки — наиболее многодетны из наших зверьков. Правда, иногда хомячат бывает всего три—четыре штуки, но это редко и вероятно, только у молодых мамаш. Гораздо чаще их бывает восемь—десять, нередко четырнадцать—пятнадцать, а иногда даже и восемнадцать штук.

Молодые хомячата иногда уже через две недели после рождения, еще совсем маленькими — ростом немного больше мыши — начинают рыть для себя собственные норки и вскоре переселяются туда. Первые опыты по рытью они проделывают, выводя свои ходы из материнской норы, продолжая еще жить в семье. Первые норы молодых — не велики и простенькие, с одним ходом, чего у солидных хомяков не полагается.

Питаюсь главным образом зерном, хомяк, как и многие другие грызуны, не отказывается, при случае, от животной пищи — от насекомых, ящериц да, вероятно, и мелких зверьков. По крайней мере, в неволе он очень охотно ест мясо.

Интересны данные наблюдения ученых над жизнью хомяка на свободе и в неволе. У одного наблюдателя мы читаем:

„Возвращаясь вечером с охоты, я пересекал кусок открытой степи... и едва не наступил на небольшого зверька, быстро скрывшегося в нору. Немедленно запустив в отверстие руку и, нащупав мягкое живое существо, я начал вытаскивать его из норы. Несмотря на все усилия, мне не удалось извлечь зверя. Я отнял руку и услышал знакомое бормотание хомяка, яростно точившего зубы; воспользовавшись свободой, зверек выскочил и скрылся в другой норе. Сделав несколько шагов вперед, я наткнулся на хомяков, бегавших с хрипловатым визгом по всем направлениям. Они то скрывались в норах, то вылезали из них, причем, появившись из отверстия, садились на задние лапы, несколько раз приседая и снова приподнимаясь. Сначала медленно, а потом бегом, начинали шнырять по степи хомяки, подбегали к чужим норам, но яростное ворчание хозяев прогоняло их немедленно обратно.

Я стоял не шевелясь. Хомяки смело подбегали к самым моим ногам, и один рискнул влезть на сапог и начал грызть голенище. Я дотрагивался до подходивших хомяков стволом ружья; они злились, визжали, ворчали и в полном недоумении дико подпрыгивали...”

В другой раз тот же ученый также вечером встретил только одного хомяка, хотя нор было несколько. Между норами были хорошо видимые дорожки, из которых некоторые уходили далеко в степь, теряясь в траве.

Однажды бывшая с ученым собака внезапно стремительно бросилась в сторону, и оттуда сейчас же раздалось фырканье и визг хомяка, храбро сражавшегося с собакой. Когда ученый подбежал к месту сражения, то увидел, как один хомяк бросился в нору, в то время как другой, вцепившись в ухо собаки, обратил ее в бегство. Тот же ученый записал свои наблюдения над жизнью хомяка в неволе:

„Я держал некоторое время в неволе самку хомяка с детенышами. Вынутые из норы голыми и слепыми, они были вместе с матерью посажены в ящик с сеном и соломой. Хомячиха, измельчив и смяв солому, устроила в углу ящика подобие гнезда, где пища, беспомощно копошились маленькие хомячки. Если мать уходила в противоположный угол ящика и они, расползаясь по ящику, натыкались на нее и припадали к ее соскам, она, волоча детей за собою, возвращалась в гнездо. Когда подходили люди и заглядывали в ящик, хомячиха волновалась, садилась на задние лапы и беспокойно ворочала головою, ворочала и с шипящим звуком точила зубы.

Я кормил ее молоком, травой, овощами. Первоначально, ставя пищу в ящик, я загонял хомячиху в угол, но вскоре она привыкла ко мне, и я свободно залезал в ящик рукой и брал детенышей, пока мать их занималась молоком или овощами. А вот наблюдения над другим хомяком:

„Первые дни своего заключения в террариуме хомяк проявлял особенную злобу: он подпрыгивал, если нагибались над его клеткой, особенным образом шипел и шыхтел при втягивании и выдыхании воздуха. В момент наибольшего раздражения хомяк начинал быстро щелкать зубами.

Когда чистили террарий, зверек злился на причиняемое ему беспокойство и в то же время с интересом присматривался к тому, что делалось вокруг. Слегка привыкнув, хомяк уже не подпрыгивал, стараясь кусаться, но начинал шипеть. Днем он спал, или свернувшись в клубочек, или лежа на спине, забавно подогнув передние лапки и вытянув задние. Сон зверька крепкий: его глаза в это время плотно закрыты, дыхание медленное. На первый взгляд даже кажется, что хомяк умер, настолько своеобразна поза спящего зверька, и настолько непохожа она на положение, в которых обычно спят другие грызуны.

Хомяк — довольно прожорливое животное. Живший у нас охотно ел цветы шалфея, сурепицу, картофель, цветки и недозревшие зерна подсолнуха, огурцы, но с особенным удовольствием набрасывался на свежие стручки гороха, быстро и ловко выбирая горошины. Наевшись, хомяк принимается за свой туалет и ловко „умывается“ передними лапками.

Как-то раз была выкопана из норы старая хомячиха с десятью, еще слепыми хомячатами. Пока их везли в город, хомячата загрызли трех своих братьев и двух из них даже наполовину съели.

В городе, в садке, эти „милые“ зверьки продолжали есть друг друга, наконец и мамаша последовала их примеру, и сама съела двух своих детенышей. Кончилось это тем, что из десяти молодых осталось всего двое, которые были отсажены от матери и воспитывались отдельно.

Первое время эти два хомяка не только не дрались и не ссорились, но даже облизывали друг друга после того, как напьются молока. И только когда им кидали орехи или конфеты, каждый спешил скорее запрятать их в свои защечные мешки. Затем они усаживались хоть и близко один от другого, но спинами друг к другу и в таком положении съедали свои лакомства. Тот, который успевал съесть свой паек раньше, с завистью заглядывал в самый рот тому, который еще не кончил есть.

Но в конце концов и эти два более миролюбивых члена семьи не ладили между собою. Один из них—большой ростом стал проводить время вверху клетки, на помосте, а более слабый держался внизу. И когда верхний шевелился, нижний бросался на спину и начинал громко трещать, так что их пришлось разъединить.

Один из этих двух хомячат не только вполне вырос в неволе, но и прожил в клетке два с половиной года, причем стал совершенно ручным.

МЫШЕВКА ПОЛОСАТАЯ

В северной половине Казахстана, главным образом в ковыльных степях, живет замечательный маленький зверек—полосатая мышевка. На первый взгляд—это настоящая мышка, только очень маленькая, гораздо меньше нашей обыкновенной домово́й мыши. Но в действительности этот зверек скорее сродни тушканчикам, чем мышам, хотя с виду ничуть не похож на них.

Узнать полосатую мышевку очень нетрудно. Прежде всего, сразу бросается в глаза ее необыкновенно длинный хвост, гораздо более длинный, чем у мышей, и более длинный, чем тело зверька. Затем, у нее вдоль середины спины проходит такой же черный „ремень“, как у пеструшки, да, кроме того, немного отступя от этого среднего ремня, справа и слева от него тянутся вдоль тела еще две узенькие темные полосы. По этим трем полоскам да по длиннейшему хвосту мы сразу и узнаем мышевку.

Это—необыкновенно стройный, изящный и красивый зверек. Я думаю, что для тех мест, где он водится, его можно, пожалуй, считать самым красивым и изящным из всех мелких зверьков.

В более южных местах с ним по изяществу и окраске могла бы поспорить замечательная жительница песков—пегая землеройка. Но в Северном Казахстане ее нет.

Мышевочка, хотя она встречается местами в большом количестве, недостаточно изучена. Мы почти ничего не знаем об ее жизни, а потому и рассказать о ней можно очень мало, да и то только о ее жизни в неволе. На свободе эта осторожная крошка ведет очень скрытную жизнь, прячется среди густой растительности и к тому же выходит из норки только ночью.

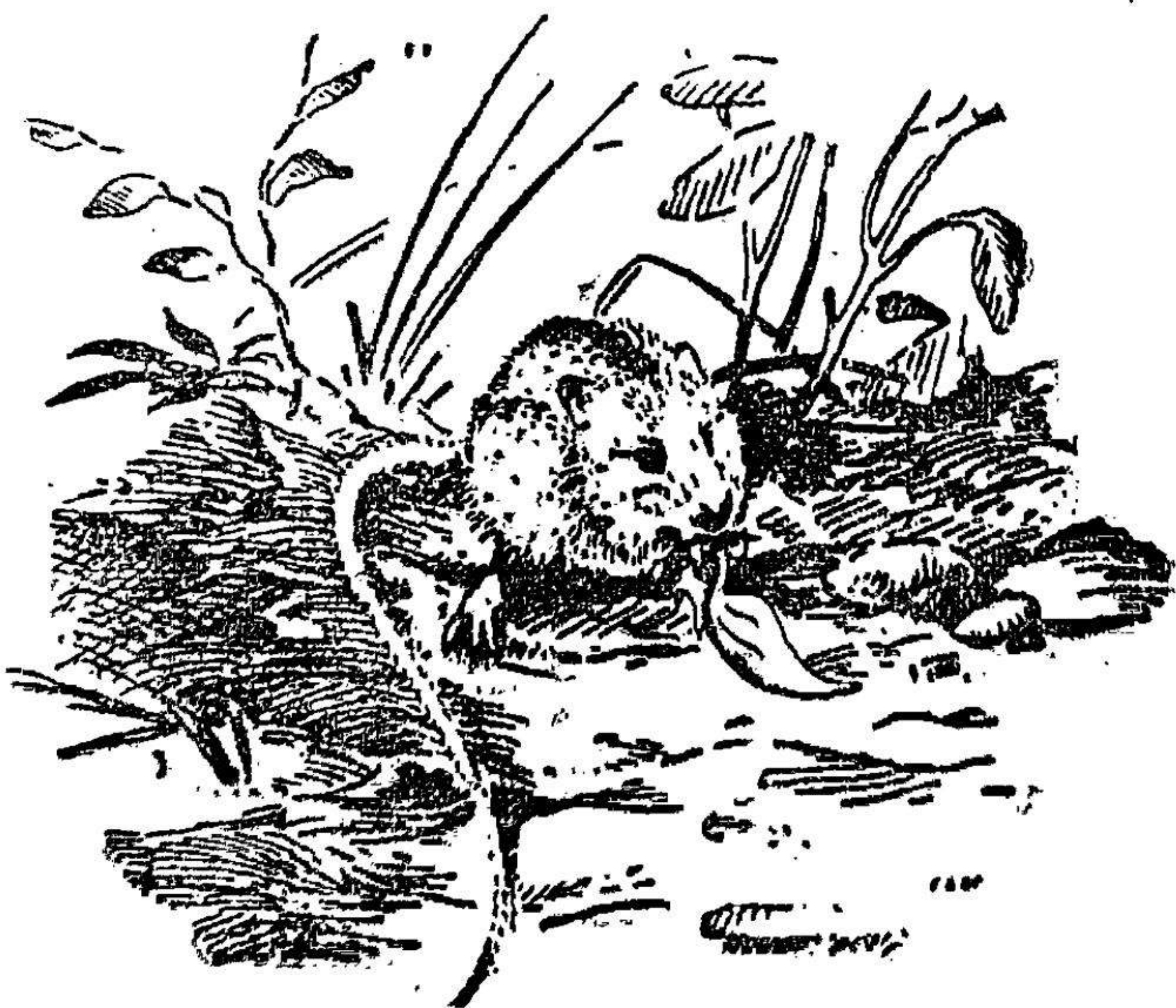

Кроме того, норки ее так малы, что разыскать их можно только случайно. Таким образом знакомиться с ее жизнью путем раскопки норок, как это делается в отношении многих других зверьков,—тоже очень трудно. Поэтому не удивительно, что немногие сведения о ней отдельных наблюдателей не сходятся одни с другими. Например, одни говорят, что она ведет ночной образ жизни и днем никогда не показывается, другие уверяют, что это наоборот — чисто дневной зверек, которого только днем и можно встретить... Поэтому очень хорошо было бы, если бы кто-нибудь из читателей этой книжки заинтересовался полосатой мышевкой и попробовал узнать получше о ее жизни на воле.

О жизни нашей малютки в неволе рассказывают разные вещи. Так, один наблюдатель говорит, что мышевки, посидев в неволе в ящике или банке с землею и травою, на вторые-третьи сутки делались скучными, вялыми, сидели на задних лапках, как тушканчики, поджав передние, скорчившись в комочек, дрожали всем телом и скоро умирали. Но вместе с тем они и в эти несколько дней были довольно драчливыми, кусали друг друга до крови, пищали и дрались.

Совсем иное рассказывают о них другие. По их словам, мышевка в неволе—очень милый зверек, скоро привыкающий к окружающим и никогда не кусающийся. Его можно спокойно брать в руки, и тут он держит себя смирно, все обнюхивает и рассматривает. По временам слегка пробует кожу руки зубами.

Свой необыкновенно длинный и весьма подвижный хвост мышев-

ка иногда особенным образом подгибает и прицепляется им к предметам (это, кроме нее, из наших зверьков делает только мышь-малютка), обхватывает хвостом стебли, палец руки и т. п. Голос у зверька очень тонкий, немного напоминающий свист суслика, но более высокий и нежный.

Временами можно было видеть, как мышевка, усаживаясь на задние лапки, начинала умывать свою мордочку одновременными движениями передних лапок.

Деятельны они и днем и ночью, но днем выбирают из своего гнезда не очень часто. Зверькам было положено в клетку старое гнездо полевки. Они сделали несколько ходов и устроились в своем новом домике очень уютно.

Ели они самую разнообразную пищу: картофель, хлеб, молочную пшеничную кашу, траву. У травы они охотнее ели стебли, чем листья, особенно же любили стебли одуванчика. Попытки драться были только в самом начале совместной жизни в одной клетке, а затем зверьки прекрасно поладили друг с другом и больше никогда не дрались и не ссорились.

Чтобы мышевки чувствовали себя в клетке хорошо и могли жить в ней сколько угодно, надо, во-первых, хорошо их кормить, а во-вторых, держать клетку в большом тепле: от 25 до 30 градусов по Цельсию. Совершенно умиравший зверек, проявлявший после ночи сиденья в клетке лишь слабые признаки жизни, ожил и стал весел в какие-нибудь полчаса после того, как клетку поставили на теплую русскую печь.

Еще один натуралист пишет о живших у него мышевках следующее:

„Возвращаясь в Москву, я захватил с собою парочку этих зверьков, которые прожили в большом террарии всю зиму. Рано утром, чуть забрежжит свет, мышевки покидали свои уютные гнезда (у каждой отдельно), которые они устроили из ваты в пустой коробке, и начинали свою оживленную деятельность. Я иногда целыми часами любовался этими прелестными зверьками, все движения которых полны грации и ловкости.

Вот одна из них нашла на земле семячко подсолнуха и, усевшись на задние лапки, начинает шелушить 'оле

держа в передних лапках. В это время другая, припав телом к земле, начинает тихонько подкрадываться к первой и моментально затевается гонка. То они носятся по земле террария, то ловко карабкаются и прыгают по веточкам, воткнутым в дно, то прячутся за камнем или гнездом.

Интересно, что я никогда не замечал, чтобы они при лазании по веточкам обвивали вокруг них хвост или опирались на него,—хвост при лазании всегда вытянут „прутом“ и служит только балансиrom.

Эта оживленная деятельность обыкновенно продолжается все утро, часов до 12 дня, после чего мышевки прячутся в гнездо, чтобы возобновить беготню вечером. С наступлением полной темноты они опять возвращаются в свои гнезда...

Мои мышевки жили всю зиму в комнате, где обычно 9—10 градусов, а нередко 6—7 градусов тепла, и я ни разу не замечал, чтобы они страдали от холода. Привезенные в Москву в начале сентября, мышевки в середине декабря впали в глубокую спячку, свернувшись клубочком в ватном гнезде. Но уже в начале февраля опять начали показываться наружу. Питались мышевки в неволе главным образом семенами подсолнуха и зернами пшеницы, которые они предпочитают всякой другой пище. Так же охотно грызли сахар и фрукты, но не ели хлеба и корнеплодов.

Уже очень скоро после поимки мои зверьки стали удивительно ручными они позволяли брать себя в руки, не делая попыток убежать, и выходили из гнезда на зов

СЛЕПУШОНОК

Каждый, живущий в Казахстане, вероятно, замечал небольшие кучки земли, разбросанные группами, одна недалеко от другой, среди степи, поля или сенокоса. Одни кучки, видимо, уже старые, лежат давно, много раз успели побывать под дождем. Они пониже, как-будто расползлись, и земля в этих кучках плотная, слежавшаяся. В других кучках земля рыхлая, они выше, не такие плоские—видно, что насыпаны еще недавно. А могут попасться и такие, в которых земля не только совершенно рыхлая и пухлая, но даже еще как-будто сыроватая, не успевшая высохнуть. Очевидно, они были насыпаны кем-то перед самым нашим приходом.

Если же нам посчастливится, то, стоя тихо, не шевелясь, мы иногда можем заметить, что земля в одной из кучек шевелится и форма кучки меняется. Подойдем теперь осторожно поближе, остановимся неподвижно или сядем на землю и запасемся некоторым терпением.

Через несколько минут, а иногда сейчас же, мы увидим, что земля опять начала шевелиться, а затем вдруг полетела в одном месте целым фонтаном, и, наконец, из отверстия норки на мгновение показалась какая-то черноватая, толстая, тупая мордочка зверька и в ту же секунду опять спряталась. Если мы сидели смирно, то зверек, конечно, не заметил нас своими малюсенькими глазками и, значит, скоро появится опять. Появившись, он вдруг резким толчком отодвигает кучку свеженакопанной земли от отверстия норы и затем мгновенно снова скрывается.

Иногда мордочка задерживается в отверстии норы немножко подольше, как-будто осматривая местность, а за-

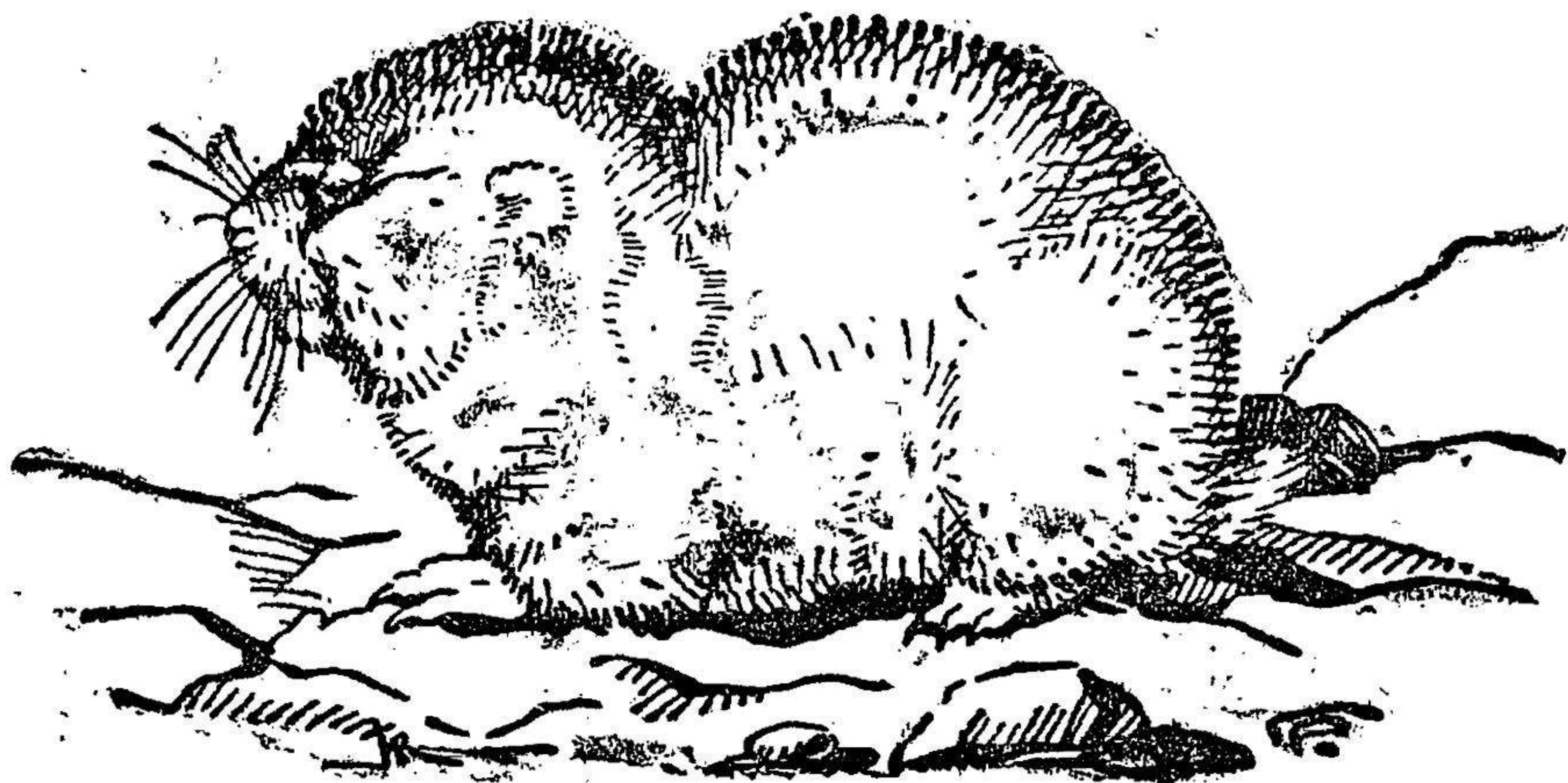

тем неожиданно выскочит из норки и весь зверек, которому принадлежит заинтересовавшая нас мордочка. Толстоголового, неуклюжего, как обрубочек, зверька этого зовут слепушонком, или слепушонкой. Он-то и насыпает все эти многочисленные кучки, которые мы можем встретить всюду от песков и полынных степей низменности до альпийских лугов высоко в горах.

Если мы хотим рассмотреть этого странного подземного жителя, то зевать не приходится, так как долго сидеть перед нами он не будет: быстро отодвинув подальше от выхода в норку мешающую ему порцию земли, он ловорно скрывается опять в свое подземелье,—настолько проворно, что даже удивительным кажется, как такое поворотливое с виду существо может двигаться так быстро.

Познакомимся со слепушонком поближе. Воспользуемся для этого минутой, когда он спрячется, быстро подойдем к самой норе и потихоньку усядемся около нее. Зверек все-таки услышит шаги и поэтому теперь нам нужно запастись несколько большим терпением. На этот раз он покажется не так скоро, как раньше. Но он ни за что не бросит работу неоконченной и поэтому непременно явится. Сидеть надо, конечно, совершенно тихо и не усаживаться против самого входа в норку, а так, чтобы вас скрывала находящаяся возле нее кучка земли. Иначе зверек вас увидит из норки и не выйдет совсем.

Теперь надо вооружиться широким ножом, маленькой лопаточкой или даже простой крепкой острой щепкой

ине зевать. Не слыша никакого шума около норки, зверек успокоится и отправится кончать свою работу. Сперва он посмотрит из глубины норки, не видно ли чего-нибудь подозрительного, прислушается, подождет и, наконец, примется за дело. Вы увидите, как зашевелится земля у входа, потом заметите, как новая небольшая порция земли будет выброшена из норки и... покажется на мгновение головка зверька. Если вы сидите совершенно тихо и неподвижно, он не обратит на вас никакого внимания и будет продолжать работу.

И тут уже все зависит от вашего терпения, внимания, быстроты и ловкости. Надо дожждаться момента, когда зверек на секунду весь выскочит из норы, чтобы подальше отодвинуть накопившуюся у входа землю. Быстрым движением лопаточки или ножа, которые следует держать все время наготове у самого входа, надо отрезать ему отступление в норку. На земле слепушонки медлительны и неповоротливы; здесь поймать его ничего не стоит. Только необходимо помнить, что огромные резцы зверька — страшное оружие. Надо стараться, чтобы ваш палец не испытал его действия. Впрочем, благодаря неповоротливости слепушонки, избежать его зубов очень легко.

Не надо унывать, если на первый раз вас постигнет неудача: зверек явится снова. Только, может быть, придется подождать подольше. Мне как-то раз самому пришлось испытать это. Поджидая зверька у норки, я имел при себе, к сожалению, только небольшой перочинный ножик. Это было бы еще полбеды, его также хватило бы, чтобы загородить дорогу, но у перочинного ножа есть прескверная привычка — закрываться как раз тогда, когда не надо. Я благополучно дождался зверька, тот выскочил из норки, и я уже хотел воткнуть ножик поглубже, чтобы закрыть вход, как вдруг ножик... закрылся сам собой. Слепушонка, конечно, мгновенно исчез.

Все же я не сдался и решил попробовать дожждаться зверька еще раз. И я дождался. Но и на этот раз он перехитрил меня. Явившись к выходу, он не подумал высунуть даже кончика носа, а вместо этого пододвинул изнутри кучку земли к входу и почти закрыл его, а затем наскреб еще земли и придавил ею первую кучку, так что

вход оказался закрытым совсем. Следить дальше за зверьком мне пришлось только при помощи слуха. Придвигая новые кучки рыхлой земли, слепушонок уже не только придавливал их, но и утрамбовывал поплотнее ударами головы, все тщательнее забивая нору. Удары эти были слышны прекрасно. А когда они, наконец, прекратились, то вход оказался заделанным настолько хорошо, что у меня нехватило терпения докопаться моим перочинным ножом до того места, где в глубине норы начинался уже открытый ход.

И вот тут-то понимаешь, для чего слепушонку нужна такая огромная, толстая голова, несколько непохожая на симпатичные головки большинства других грызунов. Это — действительно прекрасная, крепкая трамбовка. А работа зверька с землею, когда он выбрасывает ее из норки и отодвигает подальше от выхода, объясняет и устройство его мордочки — широкой и плоской, на подобие лопаты.

Есть в наружности слепушонка и еще одна черта, которая бросается в глаза даже больше, чем вообще вся его „топорная“ фигура и безобразная голова. Это — его безобразные зубы.

У всех грызунов передние зубы — резцы — отличаются большой длиной и развитостью. По этому признаку мы и отличаем этих животных. Но у слепушонка развитие резцов дошло до таких пределов, что губы совсем не прикрывают их, резцы торчат изо рта и делают физиономию нашего зверька весьма неприятной, даже, пожалуй, уродливой.

И если не знать жизни зверька, то кажется совершенно непонятным, зачем ему такие огромные и отвратительные зубы: ведь не камни же ему надо грызть... Но как только мы познакомимся получше с образом жизни и привычками слепушонка, мы поймем назначение его зубов.

Живет наш зверек исключительно под землею. На поверхности он проводит в течение суток совершенно ничтожное время: почти только те короткие мгновения, на которые он показывается при своих земляных работах. Питается он, преимущественно, а временами даже и исключительно, — корнями, клубнями и луковицами расте-

ний. Их он добывает, подкапываясь к ним снизу и делая иногда специально для этого длинные ходы. Поэтому-то слепушонки проводят все время в непрерывных земляных работах. Прекращает он их только для сна и, может быть, иногда для небольшого отдыха.

Если проследить все разветвления ходов слепушонки, сосчитать все те кучки земли, которые им насыпаны, то поражаешься, как это все может сделать такой маленький зверек. Особенно же поразимся мы, когда увидим, что его ходы иногда проходят среди каменистой пустыни или проникают в такой твердый, известковый слой, который совершенно не берет железная лопата.

Одна семья слепушонки, состоявшая из матери и четверых подросших молодых, занимала своею норой площадь около 1600 квадратных метров. Главный ход имел в длину больше 100 метров, а от него во все стороны отходило много боковых подземных галерей, из которых каждая была длиною в 25—30 метров. Одних только свежих, то есть недавно насыпанных, кучек было 169.

Слепушонки не любят у себя в норе сквозного ветра и даже вообще не переносят, чтобы откуда-нибудь дуло. Поэтому они обыкновенно держат все многочисленные отверстия своего жилища забитыми землею. И если вы раскопаете забитый и прикрытый кучкою ход и оставите его открытым, зверек немедленно явится для того, чтобы его опять заделать. Раскопайте снова — он сейчас же опять его заделает.

Один натуралист хотел переупрямить зверька, но ему это так и не удалось: он семь раз под ряд отрывал один и тот же ход, и семь раз слепушонка немедленно его забивала. Когда у зверька не оказалось в норе подходящей рыхлой земли, он и тогда не сдался, а начал затыкать отверстие огрызками листьев ириса, стеблями различных растений, кусками корней солодки и другими остатками пищи, и все-таки настоял на своем.

Но не всегда зверек держит все ходы закрытыми. Когда ему нужно, он сам открывает ряд дверей и держит их открытыми столько времени, сколько, по его мнению, следует. Так он делает, например, тогда, когда прокладывает новый участок галереи. Делает это он для того, чтобы

просушить новую галерею, которая часто бывает сначала довольно сырою. Но, как только галерея просушена, отверстия „двери“ опять закрываются.

У другого нашего известного землекопа — крота — для земляных работ служат его замечательные, необыкновенно сильные и совсем особенно устроенные передние лапы, с огромными, крепкими когтями. Но и таким превосходным орудием крот не мог бы ничего сделать в том твердом, как кирпич, известковом грунте, с которым прекрасно справляется слепушонок. Тут-то нашему зверьку и приходят на помощь его безобразные зубы. При помощи их он пробирается и сквозь известковые слои и сквозь почву каменистой пустыни, да и вообще проделывает всю свою огромную работу. Работа эта, кроме зубов, требует еще больших сильных мускулов на мордочке и на шее, чем и обладает слепушонок.

Известно, что в очень сырых квартирах форточку иногда приходится держать открытой подолгу. Точно так же и слепушонок в местах с влажною почвой иногда устраивает особые выходы на воздух, которые уже совсем не забивает. Такие дополнительные „форточки“ не имеют около себя кучек земли, сделаны так, чтобы их трудно было заметить, и к ним зверьки почему-то очень любят постоянно наведываться.

Жилища слепушонка совсем не похожи на жилища тех зверьков, с которыми мы познакомились раньше. Это, впрочем, понятно.

О чем заботятся остальные зверьки при устройстве своих нор? — Прежде всего о том, чтобы устроить комнату для гнезда, в котором будут воспитываться дети или будет проводить время сна сам зверек. Многие зверьки при устройстве норы озабочены еще отводом помещений для хранения своих запасов, для чего и делают особые камеры-кладовые. Затем, некоторые зверьки стремятся обеспечить себе в помещении тепло и для этого роют очень длинные и глубокие норы, располагая, кроме того, ход особенным образом. Так делает, например, гребенщикова песчанка. Наконец, тушканчики заботятся еще о своей безопасности, выкапывая тоже довольно длинные норы и затем тщательно заделывая вход в них.

Слепушонку этих забот мало. Он делает нору не только для того, чтобы жить в ней и хранить запасы, но и для того, чтобы добывать себе корм.

Многие грызуны, которых мы уже узнали, во время кормежки иногда пробегают за ночь несколько километров только для того, чтобы наестся на один день. Другие уходят за полтора-два километра от дома, чтобы раздобыть какого-нибудь особенно лакомого корма, которого нигде ближе нет. Но они отправляются за кормом обычным способом: бегут или прыгают по земле. Слепушонок поступает иначе. Как мы уже знаем, он на поверхности земли проводит обычно лишь короткие мгновения. И даже для добывания себе пищи пользуется особыми подземными галлереями, которые роет только для того, чтобы добраться до нужных ему корней, клубней или луковиц.

Доберется зверек до подходящих кустиков, съест или унесет в кладовую их подземные части, и уже должен рыть новую галерею к другим растениям. Поэтому-то ему и приходится устраивать совершенно особенные норы. Прежде всего, они не должны быть глубокими, так как на большой глубине слепушонку делать нечего: там нет луковиц, клубней и даже толстых корней травянистых растений, которыми он кормится.

И ходы его идут всегда совсем не глубоко, но зато тянутся на огромное расстояние. От главного хода, который проведен, как мы уже знаем, иногда больше чем на 100 метров, отходят в стороны гораздо более короткие, иногда даже совсем коротенькие, галереи, которые и направляются к подземным частям любимых растений слепушонка. В сравнении с этими „кормовыми“ галлереями, жилое и складочное помещения занимают в его норе совсем крошечный уголок¹⁾

Кроме ходов, ведущих к растениям, а также в камеру и кладовые, в норе слепушонка есть еще масса коротеньких косых ходов — отнорков, которые служат для выбрасывания наружу накопанной земли. Около них-то и

---

¹ Приблизительно так же устроены норы и у всех других настоящих подземных животных, то есть таких, которые не только спят и воспитывают молодых, но и пищу себе добывают под землею.

лежат всем известные кучки. Кроме того, отнорками зверек пользуется для вентиляции норы.

Все галереи слепушонка имеют плотно утрамбованный пол и очень гладкие стенки. В гнездовой камере находится довольно толстый тюфячок из нежных стеблей и листьев злаков и чешуек ириса. Недалеко от гнезда бывает устроена кладовая, в которой можно найти разные запасы: листья ириса и одуванчика, луковицы, клубни, корневища разных растений, в том числе люцерны. Впрочем, больших запасов у слепушонка мы никогда не находим.

На пленных зверьках удалось проследить, как они производят свои земляные работы. Выпущенный на свободу слепушонок моментально исчезает под землею, а из сделанного отверстия начинает лететь дождь земли. Роет зверек зубами и передними лапками, которыми отгребает накопанную землю под себя, после чего задними передает ее дальше назад. Когда сзади него наберется земляная пробка длиною с него самого, он быстро начинает пятиться назад и задом выталкивает землю, после чего молниеносным ударом задних ног отбрасывает ее далеко от норки. Тут-то мы и видим настоящий фонтан летящей земли.

Остающуюся у входа в норку или осыпающуюся с кучки землю он отодвигает подальше мордочкой. Но иногда он отодвигает ее прочь, пятясь задом, так же, как делает это в норе. Вообще задним ходом наш зверек умеет двигаться прекрасно; этим способом в норе он двигается даже скорее, чем бегаёт вперед по земле. Впрочем, я уже упоминал о том, что на земле он вообще весьма не прыток. При этом интересно, что по неровной поверхности земли он передвигается лучше, чем по ровной и гладкой. Выпущенный на твердую и ровную дорогу, он иногда даже теряет равновесие, валится на бок, а то и совсем переворачивается вверх брюшком: настолько он привык двигаться только в норе, где у него со всех сторон есть опора. Впрочем, среди травы, которая тоже поддерживает его с боков и позволяет удобно держаться лапками, он пробирается без особого труда.

Правда, на воле делать ему это приходится очень редко, вероятно, только тогда, когда выросший молодой сле-

пушонок решает отделиться от семьи и зажить собственным домом. Тут он проходит по земле иногда даже несколько сот шагов — пока найдет подходящее место. Но на эти переходы слепушонок решается только ночью.

На зиму слепушонки впадают в спячку, причем обыкновенно собираются по несколько штук в одно гнездо. Вообще они склонны к общительности, и вполне подросшие слепушата долго продолжают жить все вместе в родной норе.

В неволе, если их хорошо кормить, они обыкновенно тоже живут очень дружно и спать собираются всегда все вместе, в одно гнездо или в один избранный уголок своего помещения, укладываясь тесно друг около друга в один общий клубок.

Живут слепушонки в неволе хорошо, приносят потомство. Молодые тоже растут прекрасно, так что держать их не трудно. Кормить их можно летом свежими листьями и корнями разных растений, хотя бы той же люцерны, а в остальное время — свеклой, морковью, даже хлебом. Но едят они очень много, этого нельзя забывать, так как при недостатке пищи зверьки могут загрызть и съесть один другого. Интересно, что в неволе эти, привыкшие к вечной темноте, зверушки начинают вести ночной образ жизни и целый день спят. На свободе же они, наоборот, живут почти исключительно днем, и главная работа по рытью нор у них бывает около 12—2 часов дня и затем вечером и утром.

Родятся слепушата слепыми, голенькими и совершенно беспомощными, так что если их посадить на гладкий стол, то они только едва двигают лапками. Глаза у них открываются очень нескоро — иногда только на 28-й день. Но уже немного раньше они начинают есть хлеб, свеклу, яблоки. Месячные зверьки уже живо бегают по клетке, едят, но еще сосут мать. А еще через месяц их уже нельзя отличить по росту от старых. А когда им исполнится полгода, у них появляются уже и собственные дети.

Всем мелким зверькам, о которых говорилось до сих пор, нужна не совсем голая, а хотя бы немного покрытая травой земля. Затем, с кустарниками некоторые из них еще согласны примириться, но там, где есть деревья, они уже селиться не станут.

Теперь мы познакомимся с любителями совсем других мест — с такими зверьками, которые если и не все время, то очень значительную часть его проводят над землею, то есть на деревьях. Там, где совсем нет деревьев, они не водятся.

Один из этих зверьков — соня. Это — прелестное существо, очень напоминающее маленькую белочку. Ростом соня больше мыши. У нее рыжевато-серая, мягкая и нежная шубка, длинный пушистый, расчесанный на две стороны, хвостик, большие черные глаза и черные полосы по бокам головы, идущие через глаза.

Соня — тоже ночной зверек. Но она выходит из своих дневных убежищ, когда еще довольно светло, так что ее не трудно увидеть. При этом она не прячется где-нибудь в траве, а лазает и прыгает по деревьям, бегаёт по плетеным изгородям, чем легко обращает на себя внимание. Кроме того, она мало боится человека и подпускает его к себе довольно близко. А там, где живет рядом с человеком, как например, на дачах около г. Алма-аты, она совсем привыкает к людям. Здесь можно часто увидеть, как на террасе сидят за вечерним чаем жители дачи, а по перилам террасы или по ее полу бегаёт лесная гостья — соня. Однажды, стоя тихонько на террасе, я наблюдал, как соня сперва прыгала по соседнему дереву, затем спустилась с него на перила террасы, оттуда перепрыгнула на

чайный стол и начала бегать по скатерти, хозяйничая совсем, как дома. Правда, за столом в это время никто не сидел. Но я стоял совсем близко и рассматривал ее, а она, нисколько не стесняясь моим присутствием, усаживалась на корзинке с хлебом (рис. 20), пробовала булки, оттуда перебегала к сахарнице, вазочке с вареньем. Везде отведывала понемногу и спешила дальше, чтобы обследовать все как следует. Заглядывала в чайные чашки, полскательницу, подбегала даже к самовару, но до него не дотрагивалась, может быть уже по опыту зная, что это не особенно приятно. Вообще видно было, что она здесь не в первый раз, что все здесь ей привычно и хорошо знакомо, и что она чувствует себя здесь почти что хозяйкой. К сожалению, долго наблюдать мне ее не пришлось, так как из комнат с шумом вышли люди, и соня убежала. Впрочем, убежала довольно спокойно и не особенно спеша.

В то время, как на столе хозяйничала одна соня, несколько других бегали и прыгали по растущим около террасы деревьям, иногда перебираясь на перила, но почему-то не рискуя перескочить на стол и присоединиться к своей более смелой подруге.

В амбарах и кладовых на дачах, а также на пасеках и по заимкам эти зверьки бывают такими же обыкновенными посетителями, как мыши. Зачем именно они туда забираются и какие продукты больше всего портят, — никто пока не исследовал. Но тем не менее очень многие здешние хозяйки хорошо знают соню и даже не любят ее, несмотря на ее миловидную наружность, ловкость и изящество.

Чем сони заслужили эту неприязнь, будет сейчас видно из одного случая, о котором мне с негодованием и возмущением рассказывала одна моя знакомая.

К ней на пасеку в окрестностях Алма-Аты как-то приехали гости. Гостеприимная хозяйка решила угостить их каким-то особенным заветным абрикосовым вареньем. Варенье это береглось для торжественных случаев, и она сама уже давно не заглядывала в огромную банку, в которой хранилось варенье. Но оказалось, что в нее заглядывали дети, которые и оставили банку открытою. И вот отсюда произошли все беды. Когда хозяйка взяла ложкой варенье, она почувствовала, что захватила что-то большое,

совсем не похожее на абрикос. Каковы же были ее ужас и негодование, когда оказалось, что это — „мышь“. Пропала огромная банка самого драгоценного варенья. Варенье, конечно, немедленно было выброшено в протекавший около дома ручей. И тут-то обнаружилось, что в банке было семь штук зверьков, которые при рассмотрении оказались сонями.

Бедные зверьки захотели полакомиться и заплатили за это своею жизнью. Подобные случаи с сонями бывают постоянно. Этих зверьков находят сплошь да рядом утонувшими то в варенье, то в меде, но чаще всего в молоке и простокваше.

Случается это и с другими зверьками. Многим, вероятно, приходилось слышать об утонувшей где-нибудь в ведре или кринке молока обыкновенной мыши, но с сонями такие случаи происходят несравненно чаще, чем с другими зверьками, посещающими наши погреба и кладовые. Сони как будто нарочно являются кончать свою жизнь самоубийством таким странным способом.

Мне кажется, что объяснить это можно так. Тонут сони всегда в каких-нибудь высоких глиняных или стеклянных сосудах. На многие из этих сосудов мышь или хомячок не в состоянии взобраться, тогда как для сони, ко-

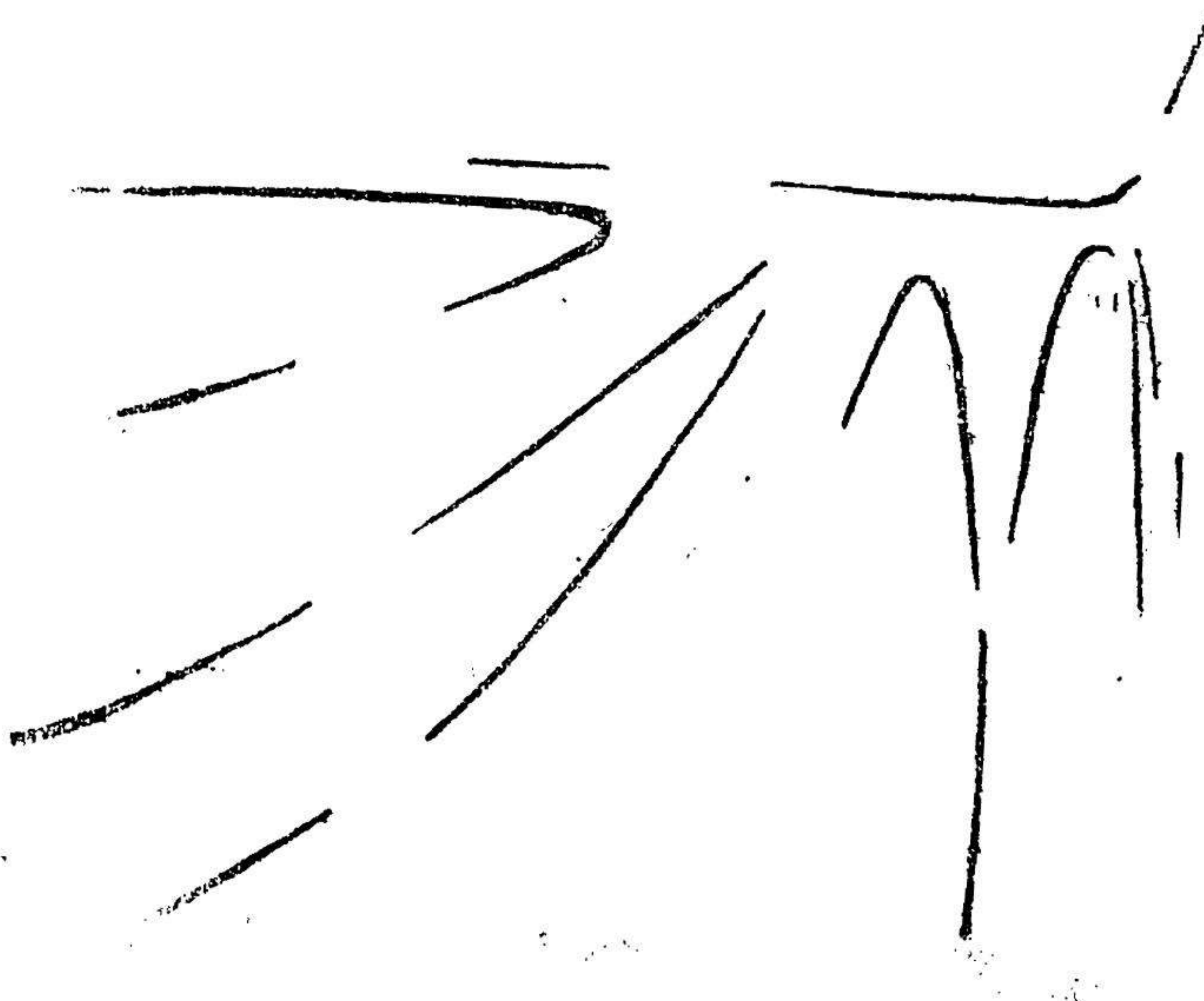
торая прекрасно прыгает, это не представляет ни малейшего труда. А если она не может вскочить на посудинку снизу, то ей ничего не стоит прыгнуть на нее сверху — со стены или балки, по которым соня лазает с необычайной ловкостью и легкостью.

Эта ее ловкость, эти смелые прыжки, очевидно, и губят ее. Ведь соня, кроме поверхности земли, привыкла передвигаться исключительно по кустам и деревьям, но там она своими необыкновенно цепкими лапками без труда удерживается или за тоненькие веточки или за неровности коры, покрывающей ствол дерева и ветки. Цепляется она здесь так крепко, что свободно быстро бегаёт и прыгает по ветвям, поднимается кверху по стволу, спускается по нему вниз. Чувствуя, что она сорваться не может, соня двигается вполне уверенно, смело принимая самые рискованные и трудные положения и делая большие прыжки.

Но вот она с такою же уверенностью делает прыжок на приглянувшуюся ей банку с вареньем или эмалированную кринку с простоквашей и попадает на совершенно незнакомую ей гладкую, скользкую и твердую, как камень, поверхность, за которую уцепиться совершенно невозможно... Мгновение — соня теряет равновесие, обрывается и падает в сосуд, как в ловушку, и там гибнет. Ведь даже если ей удалось вскочить на банку снизу благополучно, то и тогда она рискует оборваться вниз, чуть только попробует дотянуться до содержимого банки. Она не привыкла к твердой и гладкой поверхности и не знает, как осторожно надо здесь держаться. Наши мыши и крысы, которые хорошо знакомы со всякой посудой, как употребляется в хозяйстве, держатся в таких случаях иначе. Они знают, куда можно забраться, куда нельзя; забравшись на опасное место, двигаются осторожно, не делают никаких резких движений, не говоря уже о прыжках... Поэтому-то они несравненно реже, чем соня, попадают в беду. А та неопытная мышь, которая позабудет об осторожности, кончает так же, как и соня, и ее мы находим утром где-нибудь в кринке с молоком.

Соня не только заглядывает в постройки человека, целью полакомиться там чем-нибудь вкусным, но иногда даже совсем поселяется в них, устраивая себе гнездо г

нибудь под крышей. Правда, это случается не часто, но все-таки случается. А в некоторых местах она, говорят, даже постоянно перебирается на зиму в строения, которые лучше могут защитить ее от зимнего холода, чем ее летние убежища.

Среди тех зверьков, с которыми мы уже познакомились, мы видели прекрасных строителей, вроде тушканчиков или песчанок. Некоторые из них устраивают огромные сооружения, которым мы удивляемся; но у каждого из зверьков постройки эти все-таки более или менее похожи одна на другую. Нора временная, нора постоянная, нора с двумя ходами или со многими, сложная или простая — вырыты в земле.

У сони мы видим совсем другое. Она, правда, не затрачивает много труда на свои постройки, — ее и сравнивать нельзя с такими землекопами, как тушканчики или слепушонки. Но зато она показывает нам, как маленький зверек может разнообразить свою работу и как он может устроиться в самой различной обстановке.

Мы уже сказали, что соня селится, например, под крышами зданий. Устраивается она также в скворешниках, в какой-нибудь пустоте в деревянных воротах, в глиняных заборах, постоянно селится в дуплах деревьев, устраивает норы под корнями, вьет на кустах и деревьях красивые гнезда, вроде птичьих, но закрытые со всех сторон — в виде шара. Нередко для дневного сна она просто натаскивает кучу сухих листьев во впадину на месте обломанного сучка или в развилку нескольких веточек, какие бывают на карагачах. Устраивает она себе постельку из тех же сухих листьев и в пустом гнезде сороки. Был даже случай, когда утром нашли спящую соню в... шляпе, забытой вечером на дереве.

Круглые гнезда сони узнать очень легко, так как такие, закрытые со всех сторон гнезда, без заметного входа, у нас на кустах и деревьях устраивает только она. Круглое гнездо мыши-малютки помещается не на кустах, а в траве и никогда не бывает на виду, как гнезда сони. Круглые же гнезда воробьев имеют хорошо заметное входное отверстие, и в них всегда много перьев и пуха, которых у сони не бывает.

Правда, в гнездах сони иногда тоже бывает пух и даже много, но пух не птичий, а от разных растений, главным образом с известного вьющегося растения — лозоноса или же с ивы, камыша, тополя... Главный же материал, из которого бывают сделаны гнезда сони, — это сухие травинки, листья, тоненькие веточки, размочаленная кора, иногда даже тряпочки и вата. Стенки гнезда — толстые, но свито гнездо все-таки рыхло, так что редко удается его снять с куста, не повредив.

Там, где сонь много и где, при этом, нет дуплистых деревьев, такие гнезда попадаются иногда очень часто. Но далеко не в каждом из них вы найдете его хозяина. Напротив, большинство гнезд оказываются пустыми. Происходит это оттого, что соня не живет подолгу в одном и том же гнезде (если у нее нет молодых), а очень легко делает себе новое, бросая старое.

Свои круглые гнезда соня помещает на самой различной высоте: иногда над самой землею, иногда же выше 10 метров.

Соня — настоящий ночной зверек, что сразу же видно по ее огромным глазам. Днем она спит в своем убежище, притом иногда так крепко, что ее без труда удастся поймать в гнезде прямо руками. Отсюда произошло и ее название. Но название свое соня оправдывает вовсе не всегда; нередко бывает так, что едва вы дотронетесь до куста или дерева, а иногда даже только подойдете к ним, как зверек уже высовывается из гнезда, готовый бежать. Даже молодые сонята подчас обнаруживают необыкновенную осторожность и успевают удрать из гнезда раньше, чем вы к ним доберетесь, если только гнезда нельзя достать рукой прямо с земли.

На потревоженной соне лишний раз можно убедиться, как неверно очень распространенное мнение, будто ночные животные ничего не видят днем, так как солнечный свет их ослепляет. В самый яркий солнечный день выбежавший из гнезда зверек держится совершенно уверенно, не обнаруживая никаких признаков растерянности, неловкости, а тем более слепоты. Все движения сони ловки, уверенны и даже стремительны — как белка бежит она по веткам, птицей перелетает с одной на другую и

быстро прячется в листве, или же, поднявшись немного по дереву или ветвям кустарника, вдруг бросается прямо вниз и мгновенно скрывается в чаще кустарника и травы. Иногда прыгает на землю и прямо из гнезда.

Поймать же ее или даже хотя бы просто увидеть после того, как она спрыгнула на землю, конечно, нечего и думать. Здесь, в чаще густых и колючих кустов, за ней не может угнаться никакая собака.

Кстати, этот древесный зверек прекрасно чувствует себя и на земле и постоянно спускается сюда. Об этом можно судить хотя бы по одному тому, что он часто попадает в ловушки, поставленные на земле. Но, конечно, главное его место—ветки деревьев и кустарники. Чтобы убедиться в этом, довольно только раз видеть соню на дереве—с какой ловкостью она здесь лазает и бегаёт. Даже крошечные, слепые и едва ползающие сонята уже поражают своею необычайной цепкостью: достаточно такой крошке чуть дотянуться снизу до пальца одной лапкою, чтобы она, как хороший гимнаст, уже свободно взобралась на него и стала вполне уверенно ползать тут. При этом держатся малютки так крепко, что их нельзя просто снять с пальца, как мышенка или хомячка, а приходится отрывать с известным усилием.

Питается соня главным образом различной растительной пищей, в числе которой очень большую роль играют различные ягоды, особенно ежевика (ее обыкновенно много бывает в местах, где живут сони). Иногда у сони весь кишечник и весь желудок бывают переполнены одною ежевикой. Едят они также яблоки и другие фрукты, особенно любят урюковые¹ косточки. Поеданием их они приносят иногда большой вред в урюковых садах. Но охотно они едят также и различных насекомых, которых они прекрасно ловят. В неволе их можно кормить чем угодно, причем меньше всего они любят мясо.

На зиму сони в Казахстане засыпают. Поэтому, как все зимоспящие животные, к осени они становятся очень жирными. Такой массы жира, какую накапливают сони, не бывает больше ни у одного из наших маленьких зверьков.

---

¹ Урюк — дикий абрикос.

Мне когда-то очень много интересного рассказывал про сонь один знакомый мальчик. Ловил он их так: найдя гнездо, тихонько шевелил его палочкой. Потревоженная соня выскакивала и бросалась по стволу дерева книзу, но он загораживал ей дорогу и гнал обратно. Затем сам лез на дерево, а внизу оставлял собаку и постепенно гнал соню все выше и выше. Наконец, она забиралась на такие тонкие ветки, что дальше лезть было некуда. Тогда он начинал сильно трясти ветку, и соня, боясь сорваться с такой большой высоты, осторожно опускалась ниже, и здесь он ловил ее руками.

Пойманному зверьку он надевал на шею шнурок и сажал его в один из своих карманов (где тот чувствовал себя, видимо, прекрасно и скоро засыпал), сам же отправлялся продолжать свою охоту.

Здесь надо сказать, что при ловле сонь руками необходимо помнить, что, во-первых, зверьки эти очень больно кусаются и иногда, вцепившись в палец, подолгу его не отпускают; во-вторых, их ни в коем случае нельзя хватать за хвост. У сонь кожа на хвосте такая нежная и непрочная, что если взять зверька за хвост, то шкурка на хвосте обрывается и остается у вас в руках, а изуродованный, с голым остовом хвоста, зверек убегает.

С одним натуралистом, который или не знал этого свойства хвоста сони, или же забыл предупредить о нем своих помощников, был такой забавный случай. Сопровождавшие его товарищи, желая ему помочь в собирании зверьков, решили наловить ему сонь, которых в том месте было много. Но ловили их так „ловко“, что вместо зверьков принесли, с нетерпением ожидавшему результатов их охоты ученому, целую коллекцию хвостов сони.

Оставшийся у зверька оголенный конец хвоста потом отпадает. или же зверек сам его отгрызает. Вот почему среди сонь нередко попадаются совсем короткохвостые. Свои красивые хвосты очень драчливые самцы-сонь теряют также в драках между собою. Поэтому в неволе их не следует сажать вместе в одну клетку.

Впрочем, в неволе сонь часто и вообще живут недружно. Драки между ними иногда кончаются смертью

одного из зверьков, причем погибший нередко съедается. Как уже сказано, защищается соня даже от человека. А одна соня, жившая в клетке, ни за что не позволяла удалить ее умершего детеныша.

Однако, как мы уже сказали, они очень быстро привыкают к человеку и становятся совсем ручными. Тогда их не только можно свободно брать в руки, но и выпускать из клетки побегать по комнате. Они с удовольствием носятся всюду, лазают на столы, шкафы, взбираются по занавескам, а к утру возвращаются обратно в свои гнезда. Только в клетке они мало интересны, так как целый день спят, и их можно наблюдать только ночью.

Когда наступало время зимней спячки, жившие в одном помещении сони собирались вместе и засыпали, свернувшись клубочками, одна около другой. Тело у них при этом делается холодным, а дыхание почти незаметным.

В гористых и лесистых местах восточного уголка Казахстана живет другой интереснейший древесный зверек — бурундук.

Он, пожалуй, еще больше, чем соня, похож на маленькую белочку, и узнать его легче, чем всех других, даже самых приметных знакомых нам зверьков. Бурундук ведет дневной образ жизни и совсем мало боится человека, поэтому не только увидеть его, но и хорошенько понаблюдать за ним на воле совсем просто. Узнаем мы его сразу по пяти черным полоскам, которые тянутся у него вдоль спины на его рыжеватой шубке и хорошо видны даже издали. А рассматривать бурундука издали вовсе нет надобности, так как к нему всегда можно подойти совсем близко. Другим хорошим признаком зверька является его длинный, пушистый, расчесанный на две стороны, как у белки, очень подвижный хвостик.

Бурундук — настоящий древесный житель. Правда, ему не обязательно нужны высокие старые деревья, иногда с него довольно и зарослей черемухи, березняка или ивы. Но на открытых местах он никогда не живет. Не встречается он также и в чистом высокоствольном лесу без подлеска из молодой поросли и кустарников. Очень любит он места, заваленные буреломом и валежником, где ему удобно прятаться самому, а также прятать свои норы. Кроме того, ему нужно, чтобы вода была поблизости. Поэтому больше всего бурундуков можно встретить в зарослях по берегам речек и ручьев. Найти норку бурундука без помощи собаки очень трудно, так как он всегда очень старательно скрывает вход в нору. Поме-

щается этот вход или среди густого бурелома, или под корнями или под стволом поваленного дерева, а также под камнем или где-нибудь в выгнившем пне. Накопанную землю он не оставляет лежать тут же кучкой, а уносит ее прочь в своих защечных мешках и выбрасывает подальше от норы.

В норе, которая бывает иногда довольно длинной — до трех метров, кроме камеры для гнезда, всегда есть одна или две больших кладовых для запасов и один или два тупичка — уборные. Жилая комнатка выстилается сухой травой и листьями. В ней хозяева спят ночью и проводят время зимней спячки. Здесь же рождаются и растут маленькие бурундучата.

На зиму бурундуки засыпают не так крепко, как например суслики или сурки, которые не просыпаются ни разу до самой весны. Они просыпаются и зимою, подкрепляются немного из своих запасов и затем снова засыпают. Конечно, проследить зимою, что делает бурундук в своей норе, похороненной где-то под снегом в два метра глубиною, — невозможно. Но можно наблюдать за зверьком в неволе. И из этих-то наблюдений узнали, что бурундук просыпается несколько раз за зиму. Кроме того, зачем бы ему было делать на зиму большие запасы, если бы он спал без просыпа до самой весны? И откуда у него в уборных очутился бы весной помет, если бы он не просыпался зимой? Да и жира бурундук не запасает к осени столько, чтобы прожить всю зиму без пищи. Поневоле ему приходится вставать и подкрепляться.

Весною зверьки показываются на свет в разное время, смотря по тому, какая стоит погода. Те из них, у которых норки устроены на солнечном склоне и раньше освобождаются из-под снега, появляются раньше других. Если после теплой погоды вдруг опять станет холодно, то и эти передовые вестники весны скры-

ваются обратно в свои норки и ждут там уже настоящих „вешних дней“.

Но и после того, как эти дни настанут, и из норок вылезет уже много зверьков, бурундуки первое время все-таки чувствуют себя еще плохо. Они очень любят тепло и ясную погоду и бывают в начале весны совсем не такими, какими мы привыкли их видеть в хорошие летние дни. Обычно веселые, резвые и подвижные, зверьки в это время не отходят далеко от своих норок, а тут же где-нибудь около них взбираются на ветки деревьев и занимаются объеданием на них почек. Вялые и малоподвижные, они любят в это время забираться на верхушки еще голых деревьев и тихо сидеть там часами, греясь в лучах весеннего солнца.

Если в кладовых еще сохранились запасы, то теперь зверьки кончают их. При этом наблюдали, как они выносили перезимовавшие и, должно быть, немного отсыревшие продукты из норок и раскладывали их на солнце для просушки.

В пасмурную погоду, раннею весною, они совсем не выходят из нор, да и вообще проводят на воздухе очень немного времени — каких-нибудь 2 — 3 часа в середине дня.

Но вот солнце начинает греть сильнее, снег быстро тает, устанавливается, наконец, настоящая теплая погода. И зверьков наших не узнать. К ним возвращаются и энергия, и подвижность, и живость. Целые дни они носятся по земле и по ветвям деревьев и кустарников, гоняются друг за другом, дерутся между собою. С чрезвычайной легкостью и ловкостью влезают на высокие деревья, прыгают с ветки на ветку и даже с дерева на дерево, все время издавая свои характерные звуки — „цыканье“ и свист. Часто зверек вдруг спускается на землю и начинает с жадностью пить.

В жаркие летние дни бурундуки выходят из норок очень рано, еще до восхода солнца, но все-таки тогда, когда уже стало достаточно светло, и занимаются своими делами до наступления особенно сильной жары. Снова выходят они после того, как жара спадет, и тогда остаются уже до заката солнца. Но в густом, тенистом лесу, где

особенной жары никогда не бывает, они не прячутся целый день.

Вместе с тем, они терпеть не могут дождя и в дождливую погоду, обыкновенно, совсем не показываются. И только в местах, где летом дожди идут постоянно им поневоле приходится мириться с ними, так как иначе им пришлось бы часто голодать. Тут нередко и в дождь можно увидеть бурундука, перескакивающего с веточки на веточку в поисках пищи.

Бурундуки, эти ненавистники дождя, всегда безошибочно предчувствуют его заранее. Это их свойство настолько хорошо известно всем в тех местах, где бурундуков много, что ими пользуются, как самым лучшим барометром для совершенно точного предсказания погоды. За несколько часов до дождя бурундуки издают совсем особенный звук, несколько не похожий на те, которые они издают обычно; при этом издают они его, сидя на задних лапках на пне или на поваленном дереве.

Осенью, когда дни становятся прохладными, когда по утрам начинаются заморозки, бурундуки показываются только после того, как солнце обогреет землю. Но зато днем в этот период года они совсем не прячутся в норы до заката солнца.

Чем холоднее становится, тем меньше времени бурундук проводит вне норы и, наконец, перестает выходить совсем, запираясь в своей норе до весны.

Бурундучат рождаются чаще всего пять штук, но иногда и больше — до 10. Они довольно долго живут безвыходно у себя в гнезде и начинают показываться наружу только после того, как уже порядочно подрастут. Тут можно бывает видеть, как малютки разыскивают себе пищу среди травы около норы, едят ягоды и семена разных растений. Мало-по-малу они начинают разбредаться в разные стороны, но далеко на первых порах еще не отходят. В это время мать внимательно следит за ними, оставаясь около норы, и в случае опасности издает тревожное „цыканье“. По этому сигналу молодежь с ответным писком мчится со всех сторон и скрывается в норе.

Случается, что бурундук выбирает себе для временного жилья и дупло, особенно — раннею весною, когда

ему еще не приходится заботиться ни о детях, ни о подготовке к суровой зиме, еще такой далекой.

За жизнью одного такого бурндука долго следил один наблюдатель. Каждое утро, как только солнце начинало обогреть землю, зверек уже выглядывал из своего жилища, осматривался и, убедившись, что никакой опасности нет, соскакивал на землю и пускался в поиски корма. В это время он был очень доверчив и позволял следить за собою с 2—3 метров. В бинокль можно было хорошо рассмотреть, как он собирал на земле появившиеся из-под снега семена растений, различные, еще плохо оттаявшие ягоды и их зерна. Покормившись и набрав еще про запас, он спешил в дупло, и это повторялось несколько раз за день. Но через некоторое время зверек куда-то исчез — вероятно, отправился устраивать себе более удобное и безопасное помещение для своих будущих ребят, так как это была самочка.

При приближении человека бурндук подает сигнал — отрывистое „цыканье“, или свист. Пока чело-

век еще далеко, свист этот слышится сравнительно редко и чередуется с продолжительным молчанием, причем зверек садится на задние лапки и внимательно осматривает приближающегося. Только подпустив к себе человека или его собаку шагов на 20—30, он бросается бежать. На бегу он уже часто повторяет свой тревожный сигнал, так что уже издали можно по свисту узнать, сидит бурундук на месте или бежит. При преследовании зверек спасается не в норе, а забирается на дерево или прячется в буреломе. Когда находят гнездо с молодыми бурундучками, то мать их все время перебегает с места на место поблизости с тем же тревожным криком.

Бурундук необычайно любопытный зверек. Ему все надо хорошенько и поближе рассмотреть, и этим он себя часто губит. Даже если человек идет прямо на него, хотя бы и с собакой, он и тут подпускает его на 20 шагов, а иногда и ближе, внимательно рассматривая и, кажется, больше думая о том, как бы лучше познакомиться с интересным существом, чем об осторожности. А если человек остановится и будет стоять смирно, то бурундук совсем забывает про осторожность. Вот как описывает свою первую встречу с этим зверьком один из лучших наших знатоков жизни зверей:

„Увидев бурундука на свободе в первый раз, я был восхищен его изяществом и легкостью его движений. Несмотря на крайнюю осторожность бурундука, безграничное любопытство этого зверька сделало возможным наблюдать его в непосредственной близости. Увидев довольно близко от себя бурундука, я остановился совершенно неподвижно, следя за зверьком лишь глазами, не поворачивая даже головы. Вскоре бурундук начал обнаруживать явные признаки любопытства и постепенно приближаться ко мне. Он часто останавливался, садился на задние лапки и с любопытством рассматривал меня, комично вытягивая шею и поворачивая голову. В конце концов он оказался в непосредственной близости от меня, пробегая около ног, быстро взбираясь на ветку на расстоянии не более аршина от моего тела. Очевидно, достаточно удовлетворив свое любопытство, он удалился сажени на две и начал питаться полуразвернувшимися почками черемухи,

откусывая их и держа в передних лапках. Когда бурундук удалился от меня еще дальше, я очень осторожно стал приближаться к нему, причем можно было заметить, что при первых признаках опасности он становился совершенно неподвижным. В таком случае нужно было долго присматриваться, чтобы найти зверька в кустарнике, несмотря на яркую полосатую окраску его. При более неосторожных движениях с моей стороны бурундук стрелою бросался на дерево, издавая резкое „цыканье“.

Мы уже знаем, что бурундук умеет предсказывать погоду. Но о нем известны и более замечательные вещи.

В Приморском крае в долине р. Имана было очень много бурундуков. Жили они там все лето до первых чисел августа, а затем вдруг исчезли все до единого, переселившись в ближайшие горы. И немедленно вслед за этим случилось большое наводнение, которое затопило всю долину Имана.

Кроме бурундуков, в этой долине жила масса разных других грызунов, и когда вода залила всю местность и понесла стоги сена и скирды хлеба, то они были буквально усыпаны полевыми мышами, крысами, полевками. Но ни одного бурундука среди этих грызунов не было. Если бы они не ушли во-время, их постигла бы та же печальная участь, что и остальных зверьков — гибель в волнах внезапно вышедшей из берегов реки. Но их предупредил тот же инстинкт, который предупреждает их каждый раз о предстоящем дожде, и которого мы не знаем у других мелких зверьков.

У бурундука есть много врагов, главным образом среди мелких хищных зверей, а часто и хищных птиц. Но ему иногда приходится страдать и от таких крупных хищников, как волк и даже медведь.

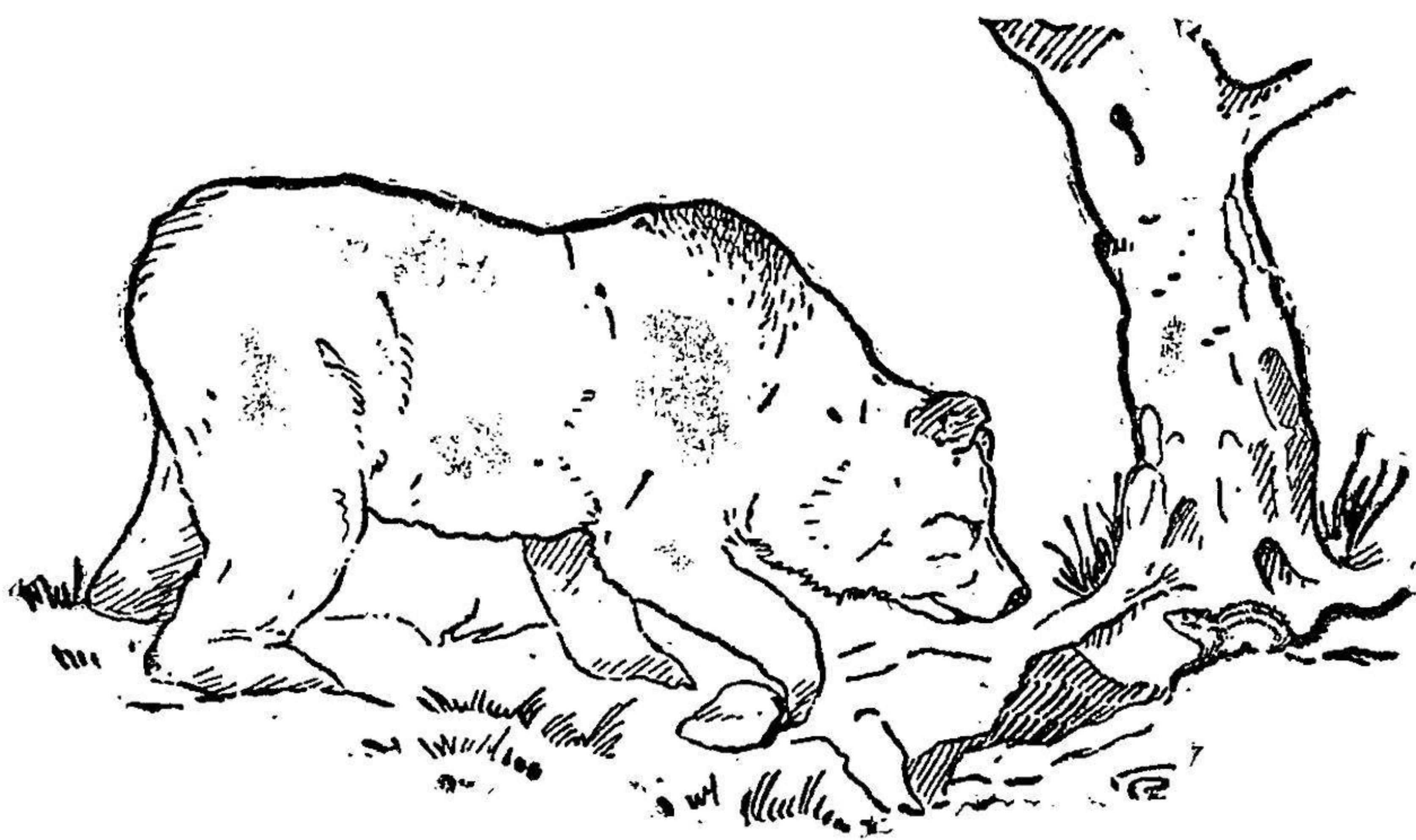
Казалось бы, такому огромному зверю, как медведь, смешно возиться с такой мелочью, как бурундук. Но, во-первых, известно, что медведь при случае с удовольствием ест даже насекомых, улиток, червей. Во-вторых, он и не охотится за самим бурундуком, а раскапывает его норы, чтобы поживиться его запасами. А самим хозяином закусывает лишь так, между прочим, как случайным добавлением к обеду.

К сожалению, этот милый и такой интересный зверек иногда бывает и сам не без греха и в некоторых местностях является опасным вредителем на полях. Случается это в таких местах, где посевы расположены около леса, особенно же там, где они разбросаны отдельными кусочками в самом лесу. Здесь иногда бурундуки похищали весь урожай.

Питается бурундук главным образом растительной пищей, лишь иногда в небольшом количестве примешивая к ней насекомых. Состав его пищи вообще очень разнообразен. Он ест семена различных диких растений, почки деревьев и кустарников, их молодые побеги, траву, разные ягоды, жолуди, кедровые и лесные орехи, грибы. Около полей и огородов он еще больше разнообразит свой стол, прибавляя к тому, что ему дают дикие растения, зерна хлебных злаков, гречиху, кукурузу, лен, подсолнечник, горох, огурцы, баклажаны, арбузы, дыни, тыкву и даже яблоки, груши, сливы, абрикосы, — словом все, что человек готовит для себя самого и что он неосторожно посадил слишком близко от жилья бурундука.

В выборе пищи бурундук большой лакомка и проявляет неожиданные фантазии и капризы. Например, очень часто, имея под руками, около самой норы обилие всевозможного самого лучшего корма, он вдруг решает запасти себе на зиму чего-нибудь такого, чего нигде поблизости нет

и за чем приходится отправляться иногда очень далеко — за километр и даже два. И эти, доставляемые издалека продукты, тоже бывают разные. Иногда бурундук, имея под боком пшеничное поле, отправляется за километр за кедровыми орешками. В другом случае, наоборот, он идет такую же даль именно за пшеницей и т. д.

Горох он очень любит и ловко очищает стручки на огородах, но почему-то никогда не запасает горох на зиму. Зимние запасы зверька тоже очень интересны, бурундук и здесь отличается от других зверьков. Кладовые его наполняются самыми разнообразными продуктами: тут и пшеница, и овес, и гречиха, и лен, и подсолнечник, и разные дикие семена, и жолуди, и орехи, и сушеные ягоды, и яблоки, и даже грибы. Конечно, все, что здесь перечислено, нельзя найти в одной норе, но обычно в каждой кладовой бурундука хранятся очень многие из этих продуктов. При этом разные продукты никогда не бывают перемешаны, а всегда разложены аккуратно отдельными кучками на подстилке из сухой травы, а иногда разные сорта бывают даже отделены один от другого сухими листьями. Количество запасов в норе бурундука, по точным данным, доходит до 6 килограммов, а по рассказам некоторых охотников будто бы даже до 30 килограммов. Но это, вероятно, выдумки.

Что же касается качества продуктов, то все они всегда бывают отборные. Во многих местах у ребятишек существует даже специальный промысел — раскапывание нор бурундука для добывания заготовленных им лесных орехов. Такие „бурундучьи“ орехи на рынке всегда ценятся дороже собранных самим человеком, так как среди них никогда не бывает ни одного испорченного.

Попробуем теперь представить себе тот труд, который приходится затратить такому маленькому существу, как бурундук, для того, чтобы натаскать в свои кладовые 6 килограммов запасов. У него, правда, есть для этого защечные мешки, которые облегчают ему работу. Но они у него очень невелики, в них он может принести само большее 8 — 9 граммов. Возьмем для удобства расчета даже 10 граммов. Значит для заготовки 1 килограмма он должен сходить туда и назад 100 раз, а для 6 килограм-

мов — 600 раз. А мы уже знаем, что иногда он носит запасы за один и даже за 2 километра. И таких продуктов, которые были принесены за 2 километра, у него иногда находили по 500 граммов. То есть, другими словами, для того, чтобы запасти только их, бурундук должен был сделать, ни много, ни мало, как двести километров! И это бывало как раз в тех случаях, когда у него не было никакой необходимости ходить именно за этими продуктами, так как всяких других было сколько угодно под рукою.

Запасать корм бурундуки начинают еще задолго — иногда месяца за три — до залегания в спячку.

Живущие где-нибудь по соседству с пашнями бурундуки появляются на полях с раннего утра. Заметив наблюдателя, зверек несколько раз цыкает и затем быстро уходит в хлеб. Туго набив свои мешки, он бежит в норку, в которой остается иногда 10—20 минут. Выйдя из нее, зверек некоторое время греется на солнце, приподнимается на задние лапки, осматривается, и, если нет опасности, стремглав несется опять на пашню. Если бурундука испугать в то время, как он бежит с полными мешками, он приостанавливается и начинает быстро бить себя лапками по щекам, чтобы поскорее освободить мешки и тем облегчить себе бегство.

Забравшись в хлеб, бурундук, если посев не слишком густой, выбирает соломинку с хорошим колоском и, ухватившись за нее, подскакивает вверх. От его тяжести соломинка нагибается, и тогда бурундук подвигается по ней, держа ее между ногами, и таким образом добирается до колоса. Откусив его, он в несколько минут выбирает все зерна, прячет их в защечные мешки и убегает. Если посев такой густой, что соломину наклонить не удастся, то зверек подкусывает ее снизу по кусочку до тех пор, пока она не станет настолько короткой, что уже можно добраться до колоса.

Интересно запасает он семена подсолнуха. Тут он просто взбирается по стеблю на шапку подсолнуха, внимательно осматривается и затем начинает выбирать зубами самые лучшие семена. Некоторые из них он тут же съедает, другие прячет в мешки. Иногда, вероятно, не найдя

достаточно хороших семян, он с замечательной ловкостью перескакивает на соседний подсолнух.

Теперь посмотрим, как живут наши зверьки в неволе. Здесь их, повидимому, нельзя сажать как попало и помногу вместе. Как-то 4 взрослых и 5 молодых бурундуков были посажены в одну общую небольшую клетку, где чувствовали себя, видимо, плохо (впрочем, молодые уже через неделю стали доверчиво относиться к людям). Пищу им давали очень разнообразную, но охотнее всего они ели красную смородину, кедровые орешки, пшеницу и сахар.

Когда к клетке подносили пинцетом оводов, то они своим жужжанием приводили в смятение всех бурундуков: зверьки начинали бегать по клетке и обнюхивать друг друга. А когда овод просовывался в клетку, то бурундуки сразу же на него набрасывались, один из них схватывал его и, придерживая передними лапками, быстро съедал, начиная с головы.

С месяц бурундуки жили между собой мирно, но затем стали драться, причем так ожесточенно сцеплялись, что их трудно было разнять и успокоить. Кончились эти драки тем, что 6 из них были загрызены до-смерти.

Потом они были пересажены в большую клетку, на дне которой был насыпан толстый слой земли, а сверху настланы листья черемухи и листы бумаги. Бурундуки сейчас же нашлись: стали разрывать бумагу на мелкие кусочки, набивали их в защечные мешки и переносили в то место, которое было ими самими выбрано для устройства гнезда. Выложенные около гнезда кусочки бумаги зверьки обыкновенно подгоняли к гнезду быстрыми движениями передних лапок.

Один из молодых бурундуков стал совсем ручным. На зов „Урка“ он прыгал на руки, брал корм с руки, а иногда старался усесться на ладони на задние лапки и тут же съедал пищу.

ГОРНЫЙ КОЗЕЛ, ИЛИ „ТЕНЕ“

Мы уже знаем, как богат и разнообразен вообще животный мир Казахстана. Однако, следует сказать, что не всюду он богат одинаково.

В низменной части края живет, действительно, очень много зверей и зверьков. Здесь из мелких зверьков мы найдем тушканчиков и сусликов, несколько видов песчанок, хомяка, хомячков, разных мышей и полевок, слепушонка, а также водяную крысу, белозубых землероек, ежей, несколько видов летучих мышей, хорька. Из более крупных животных здесь живут сайга, джейран, тигр, корсак, длиннохвостая кошка, кулан, илик, не говоря уже о неприхотливых и встречающихся почти всюду волке, лисице и зайце.

Но стоит нам покинуть низменные пространства и начать подниматься в горы, как млекопитающих будет становиться все меньше и меньше. Прежде всего исчезнут кулан, сайга, корсак, а одновременно с ними и многие мелкие зверьки, вроде большой и малой песчанок, некоторых видов тушканчиков, пегой землеройки. Дальше перестанут встречаться водяная крыса, землеройки-белозубки, домовая и полевая мыши, обыкновенная полевка, знакомая нам гребенщикова песчанка, хомяк, серый хомячок и летучие мыши.

Долго еще мы будем встречать лесную мышь, слепушонка, илика (косулю), обыкновенную бурозубку, но, наконец, исчезнут и они.

Правда, вместо исчезнувших зверей будут появляться новые, которые живут только в горах. Но их мало, гораздо меньше, чем живущих внизу.

Одни из них появляются ниже, другие выше, а некоторые, как например горный, или красный, волк, живут только на очень больших высотах. Но по мере того, как мы будем забираться все выше и выше, начнут исчезать даже и эти горные жители.

Наконец, очень высоко в горах, там, где путник видит вокруг только горные вершины, скалы и разбросанные там и сям альпийские лужайки, у границы с вечными снегами и ледниками, водятся горные козлы, или „теки“, как их чаще всего называют в Казахстане.

Эти места гор они разделяют лишь с очень немногими животными. Кроме теков, здесь мы встретим только двух его злейших врагов — барса и горного волка, одну из наших полевок, да иногда, пожалуй, сеноставца.

Мало здесь и птиц. Огромные грифы парят в облаках, высматривая падаль. Горные индейки или улары, мелодично перекликаются среди камней;

веселыми возгласами носятся в воздухе, играя и проделывая всевозможные фигуры, красноносая клушица и желтоносая альпийская галка, поражающие ловкостью и смелостью своего полета; да 4—5 видов мелких птичек—странных любительниц этих холодных и неприветливых высот оживляют своим присутствием окружающий довольно безжизненный ландшафт.

Но для горного козла и это еще не последняя граница. Нередко он забирается еще выше, туда, где нет даже альпийских лужаек, а лишь одни скалы и пятна вечного снега, и там проводит время отдыха, в полном одиночестве, царя здесь над окружающею мертвою природою.

Сюда за ним не поднимаются даже его враги, и тут он является единственным представителем животного мира.

Подробно описывать наружность горного козла нет надобности: достаточно взглянуть на рисунок, чтобы познакомиться с нашим зверем.

Огромные рога, которые сразу бросаются в глаза, поражают своими размерами, когда видишь их не на рисунке, а в натуре.

Совершенно непонятно, как можно постоянно таскать на голове такую невероятную тяжесть, да еще лазать с нею чуть не по отвесным скалам и делать огромные и головокружительные прыжки.

Уверяют, правда, что эти-то колоссальные рога и помогают козлам при их невероятных прыжках, таких, при которых от другого животного остался бы только мешок с костями. Возможно, что это и верно. Во всяком случае, мы не знаем у теке, кроме его изумительных прыжков и такого же поразительного умения лазать и даже бегать по скалам, ничего такого, чем бы он особенно отличался от других животных.

Но как именно помогают ему рога, нам пока неизвестно. Одни говорят, что козел, прыгая вниз с огромной высоты, становится не на ноги, а падает прямо на рога, которые, как сильная пружина, смягчают страшную силу удара. Я сам слышал это несколько раз от людей, которые, по их словам, видели сами такие прыжки козлов на рога.

Другие уверяют, что это — сказки и что рога нужны теку, как и другому горному зверю с такими же огромными рогами — горному барану, или архару, — для того чтобы во время прыжка управлять полетом.

Я лично думаю, что правильное всего будет такое объяснение. Козлам при их лазаньи по неприступным скалам, а особенно при спасании от врагов часто приходится проходить по таким головокружительным местам, по таким узким карнизам или гребням, где сохранять равновесие очень трудно. Вот тут-то и оказывают им услугу рога. Многим из читателей, вероятно, случалось видеть, как акробаты ходят по канату. А некоторые, может быть, и сами пробовали это делать. Так вот, они помнят, что канатоходец, обыкновенно, во время исполнения своего номера, держит длинный и тяжелый шест — балансир. Этим шестом он все время слегка шевелит, двигает: то немного отпустит один его конец, то другой, то переместит руки с шестом чуть-чуть вправо, то влево. Перемещая так или иначе шест, человек соответственно изменяет положение своего центра тяжести и, таким образом, помогает себе сохранять равновесие.

Таким именно балансиrom, вероятно, и служат архарам и текам их рога. Но возможно, конечно, что они также помогают животным управлять прыжками.

Очень нужно было бы внести в этот вопрос полную ясность. Сделать же это можно, разумеется, только путем тщательных наблюдений за теками в горах. А так как при таких наблюдениях очень многое зависит от удачи, от счастливого случая, то решение вопроса может выпасть на долю каждого, даже совершенно случайного наблюдателя.

Теков в Казахстане еще много, и они ижвут иногда вовсе не в таких недоступных тущобах, чтобы до них невозможно было добраться. Например, их много в горах даже около столицы Казахстана — по обеим Алмаатинкам¹. Поэтому каждый, кому случится попасть повыше в горы, может надеяться встретить теков. И очень желательно, чтобы такая встреча была использована для наблюдений за этими зверями, особенно за их передвижениями по скалам в наиболее трудных местах и за прыжками.

Правда, наблюдать теков на близком расстоянии дело очень и очень трудное, так что на это надеяться почти нельзя. Следить за ними чаще всего приходится лишь издали, пользуясь биноклем.

Теки отличаются огромной осторожностью, при этом у них так замечательно развиты все главные органы чувств, что трудно сказать, что у них лучше развито — зрение, слух или обоняние.

Подкрадываясь к ним, охотник принимает всевозможные меры предосторожности, чтобы остаться незамеченным. Прежде всего, подкрадываться нужно против ветра, иначе козлы почуют человека на огромном расстоянии. Итти открыто нельзя, уже издали приходится прятаться за камнями и скалами, а с более близкого расстояния — ползти по земле.

И тут охотник не должен ни на мгновение спускать глаз с своего главного „врага“ — сторожевого козла или козы. Теки, как и многие другие животные, во время кормежки и отдыха выделяют из своей среды одного старого и опытного — в качестве сторожа. На обязанности этого сторожа лежит охрана стада и предупреждение его об опасности. Сторож выбирает какой-нибудь возвышенный пункт — вершину скалы или огромного камня, откуда хорошо видно далеко кругом, и стоит здесь неподвижно, как статуя, в то время как остальные пасутся или отдыхают. Он не заботится о том, чтобы самому быть незаметным, — напротив, фигуру сторожевого тека всегда прекрасно видно издали еще тогда, когда ни одного из остальных зверей невозможно различить.

---

¹ Местные речки.

Тут-то и испытывает на себе охотник всю тонкость чувств горного козла...

Вот охотник удачно успел зайти против ветра раньше, чем замеченные им в бинокль за несколько километров козлы обратили на него внимание. Сделав огромный обход, тщательно прячась за скалы, он, наконец, дошел до такого места, откуда надо уже ползти между камнями и мелкими кустиками.

Сбросив с себя все, что мешает двигаться, и все, что сколько-нибудь может броситься в глаза, охотник прилагает все старания к тому, чтобы остаться незаметным, невидимым и неслышным. Медленно, едва подвигаясь вперед, он то перебирается на локтях и коленях, то ползет на животе, все время не спуская глаз со сторожа и в то же время неустанно следя за тем, чтобы не стукнуть о камень ружьем, не сдвинуть неосторожно какого-нибудь камешка.

Пока сторож стоит спокойно и смотрит в другую сторону, можно ползти более или менее смело. Но вот из-под руки охотника выскочил камень, на который он неосторожно оперся, раздался легкий, чуть слышный звук, и уже сторож немедленно повернул голову на этот звук, уставился глазами прямо в сторону охотника. Охотник, конечно, мгновенно замер неподвижно, и сторож его еще не видит, но он уже слышал подозрительный шум и должен убедиться, в чем дело. Он знает, что в горах камни нередко обрываются и падают сами, но знает также и то, что обрываются камни и под ногами подкрадывающегося барса или человека. Отчего сорвался камень на этот раз?

Козел стоит, как каменный, не шевеля ни одним мускулом, и пристально смотрит туда, где он предполагает опасность. Смотрит минуту, две, пять, десять, двадцать минут, иногда полчаса. Стоит, не поворачивая головы, и с необычайным вниманием осматривает местность в избранном направлении.

И в каком бы неудобном положении ни захватил охотника тот момент, когда он имел несчастье привлечь внимание сторожа, он должен оставаться совершенно неподвижным столько времени, сколько сторож будет смотреть в его сторону. Малейшее движение — и он будет

обнаружен. А тогда — конец охоте. Сторожевой козел издает тревожный „свист“, и мирно пасшаяся компания зверей внешне спокойно и как будто бы неспеша направляется кверху, к спасительным скалам. Но если бы попробовали последовать за теками, то быстро убедились бы, что двигаются они вовсе не так медленно, и что человеку не угнаться за ними.

Теперь охотнику остается только отправиться на поиски другого стада, так как подойти к потревоженному стаду неизмеримо труднее, чем к новому стаду. Да и уходят козлы часто очень далеко.

К тому же дело происходит высоко в горах, а известно, что на больших высотах воздух разреженный, передвигаться там крайне трудно. Быстро двигаться высоко в горах, хотя бы по ровному месту, человек совершенно не может. Даже при медленном движении ему приходится здесь постоянно останавливаться для отдыха. При подъеме же в гору эти остановки приходится делать иногда буквально через каждые 3—4 шага. Даже выросшие среди гор лошади, — и те при подъеме на высокие перевалы останавливаются поминутно.

Поэтому не много находится любителей охоты за горными козлами. Охотнику нужно иметь, прежде всего, прекрасное сердце, здоровые легкие, очень крепкие ноги и, наконец, огромное терпение и выдержку.

Большую часть года теки проводят среди альпийских лугов и скал. Только зимою они спускаются ниже. Здесь, в случае бурана, они забираются иногда на короткое время даже в лес. Однако, как только буран прекратится, теки спешат покинуть непривычную обстановку. Привыкшие жить в местах, откуда видно далеко во все стороны, эти осторожные звери не могут примириться с такою обстановкой, где самим им ничего не видно, а враг может подойти к ним из-за любого дерева.

Горные козлы никогда не держатся в одиночку, а всегда более или менее значительными компаниями, иногда — стадами в сотни голов. Ночуют они под защитой скал, где-нибудь на склоне горной долины, а с восходом солнца понемножку, не торопясь, начинают подниматься к гребню хребта.

По дороге кормятся на попадающихся лужайках, покрытых богатым ковром ярких альпийских цветов. В жаркий день козлы забираются очень высоко, спасаясь от жары, слепней и оводов. В холодные пасмурные дни они остаются ниже.

Достаточно подкормившись, теки спускаются к воде — утолить жажду, после чего опять направляются кверху и некоторое время отдыхают, выбрав надежное местечко и поставив одного сторожа, а в большом стаде и двух-трех сторожей. Сторожам этим нередко приходят на помощь постоянные соседи козлов — горные индейки (улары) и сурки. И те, и другие своим тревожным свистом, хорошо известным всем остальным горным животным, нередко предупреждают козлов об опасности, которой еще не заметили их сторожа.

Открыв опасность заблаговременно, теки, как уже было сказано, удаляются довольно спокойно; но сильно напуганные бросаются в стремительное бегство, причем тут уже не признают никаких препятствий. Никакой карниз, никакой скат, никакая щель не задерживает горного козла. Там, где не сможет пройти никакое другое животное, где под карнизами и в трещинах скал гнездятся лишь скалистые голуби да альпийские галки, горный козел уверенно и цепко карабкается, твердо и уверенно ставя свои как бы стальные ноги на малейшие выступы, где, казалось бы, не на что их поставить. По каменным осыпям, по которым мы пробираемся с большим трудом, медленно и осторожно, тщательно рассчитывая каждый шаг, козлы бегут полным ходом, словно по гладкому ровному месту.

Там, где их никто и ничто не тревожит, козлы иногда подолгу пользуются каким-нибудь одним особенно удобным убежищем. Однажды, например,

был найден в горах укромный уголок — прекрасно защищенный скалами от всех ветров, своеобразный дворик, которым теки пользовались так долго, что в нем накопился целый толстый слой навоза, как в хлеве.

Козлята у теков рождаются чаще всего по одному, и замечательно, что они уже с первого дня жизни могут ходить за матерями. Мать очень заботится о своем детенке и даже в опасности, тщательно спрятав его, далеко не уходит.

Козлята очень напоминают своим нравом домашних козлят: они такие же веселые, так же постоянно играют друг с другом, бодаются, поднимаясь на задние ноги и ударяясь лбами. Они очень легко ручнеют и хорошо растут в неволе.

Вся осторожность и чуткость теков не спасает их от страшного хищника — горного волка. Но у них есть и еще злой враг — барс. Эта огромная кошка, живущая там же, где и горные козлы, тоже питается главным образом ими да уларами, как-то умудряясь незаметно подкрадываться к осторожным животным.

Горный, или красный, волк

Очень высоко в горах, где уже кончается лес и нет даже кустарников, т. е. в полосе альпийского луга и скал, живет один зверь, который до сих пор кажется нам таинственным,—до того мало мы о нем знаем. Даже в тех местах, где он водится, многие считают все рассказы о нем сказками и не верят, что он в самом деле есть в их местности.

Правда, о нем не рассказывают никаких чудес, которые делали бы его действительно фантастическим и сказочным. Но зато, если спросить рассказчика, видел ли он когда-нибудь сам горного волка, то почти всегда услышишь в ответ: „Нет, сам не видел ни разу, но мне рассказывали о нем много раз“. И редко-редко удастся встретить человека, которому пришлось, хоть раз, встретиться с этим зверем.

В бывшем Семиречье, где горный волк не так уже редок, перебывало очень много путешественников и исследователей. Некоторые из них были прекрасными охотниками или приезжали нарочно для того, чтобы изучать местных животных,—и никто из них ни разу не встретил таинственного зверя, хотя рассказы о нем слышали все. Да, вот я и сам прожил и пространствовал в Семиречье больше двадцати лет но ни разу не видел горного волка на воле.

Так осторожно ведет себя горный волк и в таких диких местах он скрывается от человека. И все то, что нам о нем известно, мы узнали только от кочующих казахов и киргизов, которым при их кочевках в горах со скотом все-таки нет-нет да и приходится наткнуться на этого чуткого и осторожного зверя.

Первая особенность горного волка—он всегда держится стаями, никогда не встречаясь по-одиночке. В этом он не похож ни на одного из наших хищных зверей.

Мы, правда, уже знаем, что компаниями иногда держатся и охотятся корсак, а зимою и обыкновенные волки. Но у волков это бывает только зимою, у корсаков же это тоже не правило, а лишь нередкое исключение. У горного же волка—правило, причем „правило без исключений“. По крайней мере, все знакомые с этим зверем, в один голос уверяют, что он никогда не встречается иначе, как компаниями.

Это делает его особенно страшным не только для тех животных, на которых он охотится, но и для человека. В Казахстане—это, пожалуй, единственный действительно опасный для человека хищный зверь. Даже такой страшный хищник, как тигр, здесь почти никогда не трогает человека.

Только в виде редкого исключения может напасть на человека раненый или испуганный медведь.

Горный же волк, как уверяют, делает это при встрече с человеком нередко даже тогда, когда тот и не думает его трогать. Насколько это верно, сказать, конечно, трудно.

Впрочем, удивительного в этом ничего нет. Давно известно, что в компании все животные, да и люди, становятся смелее. Известно, например, что даже домашние свиньи в стаде делаются опасными, и были случаи, когда рассерженные свиньи нападали на людей и растерзывали их. Пример обыкновенных волков тоже хорошо известен: в одиночку они и близко не подойдут к человеку, в стаях же нередко нападают на него.

Немудрено, что горный волк, который всегда держится стаями и по опыту хорошо знает свою силу, несколько не боится человека. Кроме того, он живет в таких местах, где ему приходится иметь дело только с безоружными пастухами, так что он даже и не знаком с тем, что дает человеку силу в его борьбе с зверями—его ружьем.

Насколько велик страх, который он внушает местному населению, видно из такого случая. Пять человек киргизов возвращались с охоты; вечер захватил их высоко в горах. Они сели отдохнуть, но через некоторое время вдруг с

ужасом увидели стаю бегущих по направлению к ним горных волков. Быстро выбрав подходящее место среди больших камней, они засели там, как в крепости, и немедленно были окружены подбежавшими волками. И несмотря на то, что они были защищены камнями, что их было пять человек и все они были с ружьями, они рискнули сделать только по одному выстрелу и больше не стреляли, сохраняя патроны на крайний случай—если звери, наконец, прямо бросятся на них. Так охотники и просидели всю ночь до утра в осаде. Напасть на них волки все-таки не решились, отчасти, может быть, испуганные выстрелами, отчасти же оттого, что перед ними были не один-два, а пять человек. Но и уйти сразу они не захотели, неизвестно чего ожидая. В конце концов они, вероятно, так и остались в этот день без „обеда“, потратив на дежурство вокруг осажденного врага время до рассвета. С рассветом же эти строго ночные звери всегда удаляются в свои недоступные и никому неизвестные убежища.

Если все то, что рассказывают о горных волках,—правда, то боятся его люди не зря. В самом деле, в тех местах, где водятся эти звери, человеку при их нападении скрыться решительно некуда.

От обыкновенных волков, от разъяренного раненого дикого кабана человек нередко спасается на дереве. Здесь же нет не только ни одного деревца, но даже и кустика. Невысокая трава альпийского луга да голые скалы,—вот все, что вы видите вокруг.

Может быть, и можно было бы найти какую-нибудь скалу, на которой волки не достанут. Но они, конечно, не будут ждать, пока вы эту скалу найдете, и смотреть, как вы на нее взбираетесь. Застигнутый волками одинокий путник, конечно, обречен на гибель.

Да, вероятно, и не только одинокий, а даже и с товарищами, раз эти звери не побоялись атаковать пятерых, вооруженных винтовками людей.

Чем же объяснить, что нам до сих пор так мало известно об этом звере?—Прежде всего, горные волки живут высоко в горах, в таких местах, где люди бывают очень редко и проводят там очень немного времени. Во-вторых, звери эти ведут строго ночную жизнь и днем

никогда не показываются из своих убежищ. А следовательно и увидеть их трудно: для этого остается только небольшой промежуток времени—с вечера до темноты и утром с рассвета до того момента, когда они скроются на день. В-третьих, на день они удаляются в такие недоступные места, в которых люди и вовсе никогда не бывают.

Затем, красные волки соединяют с дерзостью большую чуткость, а, когда надо, и осторожность. И если они не захотят встретиться с человеком, то, конечно, всегда во-время сумеют сделать так, чтобы он их не увидел.

Наконец, не надо забывать и того, что из людей, которым пришлось столкнуться с горными волками, многие уже не возвращаются. И тайна попрежнему продолжает окружать этого зверя. Но все же кое-что о них мы знаем.

Главную добычу горных волков составляют горные копытные животные и особенно теки — горные козлы. Уверяют, что волки на охоте за ними бегут правильной цепью, ловко окружают и загоняют в такое место, откуда нет выхода, после чего и расправляются со своими жертвами.

Правда, теки так лазают и прыгают по скалам, что во многих местах, где они пройдут без труда, за ними не проберется никакой хищник. И если им удастся добежать до такого места, то они будут спасены. Но не везде есть такие места, а там, где они и есть, козлы не всегда успевают во-время до них добежать. Поэтому даже эти необыкновенно чуткие, осторожные и ловкие животные платят тяжелую дань горным волкам. Там, где много волков, число теков, в конце концов, заметно уменьшается. Уменьшается настолько сильно, что волкам начинает нехватать пищи и поэтому поневоле они вынуждены временно откочевывать из своих родных мест.

И такие кочевки, действительно, наблюдаются у этих хищников. Они совершенно неожиданно появляются в таких местах, в которых о них раньше и помина не было. Являются они неизвестно откуда, поселяются, живут некоторое время и потом так же таинственно исчезают, как и появились.

И каждый раз после таких нашествий горных волков совершенно явно уменьшается в этой местности число

теков. Уйдут волки — теки постепенно опять размножаются до прежнего количества. А через несколько лет их враги являются снова, вероятно, гонимые недостатком корма там, где они жили до этого времени.

Тот мой знакомый, которому удалось самому видеть красных волков, рассказывал мне, что он встретил их как раз во время охоты. Начала охоты он не видел, а застал тот момент, когда волки загнали на вершину скалы несколько теков и окружили их плотным кольцом. Конца расправы он также не дождался. Не вытерпев, он выстрелил по волкам. Выстрелил просто, чтобы их испугать, так ему стало вдруг в эту минуту жаль козлов. Испуганные выстрелом волки разбежались, а затем постепенно удалились и козлы.

Красные волки иногда нападают и на домашних баранов во время летнего пребывания скота на джайляу (горных пастбищах).

В неволе горные волки очень неприятные пленники. Даже молодые отличаются злобным и неуживчивым характером. Взятых из одного гнезда братьев и сестер нельзя держать вместе, так как они, едва подрастут, начинают постоянно грызться между собою. И грызутся с таким остервенением, что драка кончается гибелью одного из них, которого оставшиеся немедленно съедают.

Волчица горного волка, жившая в одном помещении с обыкновенным волком, в конце концов тоже загрызла своего соседа и съела его.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Тушканчики	6
Гребенщикова песчанка	18
Большая песчанка	22
Пеструшка	28
Еж	34
Корсак	42
Сайга	47
Тигр	57
Хомячок	83
Хомяк	87
Мышевка полосатая	94
Слепушонок	98
Соня	107
Бурундук	117
Горный козел, или „теке“	128
Горный, или красный волк	137